А. ЛИСТОПАДОВ

ПЕСНИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПРОФЕССОРА
Г. СЕРДЮЧЕНКО

Том I

часть первая

МУЗГИЗ · 1949

Памяти
Александра Дмитриевича КАСТАЛЬСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

А. М. Листопадов — один из самых замечательных современных отечественных музыкантов-фольклористов, и уже по одной этой причине его работа заслуживает самого пристального внимания.

Капитальный двухчастный первый том «Песен донских казаков», даже если рассматривать его изолированно, представляет собой первоклассный труд, написанный с глубоким знанием казачьего песнетворчества и с глубокой любовью автора к своему делу. Но не будем забывать, что за первым томом последуют еще четыре, уже законченных тома, охватывающие донскую казачью песню во всех ее разнообразных жанрах!

В итоге весь листопадовский труд должен включить около 1200 донских казачьих песен, дополненных примечаниями собирателя, рядом статей и указателей. Все это — плод полувековой работы автора (с 90-х годов прошлого столетия).

Первый том распадается на две части. В первой собраны былинные песни (65 записей), во второй — песни исторические (159 записей). И те и другие объединены в группы посюжетно, а исторические, кроме того, размещены в хронологической последовательности. В группировке былинных песен сюжетный принцип выражен в том, что последовательные комплексы песен приурочены к отдельным богатырям: Илье Муромцу, Добрыне Никитичу, Алеше Поповичу, Дюку Степановичу и другим. В особый отдел выделены эпические песни о зверях и птицах.

Далеко не все былинные песни имеют законченное сюжетное развитие. Да этого и нельзя было бы ожидать ввиду медленного развертывания повествования в развитой форме протяжной песни. Многие песни лишь как бы вводят в былину, дальнейшие события которой остаются недосказанными. Тем не менее, иные песни являют собой вполне законченные эпизоды, не требующие дальнейшего развития.

Многие сюжетные темы, очевидно, особенно любимые народом, встречаются в нескольких вариантах. Некоторые тексты наглядно говорят о прочности донской песенной традиции, о поразительной памяти народа.

Сравним, например, начало песни о Дюке Степановиче (№ 27) у Листопадова и у Кирши Данилова. Полтора века разделяют

эти записи, и, тем не менее, в обеих мы находим общность не только всей «музыки» начала былины, но и отдельных подробностей.

Дюк Степанович

(по Кирше Данилову)

Из-за моря, моря синего,
Из славного Волынца красна Галичья,
Из тое Карелы богатыя.
Как есен сокол вон вылетывал.
Как бы белой кречет вон выпархивал,
Выезжал удача добрый молодец
Молодой Дюк сын Степановичь,
По прозванью Дюк был боярский сын,
А и конь под ним как бы лютой зверь...

(по Листопадову)

Из-за гор-то было из-за крутых гор,
Из-за лесу, вот леса тёмного,
Ой из провальица было из глубокого,
Да из ущелья вот из широкого,
Не ясмён-то бы сокол с гор вылетывал.
Не белой-то кречет вот перепархивал.
Из того-то бы села Карачаева
Богатырь выезживал Дюк Степанович,
Ну под ним-то добрый конь, ровно лютый змей,
Ровно лютый змей, ох, ровно дикий зверь.

Несомненно, что внимательное изучение текстов Листопадова приумножит число аналогичных примеров.

Исторические песни охватывают темами громадный период — с середины XVI по конец XIX века. Здесь — песни о Ермаке, Степане Разине, Петре I, Семилетней войне, Суворове, Отечественной войне 1812 г., присоединении Кавказа, Русско-турецкой войне, выдающихся донских полководцах и пр. Особенно много песен о Степане Разине и Петре I. Конечно, не все они равноценны по выразительности текста. Некоторые имеют лишь «местное» значение, зато иные поднимаются до высоты художественно-философских обобщений и проливают свет на психологию свободолюбивого народа. См., например, замечательную балладу о единоборстве Петра I с казаком (№ 125).

Так или иначе, но перед нами развертываются непрерывной цепью события трехвекового периода, прочно запечатленные в народной памяти. Живая, неписанная история!

Многие песни снабжены интересными комментариями собирателя, дополнительно освещающими песенный сюжет. Примечания свидетельствуют о большой осведомленности А. М. Листопадова в истории края.

Особый интерес представляют записи песен «некрасовцев», покинувших родину после «Булавинского бунта» в начале XVIII столетия, проживших два века в Турции и только в начале XX века вернувшихся в Россию. Двести лет изгнания оказались бессильными стереть в душе народа память о родине и развеять песенные навыки, бережно передававшиеся на чужбине из поколения в поколение!

Если тексты былинных и исторических песен донских казаков по своему поэтическому удельному весу могут быть сравниваемы с лучшими образцами соответственных песен, записанных в разное время другими собирателями в различных районах России, то музыка донских былинных песен по своему богатству далеко оставляет за собою все, с чем в этой области мы до сего времени были знакомы (если не считать предшествующих публикаций Листопадова).

Действительно, одноголосные напевы, опубликованные в известных работах Ляцкого (1895), Маркова, Маслова и Богословского (1905 и 1911), Григорьева (1904 и 1910), Маслова (1911), Астаховой (1938), Крюковой (1939) и др., могли создать и создали у нас превратное представление о былинной мелодии вообще, как о бедном, коротком, монодичном речитативе[1]. Голос Листопадова, давно восставшего против такого неправильного обобщения, был услышан далеко не сразу. Поэтому одновременное появление 65 (!) былинных мелодий в богатой песенной форме будет настоящим подарком для всех тех, кому дорого приумножение сокровищ русской народной музыки.

Сказанное здесь о былинных песнях можно в большой мере отнести и к песням историческим.

Какие же качества донских былинных и исторических песен позволяют говорить об их музыкальном богатстве?

Во-первых, пластичность и полнота широких мелодий, часто выходящая за пределы октавы. Пластичность обусловлена предпочтительно поступенным движением и частым употреблением «наигрышного» гласного, а полнота — преобладающим полным семизвучным звукорядом.

Во-вторых, ладовое разнообразие. Господствующая в городах наша мажорно-минорная система не отразилась сколько-нибудь заметно на старинной донской песне. Здесь бытуют иные ладовые образования. Это, прежде всего, миксолидийский мажор и эолийский (натуральный) минор. Употребителен и дорийский лад, иногда с подвижной шестой ступенью. Встречаются неполные диатонические ряды — гексатонные и пентатонные, реже — натуральный мажор и фригийский лад. Не представляет исключения и «двоеладие».

В-третьих, стройная выдержанная полифоническая система изложения, которую сам автор определяет, как двухголосие, расширенное дополнительными наслоениями. Подробное исследование этого вопроса может представить тему для специального трактата.

В-четвертых, развитая форма песни, богатая разнообразием структур музыкально-поэтической строфы.

Таковы в кратких чертах признаки, определяющие музыкальное богатство собранных песен.

Особенное значение приобретают многоголосные записи Листопадова в наши дни, после исторического Постановления Центрального Комитета Партии об опере «Великая дружба». Постановление ЦК ВКП(б), резко осудив формалистическое направление в советской музыке, как направление антинародное, отметило многие серьезные ошибки в работе наших композиторов, в частности пренебрежительное их отношение к формам народного многоголосия, основывающимся на одновременном сочетании и развитии ряда самостоятельных мелодических линий. Тов. А. А. Жданов справедливо указал на «опасность отрыва современных ведущих композиторов от народа, когда забрасывается такой прекрасный источник творчества, каким является народная песня и народная мелодия» («Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б)», стр. 139).

Труд Листопадова дает композиторам ценнейший материал для изучения форм народного многоголосия.

Несколько слов о комментариях автора. Помимо упомянутых исторических справок, сопровождающих отдельные песни, и указателей, А. М. Листопадов включил в первый том четыре статьи:

---

[1] Лишь в печорских былинных напевах Гиппиус и Эвальд нашли многоголосную традицию (см. упомянутую работу Астаховой), что блестяще подтвердило давнишнюю догадку Листопадова.

1. Собирание народных песен на Дону. 2. Замечания собирателя. 3. О складе былин северных и донских. 4. Экскурс в область песенно-исторического творчества.

Статья «Собирание народных песен на Дону и моя работа» дает подробный исторический обзор изучения казачьих песен с критическим анализом опубликованных работ.

«Замечания собирателя» посвящены главным образом техническим вопросам записи и являются необходимым дополнением к каждому тому собрания.

«Экскурс в область песенно-исторического творчества» преимущественно рассматривает вопрос о роли донского казачества в создании исторических песен. «Народные исторические песни, — заканчивает автор, — это в подлинном смысле слова народная история русского государства в некоторой доле, еще же больше — история Тихого Дона, воплощенного в донском казачестве, живом, ярком и своеобразном народном организме».

С неослабным интересом читается наиболее обширная статья первого тома — «О складе былин северных и донских». В начале ее автор последовательно излагает эволюцию во взглядах отечественных музыковедов от Серова и до наших современников на природу русской песни в связи с проблемой ее многоголосия. Далее автор подвергает подробной критике «усвоенный северными собирателями путь записи напевов от исполнителей одиночек-сказителей» и приходит к такому выводу: «Игнорирование напевной стороны или неумение использовать ее, исключительное и систематическое обращение филологов к сказителям-одиночкам привело к упрощению бытовавшего на севере самого вида и склада былинного песенного напева, перевод его с мелодии на речитатив, прерываемый простым пересказом».

«Одноголосие в соединении с речитативностью, — продолжает развивать свою мысль автор, — повлекло за собой для сказителя полное освобождение от сдерживающих рамок напевного ритма и открыло широкое поле для всякого рода отклонений, отступлений и полной импровизации в тексте».

Донской былине не свойственна импровизация текста, так как хоровое пение «охраняет песню от всяких искажений».

«Если для северной былины центром тяжести является словесный текст, на который направлено все внимание собирателя и сказителя, то в донской былине наиболее видное место занимает напев». Сравнительная краткость бытующих на Дону былинных текстов является не признаком бедности или упадка эпического творчества, а функцией развитого напева. «Многоголосная, широко напевная форма донской былины с многословием не совместима»,— справедливо замечает автор. Итак, «форма напева обусловливает собой форму текста и обратно».

Таким образом в лице А. М. Листопадова мы видим не только опытнейшего и неутомимого собирателя, но и вдумчивого исследователя народной песни, поборника народной полифонии, приобретающей в свете Постановления ЦК ВКП(б) первостепенное значение для правильного развития советской музыки.

Труд А. М. Листопадова — ценнейший вклад в золотой фонд отечественной музыкальной культуры, наиболее значительная, как нам кажется, работа в области народной музыки за весь послеоктябрьский период. Это не только музыкально-этнографический документ, но и памятник истории; не только исторический памятник, но и художественная антология, которая, минуя всяческие обработки, может прямо войти в репертуар наших многочисленных хоровых коллективов.

С. Кондратьев

ВВЕДЕНИЕ

СОБИРАНИЕ НАРОДНЫХ ПЕСЕН НА ДОНУ И МОЯ РАБОТА

(Из наблюдений собирателя)

I

Начало публикации песенного творчества донских казаков,—если не считать отдельных песен, попадавшихся раньше в донской периодической печати,—относится к 1824 году, когда Кольбе было опубликовано первое собрание «Донских казацких песен». Пять песен, составляющих это собрание, напечатаны в «Русской старине» при очерке В. Д. Сухорукова: «Частная жизнь донцов в конце XVII и первой половине XVIII в.». Тексты этих песен являются в большинстве подлинными старинными, казацкими. Напевы же, как я писал еще в 1905 и 1911 годах, «не могут дать даже приблизительного представления о настоящей народной казачьей песне, вследствие неправильности записи и чуждой им гармонизации».

Работа Кольбе, незначительная сама по себе и по количеству песен и по качеству их обработки, явившись первой работой по донскому фольклору, чуть не на сотню лет дезориентировала русские музыкальные круги, воспитанные на западноевропейской музыке и совсем почти не знавшие донской песни.

Создалось представление, что Кольбе — непререкаемый авторитет в области донской казачьей песни. Е. Альбрехт в своем сборнике 1886 года в обработке казацких напевов последовал за Кольбе, не дав себе труда вслушаться в них внимательно и вскрыть те черты, которые отличают их от европейской музыки. За Альбрехтом последовал Шило, составитель сборничка 1891 года, а за последним в 1903 году — Хрещатицкий [1], целиком перепечатавший в своем сборнике все пять песен Кольбе.

Для меня лично работа Кольбе была полезна тем, что на первых же порах моей деятельности в области донского фольклора показала, как не следует подходить к народной песне, если ставишь себе целью сохранение ее подлинного вида и склада.

Приводимая ниже характеристика, в свое время данная А. Н. Серовым сборнику Прача, в полной мере применима и к собранию Кольбе: «Многие из напевов этого сборника,— говорил Серов,— весьма интересны, некоторые типичны; к сожалению, нельзя дать этим мелодиям полной веры, так как по гармонизации песен, разработанной Прачем, видно, что он не был в состоянии отрешиться хотя сколько-нибудь от форм

[1] О сборниках Альбрехта, Шило и Хрещатицкого — см. ниже.

итальянско-немецкой музыки. Небогатая гармонизация, большое пристрастие к септаккорду в его обращениях и к самым обыкновенным каденцам заставляли Прача смотреть на русскую мелодию сквозь чуждую ей призму,— отчего многие песни вышли у него похожими на мотивы экоссезов и матрадур,— то-есть танцев, ему современных» [1].

II

Через 40 лет после сборника Кольбе, в 1866 году, вышел «Сборник донских народных песен» А. Савельева, по подбору и обработке материала считающийся одним из лучших донских сборников.

К недостаткам этого сборника относится отсутствие данных о времени и месте записи, а главное, отсутствие напевов, вследствие чего часто теряется представление о народном стихосложении. При таком безнапевном способе записи обычно выпадают характерные для донской песни вставки, междометия и проч., имеющие важное значение для сохранения формы и размера стиха.

В сборнике Савельева 113 текстов; из них 18 взято из «Песен русского народа» И. Сахарова (1841 г.); остальные, повидимому, записаны самим собирателем. Заслуживает внимания обширный вступительный очерк, составленный с большим знанием казачьего быта и песни.

Нельзя не пожалеть, что Савельев в этом сборнике не дал ни одной песни-былины о старых русских богатырях, лишь упомянув во вступлении о наличии их у донских казаков. Он не ставит былины на первое место, как это вошло в традицию на Севере, а упоминает о них только между прочим, в главе семейных песен,— там, где проводит параллель между эпизодами из жизни Добрыни и казачьим бытом.

«Из всех мифических богатырей,— пишет он,— на Дону пользуется большою известностью Добрыня Никитич. Его прощанье с матерью, его выезд на богатырские подвиги, чтобы «душечку добра коня наездити, богатырские силы призуведати», долгое отсутствие из дому и в это время измена жены,— все это возбуждает особенное сочувствие между казаками, может быть, потому, что в жизни мифического Добрыни так много сходного с жизнью казака»: та же долгая служба, отсутствие из дому,— наконец, старость матери, судьба женщины одинокой, то же трогательное участие душечки — добра́ коня к хозяину ласковому, которому конь, как верный слуга и товарищ, «предвещивает», что «матушка сыстарилась, молода жена просваталась».

В 1885 году вышел из печати I отдел сборника — «Донские казачьи песни» А. Пивоварова, также без напевов; в него вошли 162 песни (исторические, разбойничьи, удалые и военные). Отдел II, состоящий из 147 песен колыбельных, свадебных, семейных и любовных, и III (43 песни «разного содержания») — не поступали в продажу и известны в очень немногих экземплярах. Помещенные в последнем отделе семь текстов донских былин вследствие этого не увидели бы света и не стали бы предметом изучения, если бы Вс. Ф. Миллер не напечатал их в «Этнографическом Обозрении» за 1902 год, вместе с четырьмя былинами новой записи [2]. Здесь же помещена статья Миллера «К новым записям былин

---

[1] А. Серов. Русская народная песня, как предмет науки («Музыкальный сезон». 1869 г.).

[2] Три былины записаны в станицах Усть-Быстрянской и Нижне-Кундрюческой в 1899 и 1900 годах В. Харламовым и одна — в станице Екатерининской в 1897 году — А. Листопадовым.

из Донской области», впервые ознакомившая научный мир с наличием на Дону былевого эпоса и с текстами некоторых, наиболее популярных среди донских казаков «старинных», «стародавних», «богатырских» песен,— под каковыми названиями ходят на Дону былины [1].

III

Последними сборниками, относящимися к прошлому столетию, являются два сборника с напевами: Е. Альбрехта и Н. Весселя — «Сборник солдатских, казацких и матросских песен», вышедший в 1886 году, и «Сборник русских, казачьих и военных песен для донского кадетского корпуса», 1891, автором которого, по имеющимся данным, был Шило. Образцов донского фольклора в этих сборниках мало: из 100 песен первого сборника — донских казачьих только 23, к тому же сильно изуродованных в части напевов; во втором — 8 из 37-ми. Положительного значения эти сборники иметь не могли, в особенности последний — крайне дилетантски составленный; ими на Дону пользовались мало.

Не высоки по качеству и следующие четыре сборника с напевами, вышедшие уже в текущем столетии: Хрещатицкого — «Казачьи песни Донского войска», 1903, с 11-ю донскими песнями из 23-х; С. А. Холмского — «Сборник казачьих песен», 1910, с 220-ю донскими песнями из 525-ти; Н. Голубинцева — «Песни донских казаков», 1911, состоящий из 65-ти донских казачьих песен, и, наконец, Вл. Арнольд-Ильинского — «Песни казаков», 1915 года с 6-ю песнями [2].

В этих четырех сборниках, как и в двух предыдущих, сказывается непонимание составителями их строя и характера донской казачьей песни.

Автор следующего по времени сборника Н. Н. Голубинцев к своему сборнику 1911 года приложил удостоверение Московской консерватории, выражающее сборнику одобрение, как «составленному с большим знанием духа казачьей песни и очень желательному для распространения».

Считаю нелишним отклониться здесь несколько в сторону, чтобы выяснить отношение русских консерваторий к вопросам русского фольклора.

В 1898 году вышел сборник песен уральских казаков, составленный А. и В. Железновыми. Он так же, как и упомянутый сборник Голубинцева, получил одобрение, на этот раз от Петербургской консерватории. Это показывает, как далеки были наши русские консерватории от знания русской народной музыки, в частности — донской песни. Они не понимали духа последней, ибо этот «дух» казачьей песни, на знание которого упирают обе аппробации, полностью отсутствует и в донском сборнике Голубинцева, и в уральском Железновых: они оба гармонизованы в западноевропейском стиле, противоречащем духу подлинной казачьей песни.

Правда, донская казачья песня имеет некоторые отличия от русской песни, вызванные особенностями казачьего быта. Но отличия эти на-

---

[1] Термин этот здесь на Дону, как и на Севере, известен среди народных исполнителей.

[2] Свои печатные работы 1905, 1910, 1911 и 1912 годов я здесь обхожу,— о них речь впереди.

столько несущественны, что проф. А. Д. Кастальский, теоретик и знаток русской народной музыки, в своем труде «Особенности народно-русской музыкальной системы» (изд. 1923 г.) «наибольшее количество закономерностей, распространяемых им на все русское многоголосие, выводит, главным образом и именно, из традиций донской казачьей песни» [1].

Проф. Кастальский в своих выводах исходил из совершенно правильного понимания донской казачьей песни, как одной из прямых отраслей русской народной песни, заключающей в себе лишь некоторые особенности, обусловленные историческим укладом боевой жизни донских казаков.

Русские консерватории обязаны были проявить больше внимания к изучению русской народной музыки и духа казачьей песни и одобрением таких работ, как дилетантские сборники Голубинцева и Железновых, несмотря на участие в них профессоров консерватории в качестве гармонизаторов, не вводить в заблуждение русское общественное мнение.

Если упомянуть еще о нескольких отдельных песенных текстах, разбросанных в донских газетах, и собрании В. Секретева и А. Чекунова («Донские областные ведомости» за 1875 год, 56 текстов), то этим будет исчерпан почти весь песенный донской фольклор, появлявшийся в печати в дореволюционное время.

IV

Раньше чем перейти к стоящим в хронологическом ряду собственным фольклорным собирательским работам, остановлюсь на группе коллективных сборников, изданных, после большого перерыва, в 1936, 1937 и 1938 годах и содержащих, в общем, до пятисот донских казачьих песен.

Первый из этих сборников был выпущен Сталинградским Областным издательством в 1936 году. Это — небольшой сборничек под названием «Песни донского казачества», состоящий из 56 текстов подлинных, в большинстве, донских казачьих песен. В нем чувствуется еще много собирательской неопытности. Однако во вступительной статье И. И. Кравченко видно понимание дела и серьезное отношение издательства к поставленной задаче. Это сказалось и во втором сборнике, выпущенном под тем же названием — «Песни донского казачества» — два года спустя. Здесь мы имеем и большое количество песен — 240, и более высокое качество записей, чем в предыдущих сборниках, и исчерпывающий комментарий с песенными паспортами. Но, к сожалению, и в этом сборнике отсутствуют напевы.

В противоположность сталинградским, сборники «Русских народных песен», выпущенные Военным издательством в 1936 и 1937 годах, не имеют ни предисловия, ни примечаний к песням, ни указаний о том, является ли песня произведением народного творчества или сочинением композитора или откуда песня взята и где, кем и когда записана. Непосвященному трудно разобраться в этих сборниках. Вся классификация песен сведена в них к механическому распределению по голосам; в отношении же содержания материал нивелирован доотказа. Можно было бы сборники эти обойти молчанием, если бы в них не попало несколько десятков донских казачьих песен с напевами. Однако, при отсутствии паспортов, отыскать эти песни затруднительно.

---

[1] Е. В. Гиппиус, «Локальные типы русского народного хорового многоголосия», 1939 г.

Кроме указанных сборников, Воениздат поместил несколько казачьих песен эпохи гражданской войны, с напевами, в журнале «Культработа в РККА» за 1937 год.

Наконец, в 1937 году Музгиз выпустил сборник «Песни донских и кубанских казаков» с напевами, состоящий из 52 донских песен и 7 кубанских. В 1938 году два сборника издало Ростовское издательство: один с напевами, под тем же названием, содержащий 25 донских и 10 кубанских песен; другой — без напевов — «Фольклор Дона и Кубани». Из 160-ти вошедших в него песен — 83 донских.

Последний сборник, при известных достоинствах в смысле разнообразия жанров (песни, рассказы, сказки) и охвата национальностей (русские, адыгейцы, шапсуги, армяне, цыгане), не выдерживает серьезной критики. Записи напечатанных в нем текстов производились, в основном, с пересказа, и лишь в 10-ти из 160-ти отмечена запись во время исполнения, с напева. При таком способе записи, как отмечает один из критиков, «по тексту, напечатанному в сборнике, никто не сможет спеть песню, никто не поймет ее задушевности». С заключением этим нельзя не согласиться. Проф. Н. Андреев, со своей стороны, выражает в «Молоте» за 1939 год сомнение относительно подлинности многих текстов: «Можно ли их считать действительно народными, не являются ли они опытами литературного творчества начинающих писателей, не проявляется ли в них рука собирателя или редактора, не подвергались ли тексты литературной правке или обработке? К сожалению,— заключает проф. Андреев,— ответов на эти вопросы мы не находим...»

Нельзя, наконец, не упомянуть появившихся в «Ученых Записках Ростовского н/Д Педагогического Института» за 1938 г. четырех текстов былин, записанных в 1881 году Ф. С. Аврамовым в станице Трехостровянской от 80-летней казачки — бабушки «Козихи» (о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче), а также изданного Ростиздатом в 1941 году сборника «Фольклор Дона», состоящего из 103 отрывочных текстов донских казачьих песен.

V

Перехожу к собственным собирательско-исследовательским работам. Начал я их еще в 1892 году случайными записями от молодых казаков, по преимуществу полугородских жителей, каждый раз отбирая одного исполнителя, который казался мне наиболее опытным и голосистым. Такого приема в те времена держались почти все собиратели не только текстов песен, но и напевов. Доведя число записей до тридцати и обработав их в духе общепринятой гармонии, я задумал издать их.

С этой целью я обратился к одному из книгопродавцов. По счастью, последний отнесся ко мне настолько критически и недоверчиво, что я не пожелал иметь с ним вторичного разговора.

Другой предложил мне обратиться к одному из профессоров Петербургской консерватории, чтобы тот составил аккомпанемент. Признаюсь, предложение это подействовало на меня еще более освежающе, ибо, во-первых, к тому времени я имел уже в руках неудачный и поучительный опыт с «квалифицированным» аккомпанементом в виде только что вышедшего сборника песен уральских казаков Железновых и категорически отказался повторить его над донскими песнями; во-вторых, я из внимательно проштудированных исследований о русской народной песне уже успел узнать, что «музыканты наши продолжают издавать народные песни с сопровождениями, не пригодными для рус-

ской музыки, в большинстве случаев, окончательно уничтожающими смысл мелодий...», и что «народная мелодия, по всем правилам уснащенная хитросплетениями контрапункта, гармонии и ритма, утрачивает свой настоящий характер и становится для народа совершенно непонятною»[1].

И я уничтожил большую часть своих первоначальных записей, увидев несоответствие между получившимся у меня одноголосием и бытующей среди донских песенников многоголосной традицией,— чтобы перейти к записи в обстановке, соответствующей действительной природе русской народной песни и ее ближайшей отрасли — донской казачьей песни,— в обстановке многоголосного исполнения, при участии нескольких певцов.

Перелом этот относится к 1894 году, каковой я и склонен считать годом начала своей действительной работы над песенным фольклором — русских и других народов. Нужно сказать, что работа моя, в отличие от работы большинства собирателей, записывающих одни лишь тексты, осложнялась тем, что я одновременно записывал и напевы, никогда не отделяя первых от вторых.

Своеобразие мелодических ходов (голосоведения) и гармонических сочетаний, отличающих казачью песню, меня мало смущало, потому что я с детства впитал их в себя. Но я должен был ознакомиться ближе со строем русской народной песни по сборникам и исследованиям. Поэтому я обратился к изучению всего, что можно было найти по этой части.

Через мои руки прошли почти все не только наиболее известные, но и мало известные, чем-либо останавливающие на себе внимание исследователя сборники песенных текстов без напевов, сборники с напевами и, наконец, исследования, начиная с работ Одоевского и Серова и кончая Фаминцыным, Сокальским и Коршем.

Самостоятельному штудированию этого разнообразного и обильного материала я посвятил не менее четырех лет. Однако всю работу по изучению и записи в этот период я производил как бы ощупью, не имея надлежащего руководства. Систематических знаний в области теории музыки я не имел. Не было у меня также образцов текстов и, особенно, напевов, которым без колебаний я мог бы следовать при записях как донской, так и, вообще, русской песни.

В текстах предшествующих, даже лучших, донских собирателей — Савельева и Пивоварова — я видел попытки литературной обработки, обычной в те времена и в области русской песни, с отбрасыванием вставок и междометий, с переработкой типичных народных выражений и оборотов. Музыкальные же «творческие» опыты «донских» собирателей — Кольбе, Альбрехта, Хрещатицкого,— известные к тому времени, отводили лишь еще дальше от подлинной казацкой музыки, которую я слушал в станицах.

VI

МНОГОГОЛОСИЕ И ПОДГОЛОСОК

Уже в этот начальный период своих исканий я не мог не обратить внимания на роль и место многоголосия столько же в донской казачьей, сколько в донской украинской песне, записи которой я также отдавал время. А роль эта настолько значительна и, я бы сказал,

---

[1] Ю. Мельгунов. Русские народные песни, вып. I, 1879; стр. III.

настолько первостепенна, что неотвратимо обязывала к переоценке всего того, что было в сборниках даже лучших русских музыкантов, на которых мы сами учились: Балакирева, Римского-Корсакова, Лядова.

Первым попал мне в руки сборник «40 русских народных песен» Балакирева (1866). К одноголосным русским мелодиям Балакиревым был придан фортепианный аккомпанемент. Сделано это мастерски, но мало напоминало русские народные песни Орловской, Пензенской и других губерний, только что мною записанные [1]. Многоголосие этих простонародных песен и многоголосие балакиревского фортепианного сопровождения не имели между собой почти ничего общего. Было ясно, что многоголосие пензенской, равно как и многоголосие донской, песни основано на каких-то иных принципах, отличных от принципов гармонии, лежащих в основе балакиревских аккомпанементов.

«Подголоски» Мельгунова и Пальчикова, открывшие многим глаза на действительный склад русской народной песни и положившие, можно сказать, начало пониманию основ русского многоголосия, сами по себе все же многоголосия не давали, предлагая не единовременную запись многоголосного исполнения, а лишь сводку подголосочных вариантов,— в виде отдельных, не связанных и не увязанных между собою мелодий. И это тем дальше было от подлинной многоголосной формы русской песни, что в самых сборниках Мельгунова 1879 и 1885 годов гармоническая обработка подголосочных мелодий, сделанная в I выпуске Н. Кленовским, во II, а также в особом выпуске 1888 года — П. Блярамбергом [2], не отвечала принципам Мельгунова.

Походило на то, что Ю. Н. Мельгунов, предлагая теорию своих «подголосков» и даже особо выписывая их в своих сборниках после каждой песни, сам не придает им практического значения и не склонен их держаться.

Н. Пальчиков [3] казался более последовательным: никаких обработок своим шести-восьми «подголоскам» каждой песни он не дает, оставляя их неприкосновенными; но эта неприкосновенность все же не дает многоголосной уфимской песни и лишь внушает сомнение своей механической искусственностью.

К такого рода выводам приводили меня поиски стиля многоголосного изложения казачьей народной песни.

Считаю нужным остановиться здесь на самом термине «подголосок» и его различном понимании и употреблении [4].

Первым, употребившим этот термин в смысле «всякого голоса, сопутствующего главному»,— безразлично от того, идет ли подголосок над «главным голосом» или под ним,— был Ю. Н. Мельгунов [5]. Непонятно только, откуда этот серьезный исследователь-новатор мог взять, будто сам народ называет так различные уклонения от главной мелодии, в то время как по утверждению А. А. Маслова («Опыт руководства...» 1911) так их назвал не кто иной, как сам Мельгунов.

Наши многолетние наблюдения показывают, что народные певцы — и казаки на Дону, и русские певцы в разных, упомянутых выше облас-

---

[1] В начале 1900-х годов.

[2] «12 русских песен из сборника Мельгунова, положенных на голоса П. Блярамбергом».

[3] Пальчиков. Крестьянские песни, записанные в Уфимской губернии. 1887.

[4] Различие это впервые подчеркнуто мною в работе «Донская казачья песня» (1905),— устно же в начале 1902 года, в докладе на заседании Московской Музыкально-Этнографической Комиссии.

[5] «Русские народные песни, непосредственно с голосов записанные», 1879 (ч. I, стр. XVII предисловия).

стях (Пензенской, Орловской, Саратовской, Московской и др.) — понимают термин «подголосок», как самый верхний голос, витающий над остальными, голос, который, по выражению казачьих певцов, «дишкàнит», выполняя самую верхнюю (однако не самую «главную») и нередко самую прихотливо-сложную, обычно доминирующую по высоте линию. Объяснения подголоска в мельгуновском понимании мы нигде и никогда в народе не слыхали.

Наши наблюдения не единичны. Они подтверждаются наблюдениями других собирателей, записывавших народную песню не от одного исполнителя,— как делало и до наших дней делает большинство собирателей,— а от коллектива исполнителей, более или менее многолюдного.

Так, Н. М. Лопатин, один из авторов «Сборника русских лирических песен» [1], первого по времени, действительно, многоголосного, дающего многоголосную русскую песню, а не коллекцию отдельных, по типу Мельгунова и Пальчикова, мелодий-подголосков, не связанных между собою в единое многоголосное целое,— замечает по поводу исполнения песен, что «запевала поет только запев каждого куплета, а затем он (запев) уже уничтожается могучим подхватом хора и большим количеством верхних подголосков, главных элементов красоты хорового исполнения». Н. М. Лопатин — не специалист-музыкант, а потому понятна в его устах неточность в отношении «большого» количества подголосков, как увидим ниже.

Подобное же замечание, однако более точное, делает в очерке «Украинская народная песня» П. Козицкий [2] об исполнении простонародных украинских песен. Основную мелодию в них, по его словам, «обычно ведут нижние голоса-басы, подголоски же — верхние звонкие голоса (обычно, один) — так называемый «верх», «горяк».

О казаке-песеннике Урюпинского района П. Н. Лобачеве составитель и комментатор сборника «Песни донского казачества» (Сталинградское изд-во, 1938) И. И. Кравченко пишет: «Живой, бойкий старик любил попеть, «поголосить» в компании; в хору был «подголоском», брал высокие ноты и вел мелодию без слов, голосом (на «э-э-э», «а-а-а», «о-о-о»), употребляя часто восклицания».

А вот страничка из «Тихого Дона» М. Шолохова (книга 4-я): «Вдруг, впереди, над притихшей степью, как птица, взлетел мужественный голос запевалы:

Ой, как на речке было, братцы, на Камышинке,
На славных степях на Саратовских...

И многие сотни голосов мощно подняли старинную казачью песню о Ермаке, и выше всех всплеснулся изумительной силы и красоты тенор подголоска. Покрывая стихающие басы еще трепетал где-то в темноте звенящий, хватающий за сердце тенор... Песенники уехали далеко,— а из темноты, издалека плыла, ширилась просторная, как Дон в половодье, песня... Уж и песенников не стало слышно, а подголосок звенел, падал и снова взлетал». (Подчеркнуто мною.— *А. Л.*)

В предисловии к сборнику «Великорусские песни» (1904 г., вып. 1) Е. Э. Линева, комментируя термин «подголосок» в мельгуновском понимании, пишет: «Я сохраняю название подголосок, как более известное, хотя в народе нередко подголоском называется только верхний голос,

---

[1] Сборник Лопатина и Прокунина. 1889. См. ч. 1-ю, стр. 147.
[2] См. журнал «Советская музыка» за 1936 г.

выделывающий разные украшения». Е. Э. Линева говорит это, уже успев достаточно ознакомиться — после моего доклада в Музыкально-Этнографической Комиссии в 1902 году о собирании песен на Дону — с донской казачьей песней и способами ее исполнения. «Встречается также,— продолжает она,— выражение: «петь на подголоски».

Выражение это — обычное у донских казаков; они относят его не ко всем певцам, участвующим в данном исполнении, а именно к высоким голосам и наиболее искусным песенникам, способным вести линию подголоска, как наиболее подвижную и трудную,— «брать на подголоски и выводить». Последним выражением казаки отмечают характерную особенность «подголосника»[1], который должен не столько повторять мелодию нижнего голоса в верхнем регистре, сколько именно «выводить» голосом иногда довольно замысловатые мелодические фигурки (ходы), варьируя их по своему умению и разумению.

Хорошие подголосники, соединяющие в себе с хорошим сравнительно голосом уменье «подголашивать» («голосить») или «дишкантить», встречаются далеко не часто. Впрочем, по замечанию одного из лучших донских песенников — Антона Гончарова, Ермаковской станицы, «всякий хороший песенник должен уметь и песню играть и подголашивать». Замечание это не раз подтверждалось на практике: каждый из пяти песенников Есауловской (ныне Разинской) станицы, не исключая и запевалы, поочередно, по нашей просьбе, вел линию подголоска. Подобные же пробы повторялись иногда и в других местах. Молодой песенник Екатерининской (ныне Красно-Донецкой) станицы, Егор Евлахов, отличный баритон и лучший запевала, художественно дишкантил на высоких фальцетных нотах любую песню из своего обширного репертуара,— хотя это и нелегко было для его баритона.

Все-таки нам не всегда удавалось отыскать специалистов-подголосников, и мы нередко были вынуждены обходиться без них, особенно в тех случаях, когда группа составлялась из стариков со слабыми старческими голосами.

В подобных случаях некоторые даже из наиболее заметных собирателей русских народных песен средних областей выходили из затруднения особым способом, который, по описанию Линевой, заключался в следующем: «Чтобы добыть правильный верхний или нижний подголосок, собиратель начинал петь очень низко главный мотив, и таким образом как бы загораживал внизу дорогу певцу и гнал его в верхний подголосок; чтобы получить нижний голос, он, наоборот, пел основную мелодию очень высоко,— тогда певец, с ним певший, поневоле переходил вниз».

Так делали В. П. Прокунин и сама Е. Э. Линева, так поступал И. С. Тезавровский — собиратель пермских народных песен. Метод этот среди некоторой части русских собирателей получил название метода «выжимания». Я, само собой разумеется, не мог пользоваться им в своей собирательской практике на Дону, по той простой причине, что донской казачий подголосок располагался только вверху, и не было поэтому нужды где-нибудь загораживать ему дорогу.

Нужно заметить, что для собирателя времен Мельгунова термин «подголосок», если и имел значение, то скорее теоретическое, нежели практическое, ибо многоголосные записи насчитывались тогда лишь единицами. Лучшими сборниками попрежнему считались сборники Балакирева, Римского-Корсакова, Прокунина (под ред. Чайковского),— все одноголосные, с фортепианным сопровождением, в основе своей

[1] «Подголосником» или просто «подголоском» у донских казаков называется певец, ведущий партию подголоска.

чуждым народной полифонии. Многоголосия русской народной песни даже крупные наши музыканты не принимали. А. Н. Серов, автор «Рогнеды» и «Вражьей силы», прямо отрицал его. В очерке «Русская народная песня как предмет науки» («Музыкальный сезон», 1869 г.) он пишет, что «народный напев всегда не что иное, как единичная одноголосная тема,— голая тема».

Иное, в противоположность А. Н. Серову, отмечает В. С. Серова, жена его, сама композитор, блестящая пианистка, ученица А. Г. Рубинштейна, созидательница народной консерватории для крестьянской молодежи.

«Какой народ,— говорила она,— поет так много, как русский! Какой народ так легко, не учась этому, вторит! Больше того: второй голос в русском народном пении составляет самостоятельную мелодию. (Русская гетерофония. — *А. Л.*).

А многоголосное пение! Ведь даже итальянский народ, прославленной музыкальности, поет в унисон!»

Н. А. Римский-Корсаков не возражал, когда на заседании Комиссии Педагогического музея в 1883 году в его присутствии было вынесено по поводу теории Мельгунова решение, что «факт полифонического народного пения, сообщенный Мельгуновым, представляется недостаточно доказанным» [1].

Многоголосных сборников, кроме упомянутого выше сборника Лопатина и Прокунина, не было, а именно Н. М. Лопатин десять лет спустя после Мельгунова, подчеркнув значение подголоска, как верхнего голоса, тем самым должен был дать до известной степени верное направление правильному пониманию этого термина. Я говорю «должен был дать», потому что заявление Лопатина осталось незамеченным, и ни один из исследователей и собирателей не остановил на нем в печати своего внимания.

Впервые после Лопатина термин «подголосок» в значении, отличном от мельгуновского,— в смысле самого высокого в исполнительском ансамбле голоса,— был мною дан в начале 1902 года в упомянутом выше докладе о донской казачьей песне и ее исполнении; после этого и Е. Э. Линева сочла возможным и своевременным, как мы уже отметили, обосновать двоякое понимание подголоска. Новейшая «История русской музыки» (под ред. проф. М. Пекелиса, 1940), спустя 36 лет, не нашла ничего лучшего, как подтвердить это заключение Линевой,— правильно, впрочем, отбросив версию об «основном» (главном) голосе и «второстепенных», ибо в народной гетерофонии бывает затруднительно выделить то и другое и без колебаний подчеркнуть понимание и употребление подголоска у донских песенников, как самого «верхнего голоса, подчас богато колорированного».

Твердую почву под ногами я почувствовал в 1902 году, когда включился в работу Московской Музыкально-Этнографической комиссии Общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Там я встретил внимание, помощь и направление со стороны актива Комиссии, в котором состояли А. Д. Кастальский, С. И. Танеев, А. Л. Маслов, А. Т. Гречанинов, Вяч. В. Пасхалов, Е. Э. Линева, Д. И. Аракчиев (Аракишвили) и др. Это было чрезвычайно ценно и своевременно.

Вопросам многоголосия, имеющим для русской народной песни существеннейшее значение, но еще не получившим к тому времени всеобщего признания и соответствующей разработки,— Московская Музы-

---

[1] См. сборник М. Е. Пятницкого — «Крестьянский концерт», 1914. Предисловие Вяч. В. Пасхалова.

кально-Этнографическая Комиссия, так же как и б. Петербургская Песенная Комиссия Географического Общества, правда, не уделяли особого внимания. Вопросы эти не дебатировались в очередных заседаниях, но иногда подвергались продолжительному и живому обсуждению в личных беседах с Кастальским, Танеевым, Масловым и Гречаниновым. В результате у меня начало складываться убеждение, что многоголосие должно быть свойственно в с е м русским народным песням, если не считать специфически одноголосных, исполняемых всегда и везде одним голосом — колыбельных и причитаний (причетов).

Вот что говорит по поводу моих исканий в области народной полифонии А. Л. Маслов в своем труде «Опыт руководства к изучению русской народной музыки» (1911): «Очень много интересных данных, в особенности, для изучения полифонии в русской песне, представляют труды одного из позднейших собирателей и исследователей А. М. Листопадова. Его наблюдения над собранным им в Донской области песенным материалом показали, во-первых, что донская (казачья) песня есть о д н а и з п р я м ы х о т р а с л е й в е л и к о р у с с к о й н а р о д н о й п е с н и, заключающая в себе некоторые особенности, обусловленные историческим укладом боевой жизни донских казаков; во-вторых,—что своим многоголосием своеобразно-контрапунктического характера казачья песня, существенно отличаясь от хоровых многоголосных произведений, построенных по законам западноевропейской музыкальной теории, в то же время отличается и от «русских народных» песен большинства существующих сборников, в которых, даже в лучших — Балакирева, Римского-Корсакова и др.,—русская народная песня представлена одноголосною. Многоголосие казачьей песни, вышедшее из былого общинного уклада жизни донских казаков с их «односумством», с их близким участием в интересах общественной жизни, с общинным землепользованием,—дает основание по аналогии предполагать т а к о е ж е м н о г о г о л о с и е и в п е с н я х р у с с к о г о н а р о д а, из среды которого вышли и сами казаки. Прямым выводом отсюда для Листопадова было давно сложившееся убеждение в о ш и б о ч н о с т и в з г л я д а н а ш и х п е р в ы х и с с л е д о в а т е л е й, в о г л а в е с А. С е р о в ы м, н а р у с с к у ю н а р о д н у ю п е с н ю, к а к н а о д н о г о л о с н у ю».

В связи с изложенным, привожу выдержку из письма В. В. Пасхалова по вопросу о складе былин: «Повидимому,— пишет он,— мы с вами сходимся на одной формуле,— что былины, т а к ж е к а к и в с е р у с с к и е п е с н и на всем пространстве Руси, поются одноголосно т о л ь к о т о г д а, к о г д а у п е в ц а н е т п а р т н е р а».

Одновременно с работой в Музыкально-Этнографической Комиссии я проходил курс консерватории. Однако консерватории наши, начиняя всякими теоретическими знаниями и навыками, в то время ничего не могли дать в смысле постижения законов народной полифонии. Наоборот, как это ни странным кажется, всю эту консерваторскую науку нужно было отбрасывать, садясь за работу над подлинно народными песнями.

Решение гармонических и контрапунктических задач плохо увязывалось с народной музыкой и ее особенностями, не подчиняющимися консерваторской теории. Узаконенная гармония с терцией в основе не согласовывалась с гетерофоническим голосоведением казацкой песни.

Нужно было итти за народным голосоведением, бережно сохраняя все его своеобразие, а н е в е с т и е г о, следуя консерваторской указке,— и в этом деле всякий новый выезд в неизведанные еще места, всякая новая командировка, в целях доработки, перезаписи или проверки прежней,— только укрепляли и подтверждали известную истину, что

учиться у народа никогда не поздно, что без непосредственного соприкосновения с жизнью казака и с его песней ты не сумеешь удержаться от композиторских соблазнов.

Я поэтому охотно шел на командировки и экспедиции, предоставляемые Музыкально-Этнографической Комиссией, благодаря рекомендациям которой не раз удавалось получать направления от донских органов управления, от Музея и Статистического Комитета, а впоследствии даже от Донского педагогического института и других организаций и учреждений — к казакам в донские станицы, к донским украинцам б. Донецкого округа и т. д.

VII

Таким путем, начиная с 1894 года и до настоящих дней, мною записано свыше 1200 песен донских казаков (все с напевами), с полным циклом свадебных песен и с подробным описанием казачьей свадьбы на Дону.

В число донских казачьих песен вошли 38 записанных мною уже в 1940 году песен казаков-некрасовцев, около двух с половиной столетий назад, во главе с атаманом Игнатом Некрасовым, бежавших в 1708 г. с Дона в Турцию и возвратившихся обратно в Россию [1]. Песни эти представляют большой научный интерес, как сохранившие почти в неприкосновенности язык донских казаков, донскую мелодику и характерную форму многоголосного исполнения.

Помимо этого, мною записано 70 донских украинских песен, около 70 русских (в Орловской, Пензенской, Московской и Саратовской областях), татарских и других и, наконец, в 1934—1936 годах 350 песен Таджикистана.

Всего, таким образом, мною записано почти 1800 напевов и текстов песен разных народов, не считая 100 выкриков разносчиков [2].

Для почти пятидесятилетней работы это, конечно, не много. Но нужно иметь в виду, что в своей собирательской работе я никогда не отделял текста от напева, уделяя совершенно одинаковое внимание как тому, так и другому, и почти всю работу по записи проделал в основном один. Часть текстов, которая была записана при посредстве других лиц, подвергалась в последующие выезды повторным прослушаниям и проверкам, иногда вплоть до перезаписей. Основная часть материала записана в период с 1898 по 1905 год; выезды с 1905 по 1915 год носили по преимуществу повторно-поверочный характер, и, наконец, начиная с 1934, помимо нескольких десятков донских казачьих песен, мною записаны упомянутые выше песни среднеазиатских народов и песни казаков-некрасовцев.

В свои сборники я никогда не включал песен, записанных другими собирателями, как это делали, например, А. Пивоваров (в его сборнике 1885 года на 85 процентов сборный материал), П. В. Киреевский, П. В. Шейн или, наконец, А. И. Соболевский, который сам не записал ни одной песни. Я не говорю, впрочем, что такие сборники не нужны.

Мой труд — труд собирателя, лично и непосредственно заносящего в свои нотные и словесные записи каждый звук, каждое слово, создаю-

---

[1] См. примечание к песне № 118. «Некрасовцы собираются на Кубань реку».

[2] Часть из них напечатана в «Трудах Музыкально-Этнографической Комиссии», том I, 1906 год.

щие песню, которые он непосредственно слышит и воспринимает. Почему я так делаю? Почему бы не увеличить количественно свое песенное собрание, как это не раз мне советовали, включением в него представляющих известный интерес чужих записей? Потому, что записи даже самые лучшие из донских — Савельева, Пивоварова—не удовлетворяют тем основным требованиям, которые я поставил себе с самого начала,— давать п е с н ю, а не давать один текст без напева или напев без текста. Притом — текст давать записанным не в отрыве от напева, а в подтекстовке, полностью сопутствующей всем изгибам напева с сохранением всех особенностей казачьей речи—лексических, синтаксических, морфологических, в полевых же записях даже фонетических [1].

Записи текстов у Савельева и Пивоварова, как и вообще у большинства собирателей песен без напевов, страдают, между прочим, еще одним важным недостатком: ритмика иногда затемнена в них настолько, что трудно добраться по таким записям до метрического строения народного стиха: повторения слов, полустихов, а иногда и целых стихов, вставки, междометия и т. д. часто опущены. Это обычно происходит от двух причин: или метрическое строение стиха совсем не имеется собирателем в виду, а все его внимание обращено только на содержание, или записи ведутся неумело, случайно, людьми, не знакомыми с техникой записи, и не в процессе пения, а с пересказа [2].

VIII

Печатание собранного мною материала началось в начале девятисотых годов — частью в виде самостоятельных сборников, частью — в коллективных изданиях.

Первая опубликованная мною работа «Д о н с к а я к а з а ч ь я п е с н я», напечатанная в 1905 году и затем (в 1906 году) помещенная в I томе «Трудов» Музыкально-Этнографической Комиссии Общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии под названием: «Н а р о д н а я к а з а ч ь я п е с н я н а Д о н у»,— представляет собою информационно-исследовательский очерк, к которому в виде песенных иллюстраций приложено 16 песен. Отличительной чертой этой работы является п о л н о е с о х р а н е н и е н а р о д н о г о г о в о р а, н е и с к л ю ч а я фонетических особенностей [3].

В 1910 году вышел в свет «Ш к о л ь н ы й с б о р н и к р у с с к и х н а р о д н ы х п е с е н д л я с р е д н е г о и с т а р ш е г о в о з р а с т а» Московской Музыкально-Этнографической Комиссии, выпуск 2-й, с 15-ю песнями из собрания Листопадова, в с п л о ш н о й п о д т е к с т о в к е.

Наиболее крупным по количеству вошедших в него песен является сборник «П е с н и д о н с к и х к а з а к о в», выпущенный в 1911 году [4].

---

[1] Так сделана моя первая печатная работа — «Донская казачья песня» 1905 г., в которой полностью сохранена и фонетика.

[2] В конце текста № 76 сборника Пивоварова находим пометку: «р а с с к а з ч и к забыл продолжение песни».

[3] Работа эта еще в рукописи в 1904 году была премирована большой серебряной медалью «За изучение мелодий донских песен». Отход от фонетики в последующих работах 1910, 1911, 1912, 1920 гг. явился результатом издательских соображений и требований.

[4] В 1912 году А. М. Листопадову за этот сборник присуждена золотая медаль и премия «В память Международных Конгрессов по антропологии и доисторической археологии 1892 г.» (Прим. ред.).

Сборник в значительной доле послужил материалом для исследовательского труда А. Д. Кастальского «Особенности народно-русской музыкальной системы», изданного в 1923 году, а также для «Истории русской музыки» под ред. проф. Пекелиса, 1940 года.

В него вошло 107 казачьих песен всех жанров, бытующих на Дону, от былин и песен исторических до свадебных и вешних, а также наиболее типичные для Дона военно-бытовые песни.

В следующем, 1912 году опубликованы две мои работы: «1812 год в народных песнях» и «Народные песни — донские казачьи, малорусские и великорусские», с 30-ю песнями (из них 13 казачьих) и вступительной статьей [1].

В 1920 году вышел небольшой сборник под названием «Шесть русских народных песен» из собрания Листопадова. После этого пошли использования моих записей разными издательствами для коллективных сборников. Отмечу из них наиболее заметные, о которых была речь выше: II и III сборники Воениздата 1936 и 1937 годов с 25 донскими казачьими песнями моей записи; затем сборник Музгиза,— «Песни донских и кубанских казаков» 1937 года, также с 25 песнями; сборник Ростовского областного издательства 1938 года — «Песни донских и кубанских казаков» с 23 песнями и, наконец, 2-й сборник Сталинградского издательства 1938 года — «Песни донского казачества» с 16 песенными текстами.

Во всех перечисленных сборниках песни моих записей даны с напевами, за исключением безнапевного сборника Сталинградского издательства.

В настоящее время Государственным музыкальным издательством предпринято издание пятитомника «Песни донских казаков», включающего 1200 песен моего собрания.

Том I — 65 донских былин и эпических песен и 159 исторических песен донского казачества. Всего 224 записи, в том числе 37 песен разинского цикла.

Том II — Военно-бытовые песни внешнего быта; походные и боевые, а также песни Советского Дона. 222 записи.

Том III — Бытовые песни внутреннего, домашнего быта; семейные и любовные, а также «песни вольного люда»,— охотничьи и разбойничьи. 208 записей.

Том IV — Бытовые скорые, хороводно-плясовые, гулебно-компаничные и вешние. 245 записей.

Том V — Казачья старинная свадьба на Дону. 296 песен с полным циклом свадебных обрядов.

Кроме записей напевов и текстов, в пятитомник включены мои статьи, к которым относится цикл работ под общим заглавием «Из наблюдений собирателя». В него входят статьи: «Собирание народных песен на Дону и моя работа»; «О складе былин северных и донских»; «Экскурс в область песенно-исторического творчества»; «Методы собирания и записи»; «Песенный фольклор казаков-некрасовцев».

IX

Заканчивая библиографический обзор материалов по песенному фольклору донских казаков Ростовской и Сталинградской областей, приведу хронологический перечень названий с указанием количества казачьих песен по каждому.

---

[1] Эта работа, помещенная предварительно во II томе «Трудов» за 1911 год, послужила материалом для труда проф. Н. А. Гарбузова «О многоголосии русской народной песни», 1939 года.

	Год издания		Количество записей
1	1824	Кольбе[1]. «Русская Старина». Сухорков и Корнилович. «Общежитие донских казаков в XVII и XVIII ст.» с 5 казачьими песнями	5
2	1866	Савельев А. «Сборник донских народных песен»	113
3	1875	Чекунов А. и Секретев. «Сборник донских литературных памятников народного творчества»[2]	56
4	1885	Пивоваров А. «Донские казачьи песни»	352
5	1886	Альбрехт Е. и Весселъ Н. «Сборник солдатских, казацких и матросских песен»	23
6	1891	Шило. «Сборник русских, казачьих и военных песен для донского кадетского корпуса»	8
7	1902	Миллер Вс. Ф., акад. «Этнографическое Обозрение», «К новым записям былин из Донской области»	11
8	1903	Хрещатицкий. «Казачьи песни Донского войска»	11
9	1905	Листопадов А. «Донская казачья песня» («Народная казачья песня на Дону» — I т. «Трудов», 1906 г.)	16
10	1910	«Школьный сборник для среднего и старшего возраста» Московской Музыкально-Этнографической Комиссии, с донскими казачьими песнями из собрания Листоладова	15
11	1910	Холмский С. А. «Сборник казачьих песен»	220
12	1911	Листопадов А. «Песни донских казаков». Вып. I	107
13	1911	Голубинцев Н. Н. «Песни донских казаков»	65
14	1912	Листопадов А. «Народные песни донские казачьи, малорусские и великорусские» («Записи народных песен в 1904 году» — II т. «Трудов Московской Музыкально-Этнографической Комиссии»).	13
15	1912	Листопадов А. «1812 год в народных песнях»	3
16	1913	Елкин М. «Что поют казаки 7-го казачьего полка»	18
17	1915	Арнольд-Ильинский В. «Песни казаков»	6
18	1920	Листопадов А. «Шесть русских народных песен»	6

---

1 Подчеркнуты сборники с напевами.
2 В «Донских Областных Ведомостях» за 1875 г.

19	1936	«Песни донского казачества», Сталинградское изд-во (1 вып.)	56
20	1936	«Русские народные песни», Воениздат, сб. II	10
21	1937	«Русские народные песни», Воениздат, сб. III	15
22	1937	«Культработа в РККА»	3
23	1937	«Песни донских и кубанских казаков». Музгиз	52
24	1938	«Песни донских и кубанских казаков». Ростовское изд-во	25
25	1938	«Песни донского казачества», Сталинградское изд-во (2 вып.)	240
26	1938	«Фольклор Дона и Кубани», Ростовское изд-во	83
27	1938	Аврамов Ф. С. «Донские былины старинной записи»	4
28	1941	«Фольклор Дона», Ростовское изд-во	103
29	1945	Листопадов А. М. «Донские былины», Ростиздат	64
30	1946	Листопадов А. М. «Донские исторические песни», Ростиздат	121
31	1947	Листопадов А. М. «Старинная казачья свадьба», Ростиздат	192
32	1948	Листопадов А. М. «Былинно-песенное творчество Дона», Ростиздат	137
		Итого	2150

Всего, таким образом, опубликовано 32 названия с 2150 донскими казачьими песнями, в том числе полных (с напевами) — 18 названий с 603 песнями.

Помимо имен собирателей, опубликованных в заглавиях книг и сборников, из собирателей, записи которых помещены в коллективных печатных сборниках, назову следующих: И. П. Шишова, С. А. Бугославского, Т. И. Сотникова, Р. А. Конькова и В. Головачева.

Из наиболее заметных неопубликованных рукописей следует отметить собрания без напевов: И. И. Кравченко — 700 текстов казачьих песен, В. А. Коханова — 120 и Я. П. Лепилина — 106; с напевами же — Т. Сотникова и Митрофанова и др.

Всего нам известно более 4000 записей донских казачьих песен, опубликованных и неопубликованных, из них более 2000 полных, с напевами. Эта почтенная цифра, редкая среди областных фольклорно-песенных собраний, составляется из 2166 опубликованных, 1200 моих с напевами, принятых к изданию, и более чем 1300 неопубликованных, по преимуществу, безнапевных, имеющихся в рукописях у других собирателей.

Сделано как будто немало. Однако фольклористам нашим, и в том числе фольклористам обеих областей, охватывающих донское казачество — Ростовской и Сталинградской, успокаиваться на достигнутом не следует. Мы уверены, что имеется еще достаточно широкое поле для собирательской работы как в старом, так и в новом, современном советском фольклоре.

Пробел этот должен быть заполнен: ускользнувшие от внимания прежних собирателей песни нужно суметь извлечь из памяти народной

и записать полностью и напевы и тексты. Для этого необходимо, чтобы собиратели были вооружены знанием и опытом.

Должны быть приняты, наконец, меры к опубликованию еще неопубликованных песенных записей, представляющих наибольшую ценность и интерес. Конечно, имеющиеся неполноценные безнапевные записи должны быть, по мере возможности, пополнены напевами, пока еще можно отыскать в местах записи текстов знатоков, пока живы старики-песенники, удержавшие в своей памяти напевы.

И чем скорее это будет сделано, тем больше надежды на успех.

ЗАМЕЧАНИЯ СОБИРАТЕЛЯ

§ 1.— Двойной скрипичный ключ, транспонирующий на октаву ниже, введен в целях большего удобства размещения на нотоносце теноровых высоких, особенно подголосочных [1] нот, при басовом ключе, требующих нескольких добавочных линий, а также, для большей наглядности, избавляющей от необходимости, при одном скрипичном ключе, гадать — должен ли исполнять партию женский голос или мужской.

§ 2.—Всякая протяжная донская песня начинается запевом, который исполняется одним запевалой. Некоторые песни имеют два запева: 1-й — для первого стиха, строфы или куплета, и 2-й — для последующих. При двух запевах слова «Запев 1-й» и «Все», в отличие от 2-го запева, мы заключаем в прямые скобки, как выполняющиеся в песне один раз и неповторяющиеся (№№ 5, 6 и др.).

§ 3.— Место вступления «всех» после запева указывается в каждой песне. Однако в народном исполнении «все» не всегда и не обязательно вступают одновременно. Обычно же момент вступления «всех» растягивается на такт, на два и больше (№№ 9, 20, 29 и др.).

§ 4.— Терминов «хор», «хоровое исполнение» мы намеренно избегаем, как не выражающих того, что в действительности есть или бывало в момент записи, ибо три-четыре человека хора не составляют, группа же песенников в 3—4—5 голосов уже дает многоголосие и в такие моменты бывала обычной.

§ 5.— Фермат среди песни в исполнении казаков-песенников почти не бывает, как не допускается затягиваний без нужды, нарушающих ритм песни; употребляется же фермата только на заключительной ноте. Во избежание излишней пестроты знаков при двухстрочной подтекстовке нашего изложения (см. ниже § 8), финальную фермату в многоголосном изложении мы иногда ставим не у всех голосов.

§ 6.— Мелкие ноты в напеве означают варианты (№№ 4, 7 и др.).

§ 7.— За отсутствием в современной нотной письменности особых микро-интервальных хроматических знаков интонационный сдвиг менее полутона вверх или вниз обозначается у нас или в сноске словами (например, № 27) или знаками: + (плюс) для повышения, — (минус) для понижения (№№ 34, 45 и др.).

§ 8.— Ввиду трудности подведения текста под напев в казачьих песнях, особенно — протяжных, мы всюду в подтекстовке даем две строки (для двух проведений напева), по образцу которых следует производить и дальнейшую подтекстовку. Для той же цели служат верти-

---

[1] Казачий подголосок—самый высокий в группе песенников, свободно льющийся голос. В отличие от казачьего, подголосок в трактовке Ю. Мельгунова—всякий вариант мелодии, безразлично от того, идет ли он выше «основного» или ниже.

кальные короткие жирные черточки над нотоносцами, отделяющие стихи один от другого. Две черточки разделяют строфы.

§ 9.— Казачье напевное исполнение не знает деления на голосовые партии: известное количество певцов, случайный состав голосов в итоге дают многоголосное изложение, позволяющее без композиторской обработки исполнять песни тем или другим ансамблем. Укладываем же мы в ноты в соответствии с той группой песенников, от которой песня записана, фиксируя на бумаге каждую заметную голосовую линию, сохраняя основные линии народного голосоведения — с тем, чтобы многоголосная структура песни стала ясной и понятной. В итоге получается тот или другой ансамбль, в одних случаях сходный по наличию «партий» с общепринятыми — четырехголосными: С — А — Т — Б[1] (№№ 19, 38), Т — Т — Бр — Б (№№ 7, 66, 78 и т. д.), трехголосными: С — С — А (№№ 117, 153), Т — Т — Б (№№ 14, 15), в других — не совсем обычные, как С — С — Б (№ 48), Т — Т — Т (№ 151) или С — МС — Т (№ 121), А — Т — Б (№№ 6, 77) и проч.

Об исчерпывающем соответствии здесь говорить, конечно, не приходится,— соответствие это относительное. Например, какая-нибудь песня изложена в нотах для трех мужских голосов. В организованном хоре это обычно тенор I, тенор II и бас. В действительности же, в момент записи, перед вами сидит несколько стариков с такими голосами, которые почти не поддаются определению ни в отношении характера, ни в отношении диапазона (объема), не говоря уже о качестве звукового материала. Все это голоса в прошлом, с грузом до 6-ти, 7-ми десятков лет каждый. Среди них не слышится, конечно, ни настоящего «баса», ни «баритона»,— ведут же одни из них линию нижних голосов, другие подголашивают, «дишкàнят» (дишкàнтят»). В таком «хоре» нет ни дирижера, ни солистов, есть запевала, ведущий данную песню; другую поведет другой. Есть «подголосник», самый высокий голос, доминирующий над всеми, какого нет в профессиональном хоре, причем является им не лучший по качеству голос; подголосок ведет тот певец, который лучше знает песню, или тот, у которого для высокого подголоска, по образному выражению одного из песенников, еще «звенит душа», у которого еще «позволительный струмент». В конце сборника в числе приложенных к нему указателей помещен также указатель исполнительских составов, который показывает, что народно-песенное исполнительство идет собственными путями, не склонно подчиняться академическим указкам. В дополнение к сказанному не можем не отметить следующего обстоятельства. Некоторые песни нашего собрания изложены трехголосно, иные четырехголосно, строго же говоря, это песни двухголосные, но с голосовыми наслоениями, расширяющими двухголосие. Однако укладываем мы их не в один нотный стан, который в письменном изложении иногда без особых затруднений охватил бы все зафиксированные записью звуки, но в два, чтобы сохранить мелодический рисунок каждой из голосовых линий, которую можно было проследить.

Каждая из песен нашего собрания дана для ансамбля того или другого состава от двух до шести голосов. Но это не значит, что песня, уложенная, скажем, в три голоса, не могла бы быть исполнена иным составом. Любая из казачьих песен, будучи многоголосной, может быть, при отсутствии партнеров, спета даже одним голосом, может итти и в сопровождении какого-либо инструмента или оркестра.

---

[1] С — сопрано. Мс — меццо-сопрано. А — альт. Т — тенор. Бр — баритон, Б — бас.

§ 10.— В части текстологической руководящим принципом нашей транскрипции народного казачьего словесного текста является бережное к нему отношение. А потому в своем письменном воспроизведении мы всюду сохраняем в неприкосновенности все особенности казачьей речи, относящиеся к морфологии и синтаксису, к лексике и фразеологии. Не допуская олитературивания ее, мы сохраняем характерные для казачьего исполнительства повторы слов, стихов и строф, словообрывы, употребление междометий «ой», «ай», «ей да», «ай да», без которых не обходится, можно сказать, ни одна «долгая» казачья песня; внесмысловые вставки — «вот бы», «али», «на», «то-то», «скажем», «гвари» (говори) и проч.; наконец, «наигрышные» гласные, нередко начинающие запев (№ 38: «А-ой да, как во славном», № 48: «А-ой да, ну, во Крымской да было во земелюшке» и др.). В области же фонетики мы не считаем нужным фиксировать общие для всех донских диалектов фонетические признаки, как йканье и аканье — переход неударных «е» в «и» и «о» в «а», а также обычное в подавляющем большинстве донских говоров мягкое «т» в 3 л. ед. и множ. чис. глаголов наст. и буд. времени («сидять, идёть, будеть, убегуть»). Что касается яканья, то так как во всех донских диалектах, как мы отметили, «е» неударное переходит в «и», и этого мы совсем не отмечаем,— переход предударного «е» в «я» в большинстве случаев подчеркиваем, как не общедонской: «Лябёдушка», «ня буду», «ня хочешь», равно как и ряд других особенностей языка. Встречающиеся в казачьих песнях колебания в произношении даже в пределах одной и той же песни представляют собою обычное явление и объясняются: одни — условиями разновременного в течение веков заселения Дона выходцами из разных местностей Руси, другие — влияниями, с одной стороны, городов и больших окружных станиц, с другой — поголовной в недавнем прошлом военной службой казаков в местах расквартирования казачьих частей и полков, откуда они и приносили вместе с новыми песнями и новые обороты речи, вносящие колебания в местный казачий говор.

Ударения отмечены лишь в случаях их необычности. (№ 1 «Да и кто же нас допои́т, докорми́т», «А побью, погромлю всех бого́тырей»).

§ 11.— Заголовки к песням даются по первому стиху словесного текста [1], однако приводятся они, равно как и подзаголовки, выводящиеся из содержания песни, в большинстве случаев в литературной транскрипции и без наигрышной гласной.

§ 12.— Под каждым текстом, вслед за названием пункта записи, стоит дата записи, в некоторых случаях две-три даты; первая из них показывает первоначальный год записи, следующие — повторные прослушания, проверки, нередко перезаписи (вторичные записи) той же песни в том же пункте и часто от тех же песенников.

§ 13.— В соответствии с мелодическим характером напевов донских былин и считаясь с отсутствием в языке народа термина «былина», мы, не отказываясь от последнего, как ставшего уже традиционным, нередко именуем донские былины «былинными песнями», каковыми они по своему напевно-мелодическому складу, в действительности, и являются, отличаясь тем от северных былин речитативно-сказового типа.

Я всегда с признательностью вспоминаю членов Московской Музыкально-Этнографической комиссии А. Т. Гречанинова, С. И. Танеева, А. Д. Кастальского и председателя комиссии Н. А. Янчука, их советы и указания как в отношении моей собирательской практики, так и при

---

[1] Цитируемому не всегда буквально (Прим ред.).

подготовке к печати моих ранних работ — 1905, 1910, 1912 гг., особенно же сборника «Песни донских казаков» 1911 года.

ДОПОЛНЕНИЯ РЕДАКТОРА К «ЗАМЕЧАНИЯМ СОБИРАТЕЛЯ»

Обстоятельства сложились так, что первый том «Песен донских казаков» мне предложили редактировать уже в корректуре и гранках. Поэтому, чтобы излишне не задерживать и так уже чрезмерно затянувшееся издание выдающегося труда А. М. Листопадова, пришлось помириться с некоторыми техническими погрешностями, не имеющими, правда, существенного значения, но все же в иных случаях требующими оговорок. К таким погрешностям следует отнести, например, двойные паузы (вместо одинарных) в пустых тактах, злоупотребление разрывами, а иногда неправильной разбивкой такта (при переносе) и некоторые другие.

Не всегда автором указан способ исполнения начального запева, когда он «включается» в более развитой второй запев. В таких случаях первый запев должен вести любой голос по своей партии.

Если какой-либо вступающий после запева голос не имеет на своем вступлении подтекстованного слога, он должен подхватывать соответствующий слог или гласный звук запевалы.

Длинные лиги, нередкие в партиях верхнего мужского голоса («подголосника»), объединяют звуки, выпевающиеся на «наигрышные» гласные — *а* и *е*. Иногда эти гласные автором дифференцированы, иногда же вовсе не оговорены.

Бывает, что автор подтекстовывает ноту одной согласной буквой. Я сохранил эту нотацию только для звонких согласных (например, для *м* и *н*); в остальных случаях добавил к согласному вставной гласный *ы* в скобках: *к(ы)* вместо *к*, *ш(ы)* вместо *ш* и т. п.

Не приведена по вышеуказанным причинам к полному единообразию и пунктуация. Надо сказать, впрочем, что при записи «текста на музыке» во многих, особенно протяжных, народных песнях вопрос о «правильной» пунктуации вряд ли может быть вообще удовлетворительно разрешен, так как цезура в напеве и тексте постоянно вступают друг с другом в противоречие.

Значительным изменениям подверглась транскрипция словесных текстов[1], и вот по каким соображениям.

Работа А. М. Листопадова, несомненно, привлечет внимание широкого круга читателей и исполнителей, поэтому прежде всего она должна быть приведена там, где это возможно, к общим орфографическим нормам и освобождена от мелких локальных разнопроизношений одного и того же слова (например: утреней, утренней и утренай; садился, садился, садилсы; тонкий и тонкай и т. п.), происхождение которых автор объясняет в § 10 «Замечаний собирателя». Подобные разнопроизношения, быть может, интересные для специалиста-диалектолога, лишь затруднили бы чтение, а тем более разучивание песен.

Произведенные в транскрипции редакционные изменения могут быть разбиты на две группы: 1) изменения, не влияющие на произношение слова, и 2) изменения, влияющие на произношение слова.

Первая группа

Особенности произношения, общие для всех донских говоров и русской литературной речи, всюду передаются при помощи общепринятой орфографии. Поэтому:

1) Окончания род. и вин. падежей ед. ч. мужск. и ср. рода прилагательных, причастий и местоимений даны в формах типа — большого, милого, синего, его, а не — большова, милава, ево.

2) В третьем лице наст. и буд. вр. и в неопред. наклонении возвратных глаголов соблюдена орфография окончаний — *тся* и *ться* (хочется, видеться) вместо — *тца* (хочетца, видетца).

3) Произношение жж в словах типа — у е ж ж а е т, п р и е ж ж а л передано в тексте орфографически принятым *зж* (уезжает, приезжал).

4) Взамен ш т о, ш т о б ы всюду даны — что, чтобы.

Вторая группа

1) Окончания им. пад. ед. ч. прилагательных мужск. р. всюду даны в форме *ый, ий* (добрый, миленький) при возможных — добрай, миленькай.

2) В имен. пад. мн. ч. прилагательных взамен возможных на Дону форм на *аи*

---

[1] В этой части редакционной работы я широко пользовался советами члена-корреспондента Академии педагогических наук проф. Г. П. Сердюченко и члена Союза советских писателей М. И. Кондратьевой. За оказанную помощь приношу им сердечную благодарность.

(добраи), *ии* (вражии) всегда даются общепринятые написания с окончаниями *ые, ие* (добрые, вражие).

3) В вин. пад. ед. ч. прилагательных женск. р. на месте возможных местных форм на *аю* (царскаю), *ию* (дальнию) в публикуемых текстах даны формы на *ую, юю* (царскую, дальнюю).

4) В заударном положении *е* в донских говорах часто заменяется гласным *а* неполного образования (нашаму, улицай, огонюшак); в публикуемых текстах, согласно общепринятому письму, сохранено *е* (нашему, улицей, огонюшек).

5) При параллельно возможных глагольных формах на *лся, лсы, лси* (садился, садилсы, садилси) дается орфографически общепринятая с а д и л с я.

Все изменения этой группы (за исключением факультативных глагольных форм на *лся, лсы, лси),* произведенные в текстах песен, сохранены, однако, в п о д т е к с т о в к а х н а п е в о в на тот случай, если какой-либо читатель или хоровой коллектив захотел бы более детально ознакомиться с «речью на музыке» донских казаков.

Из местных особенностей речи с о х р а н е н ы:

1) Вся лексика в ее донском фонетическом обличии (салтан, купарис, толичка и др.), а также варианты собственных имен (Россия и Рассея, Киев и Кенв, Илья Муромец, Илья Муровец, Илья Мурович и др.).

2) *Шн* и *шш* на месте *чн* и *щ* (клюшник, станишник, собачишша).

3) *И* на месте *ы* после согласных в некоторых открытых слогах (висока я).

4) Смягчение *р* (перьвый) и заднеязычного *к* после мягких согласных (Сенькя); а также формы типа — т а т а р и н ь и им подобные.

5) Мена *в* и *у* в начале слов и в предлогах — усе (все), удова (вдова), в мене (у меня), в родной мамушки (у родной мамушки).

6) Особенности в огласовке приставок, предлогов и частиц: *сы* (сыстарилась, сыезжалися); *кы* (к, ко); *вы* (в, во); *сы* (с, со); *жа* (же).

7) Окончание *тя* во мн. ч. глаголов буд. вр. и повел накл. (пойдемтя, будетя).

8) Форма *сси* в глаголах 2 л. ед. ч. на месте *шься* (женисси, замирисси).

9) Деепричастные формы типа — увидемши, поехамши (вместо — увидевши, поехавши).

10) Форма вин. пад. ед. ч. прилагат. женск. р. на *ую* (каленуя стрелу, другуя-то ночку).

11) Специфические суффиксы ласкательных — *ушк, унък* (Алёшунька, дорожунька, крылушки).

12) Замена среднего рода женским в формах существительных и прилагательных, например: черкасская седло, сердечка загарчивая, моря синяя и т. п.

13) Некоторые особенности в падежном управлении, например: во чистом полю, во чисту поля, на душечке добру коню, на моим была сыночку платья цветная, и ряд других.

В заключение должен отметить, что не всегда легко согласиться с авторской метризацией напева (распределением тактовых черт), а в некоторых случаях и с разбивкой поэтического текста на стихи и строфы. Однако, согласно желанию А. М. Листопадова, я всюду сохранил авторскую редакцию метрики и строфики песен, ограничившись редкими исправлениями лишь там, где они вызывались прямой необходимостью и общепринятыми в печати правилами.

С. К.

БЫЛИННЫЕ ПЕСНИ

О СКЛАДЕ БЫЛИН СЕВЕРНЫХ И ДОНСКИХ

I

Изучение сборников русских народных песен с напевами, а также ознакомление с взглядами исследователей и собирателей[1], которые представляли себе русскую народную песню, как песню одноголосную, уже на первых порах моей собирательской работы, в конце девяностых годов, указывало на наличие в казачьей донской песне многоголосия, что было ясно для меня с первых шагов.

Однако сопоставление русских песен из указанных сборников с песнями донских казаков, которые я знал и записывал на Дону, вызывало во мне разные сомнения и ставило вопрос, действительно ли одноголосие имеет место в русской народной песне и не является ли оно результатом особого подхода первых собирателей к русской песне, вызванного, может быть, трудностями записи напева или иными причинами.

Первые сомнения подобного рода вызвал у меня сборник песен 1886 года, записанных Истоминым и Дютшем в б. Архангельской и Олонецкой губерниях по заданию Русского Географического Общества. В докладе в Донском Статистическом Комитете о необходимости организации на Дону экспедиций для записи казачьих песен[2] я отмечал: «Прекрасно изданный сборник Истомина и Дютша представляет собою собрание «голых» мелодий, без всякого намека на способы народной гармонизации. Я, впрочем, будучи лично и непосредственно незнаком с песней северных губерний, не имею оснований утверждать, что песни поются там не так, как они изложены в вышеупомянутом сборнике: может быть, там песню поют именно в одиночку или же несколькими голосами унисонно».

Произведенные мною в 1904 году записи русских песен в б. Пензенской, Орловской и Московской, а впоследствии и в Саратовской губерниях, укрепили сомнения мои в одноголосии русской народной песни, так как почти все записанные там песни оказались многоголосными[3].

---

[1] М. А. Балакирев, Н. А. Римский-Корсаков, В. Ф. Одоевский, А. Н. Серов, Сокальский и др.

[2] Напечатан в газете «Донские Областные Ведомости» за 1902 год.

[3] Одноголосие зафиксировано лишь там, где в исполнении участвовал один певец. Часть этих песен напечатана во II томе «Трудов Музыкально-Этнографической Комиссии», 1911.

Все это дало мне основание сделать вывод, получивший следующую формулировку в труде А. Маслова[1]: «Многоголосие донской казачьей песни... дает основание по аналогии предполагать такое же многоголосие и в песнях русского народа, из среды которого вышли и сами казаки... Прямым выводом отсюда для Листопадова было давно сложившееся убеждение в ошибочности взгляда наших первых исследователей, во главе с А. Серовым, на русскую песню, как на одноголосную».

Взгляд Серова, выраженный им в очерке «Русская народная песня, как предмет науки», как известно, впервые был поколеблен работой Ю. Мельгунова «Русские народные песни, непосредственно с голосов записанные» (1879 г.): «Ознакомившись со строем русской музыки и с характером ее исполнения в народе,—пишет Мельгунов,—мы приходим к заключению, что стиль народных напевов полифонический; только никогда не слыхавший русского народного хора может утверждать, что в хороводах поют в унисон».

В. В. Пасхалов в своем предисловии к сборнику Пятницкого (1914 г.) по поводу этого утверждения говорит следующее: «Впервые из уст Мельгунова любители русской песни услышали аксиому, которая в наше время очевидна для каждого начинающего свою деятельность музыканта-этнографа. Аксиома эта состоит в том, что на всем пространстве необъятной Руси среди великоруссов бытует песня многоголосная, каждый отдельный голос представляет из себя самостоятельную, законченную и в музыкальном отношении интересную мелодию».

Как же отнеслись музыканты к утверждению Мельгунова? —«В одном из заседаний Комиссии Педагогического Музея,— пишет Пасхалов в том же предисловии,—присутствующие специалисты музыкального искусства так отозвались о теории Мельгунова: «Факт полифонического народного пения, сообщенный Мельгуновым, представляется недостаточно доказанным, тем более, что Мельгунов удостоверяет это явление, основываясь на пении в одной лишь местности (Калужская губ., деревня Тишинино).

Однако собиратель уфимских крестьянских песен Н. Пальчиков полностью подтвердил вывод Мельгунова: в своем сборнике 1887 года он изложил песни так же, как и Мельгунов, в виде отдельных подголосочных вариантов, представляющих собою, правда, не единовременную запись хорового исполнения, а сводку вариантов, дающих материал для многоголосной хоровой формы.

Произведенные мною многочисленные записи донских песен, особенно же записи, сделанные в 1940 году от казаков-некрасовцев, возвратившихся из Турции после двухвекового полного разобщения с Доном, но принесших обратно старые донские исполнительские традиции многоголосия, окончательно разбивают господствовавшее еще даже в начале нынешнего столетия мнение об одноголосии русской народной песни, вообще, и былины, в частности, утверждая их многоголосный склад.

В. Пасхалов, исходя из изучения воронежских записей Пятницкого, подчеркивает, что «Воронежская губерния, как и всякая губерния средней полосы, знает только один склад песни — хоровой и поет про Илью Муромца или про Петра I в таком же лирическом духе, как и про веснушку или жавороночка».

Последние слова Пасхалова подтверждают мое наблюдение над донскими былинами, которые «поются донскими казаками так же, как

---

[1] «Опыт руководства к изучению русской народной музыки», 1911.

и все вообще протяжные донские песни,— речитатив и одноголосие северных былин, как правило, в них отсутствуют»[1].

«Напевы былин,— пишет Е. Линева в предисловии к своему сборнику 1904 года,— вообще еще ждут серьезного исследования, тем более, что есть данные, указывающие на существование в некоторых местностях нашего Севера многоголосных былин, которые пока еще никем не записаны».

Это предположение Линевой нашло подтверждение тридцать лет спустя в работах экспедиции ленинградской фольклорной комиссии 1935 года, во главе с А. М. Астаховой; экспедицией привезены с Печоры и Мезени многоголосные былины, причем Е. Гиппиус и З. Эвальд определенно говорят о существовании на севере многоголосной былинной традиции[2].

Записи последнего времени, сделанные кроме Севера и в других местах СССР, дали уже достаточно существенный материал, позволяющий приступить к изучению русского народного многоголосия на основе позднейших обследований северно-русских районов, на юге же — многоголосной традиции донских казаков.

II

Донские былины также могли бы показаться одноголосными, если бы пишущий эти строки, убоявшись трудностей записи бытующего на Дону многоголосия, стал на усвоенный северными собирателями путь записи напевов от исполнителей-одиночек,— сказителей.

Должен сказать, что усилиями местных собирателей-словесников этот односторонний путь записи давно уже прививается и на Дону. Не говоря уже о старых сборниках текстов Савельева (1866) и Пивоварова (1885), все сборники последних годов[3] строились на принципе записи от одиночек и, по преимуществу, с пересказа. Даже экспедиции 1939 и 1940 годов, отправлявшиеся из центра на Дон, шли по тому же проторенному пути записи от одиночек,— в лучшем случае, производя записи не с пересказа, а с голоса.

Мне думается, будь около первых собирателей северных былин — Рыбникова, Гильфердинга и др. — люди, которые могли бы записывать напевы, или будь они сами знакомы с музыкой,— северные былины, несомненно, получили бы присущий русским песням многоголосный вид.

К. Барсов в предисловии к своей замечательной книге «Причитания северного края» (1872) высказывает глубокое сожаление, что напевы причетов им не записаны.

Другой неутомимый собиратель русских и белорусских песен П. Шейн «также не раз скорбел о том, что его богатое собрание песен не сопровождается напевами»[4].

И К. Барсов и П. Шейн были оба собирателями текстов песен без напевов, однако, они глубоко понимали значение последних.

---

[1] А. Листопадов. Донская казачья песня, 1905. Следует отметить, что донские песенники не знают и не употребляют слова «былина»; песни былинные они называют просто песнями — «старинными», «стародавними», «старооте́ческими», «богатырскими», «прадедовскими» и т. п.

[2] См. А. М. Астахова, «Былины Севера», 1938, с замечаниями Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд.

[3] «Песни донского казачества». Сталинград, 1936 и 1938. «Фольклор Дона и Кубани». Ростов, 1938. «Фольклор Дона». Ростов, 1941.

[4] Е. Линева. Великорусские песни. Вып. I. 1904. Предисловие.

Игнорирование напевной стороны или неумение использовать ее, исключительное и систематическое обращение собирателей филологов к сказителям-одиночкам привели к упрощению бытовавшего на Севере самого вида и склада былинного песенного напева, к переключению его с мелодии на речитатив, прерываемый простым пересказом. Так, в былине о «Неудавшейся женитьбе Алеши»[1] после 27 стихов текста следует ремарка: «Далее певица рассказывала говорком». В «Былинах Севера» А. М. Астаховой былина «Добрыня и Алеша Попович» имеет всего три (первых) стиха, которые дальше переходят в пересказ в прозе.

О знаменитом сказителе И. Т. Рябинине его биограф Е. Ляцкий рассказывает, что Рябинин обыкновенно «одну половину былины пел, а другую «сказывал»[2], и что пересказывать былины он научился не у себя на Севере, а в Петербурге.

III

Приведенные выше высказывания Линевой и Пасхалова, в особенности же позднейшие записи, сделанные экспедицией Астаховой, свидетельствуют о том, что одноголосие, если оно действительно бытует на Севере,— и не только в записях, но в действительности,— все же не может считаться законом для всего Севера. Если в отдельных местах в записях и было зафиксировано одноголосие, то на самом деле оно представляло собой уже пройденный этап; в сборниках же оно явилось результатом, с одной стороны, упрощенного подхода к делу, вызванного трудностями записи напевов и музыкальной неподготовленностью собирателей-текстовиков, и — излишнего доверия музыкантов-собирателей к усвоенному филологами методу собирания и записи исключительно от одиночек-сказителей, — с другой.

Каким же образом в записях былин могло появиться одноголосие?

Систематическое собирание былин на Севере, как известно, началось в половине прошлого века. Первые собиратели — Рыбников (1862 г.), Гильфердинг (1863 г.), а за ними Марков (1901 г.), Ончуков (1904 г.) и другие — записывали былины без напева. Он был им не нужен, так как использовать его они были не в состоянии. Собирателю-текстовику было поэтому гораздо удобнее и проще иметь дело не с группой исполнителей, а с одним, пользующимся славой лучшего знатока-сказителя, к тому же не поющим былину, а пересказывающим ее размеренным говорком,— когда его можно на любом слове остановить для переслушания и проверки.

С этого времени на Севере название «сказитель» закрепляется и за исполнителем. Впрочем, далеко не везде: в Поморье, например, А. Д. Григорьев, собиравший былины в 1899—1901 годах, по собственному признанию «ни разу не слышал названия сказитель или сказатель, ни других подобных».

Роль сказителя особенно поднимается со времени Гильфердинга, большой заслугой которого, по словам акад. Ю. М. Соколова, «явился впервые им примененный принцип распределения фольклорного материала не по содержанию или другому признаку, а по сказителям»[3].

---

[1] Материалы, собранные в Архангельской губ. Марковым, Масловым и Богословским в 1901 г. См. «Труды Музыкально-Этнографической Комиссии», т. II, 1911.
[2] А. Маслов, «Былины, их происхождение». «Труды». т. II.
[3] «Русский фольклор». Учебник для вузов, 1938.

Но этот принцип и последовавшая за ним практика связали собирателя и заставили его на все смотреть глазами сказителя, одиночно сказывающего. Одноголосие в соединении с речитативностью повело за собою полное освобождение сказителя от сдерживающих рамок напевного ритма и открыло широкое поле для всякого рода отклонений, отступлений и импровизаций в тексте.

Е. Э. Линева рассказывает в I томе сборника «Великорусские песни» (1904) следующий случай из своей практики. «Раз как-то,— пишет она, желая проверить запись, сделанную во время пения,— я попросила старика-запевалу «сказать» мне песню. Он начал,— я следила по тетради. Но, когда дело дошло до слова «уздечка», старик вдруг совсем отклонился от сути песни и стал перечислять и объяснять все части деревенской упряжи, однако, продолжая говорить складом песни». «Да что ты, дедушка! Ведь этого в песне не было!» — воскликнула я. «Пел одно, а говоришь другое!» «Погоди, погоди,— уж дай ты мне все толком рассказать! Чай, ты баба: где ж тебе про упряжку знать!»,— ответил дед».

По словам А. Д. Григорьева, «за некоторыми из певцов можно было записывать лишь очень приблизительно, часто прибегая к догадкам и основываясь на аналогии, в виду неточности передачи и значительных отступлений».

Приведем несколько зарисовок сказителей-импровизаторов из работы А. М. Астаховой «Былины Севера», сделанных Гильфердингом, Ончуковым и другими: «Мастерством импровизации,— говорит Гильфердинг,— особенно отличался Щеголенок. Сличение вариантов, записанных от него в разное время, показало такое различие вариантов на один и тот же сюжет, что,— по словам исследователя,— их можно даже принять за былины, записанные от разных певцов».

«Склонность к личному сочинительству» Гильфердинг отмечает в Андрее Сорокине: «ни в ком не было видно такого, можно сказать, бесцеремонного отношения к тексту былин. Однажды, записывая былину, которую я уже прежде слышал от Сорокина, я заметил ему в одном месте, что он прежде пел этот эпизод иначе...— «Ах, это все равно,— отвечал Сорокин,— я могу спеть так или иначе, как вам будет угодно»!

Краткая заметка Н. Ончукова о сказителе Д. Дуркине, от которого он в 1901 г. производил записи, рисует Дуркина, как сказителя-импровизатора, который чрезвычайно свободно обращается с тем или иным сюжетом: «Старины свои он старается петь как можно дольше и ввести как можно больше новых эпизодов, чтобы его старина была не такая, как у всех».

IV

Иная картина наблюдается в местностях, где господствует многоголосно-хоровая традиция.

По убеждению Лопатина и Прокунина, авторов «Сборника лирических песен» (1889 г.), хоровые песни «вообще меньше подвергаются изменениям в вариантах, будучи исполняемы всегда совместно многими лицами и через это невольно отливаясь в более определенные, твердые формы. Личное творчество отдельного певца здесь не имеет значения и касается лишь частных вариаций напева. Хоровое (многоголосное) пение охраняет песню и от всяких искажений, которые являются вследствие плохой памяти певца или недостаточной способности и искусства его в пении и которые всегда ведут также к образованию вариантов...».

Эта устойчивость, отмеченная собирателями в отношении среднерусской народной песни, в такой же степени, если не в большей, как увидим ниже, свойственна донской казачьей песне и, в частности, донской былине.

Однако, при всей устойчивости, о полной неизменяемости, статичности и незыблемости содержания и структуры текста и напева и в среднерусской, и в донской песне и былине,— конечно, не может быть и речи. Все это с течением времени меняется, трансформируется переосмысляется,— особенно, в наши дни, в процессе бурного роста новой социалистической культуры; но происходит это не в форме одиночной импровизации, дающей в итоге то, чего раньше не было, а в форме более или менее устойчивых вариантов, не выходящих из рамок напева. Варианты в тексте — в виде замены или перестановки слова или стиха — возникают лишь в случае запамятования или при исполнении другой группой певцов или песенниками другой местности. Во всяком случае, такого рода варианты не имеют характера импровизации, подобной импровизации северных сказителей. В отсутствии текстовой импровизации заключается один из признаков, отличающих донскую былину от северной.

Сказительство, зародившись на Севере, за последнее время стало проникать и в другие места. Сказители-одиночки стали появляться даже на Дону,— там, где издавна бытует традиция многоголосного исполнения, не совместимая со сказительством, как речитативной или полуречитативной, а то и просто говорковой или сказовой формой передачи.

В начале 1937 года мне был доставлен репертуар одной песенницы, жительницы Ростова, донской казачки. В этом списке из 160 песен не было ни одной былины, ни старой, ни новой. Но стоило некоторым местным фольклористам из начинающих дать песеннице заказ, как с ее стороны началось, при их же ближайшем посредстве, изготовление новых былин и сказок; при этом сказительница, упростив и здесь дело, свои новые былины («новины») стала не петь, а рассказывать прозой. «К ней,— по словам И. И. Кравченко,— пристроился один из начинающих писателей — П.; он заказывал ей сказки и былины на определенные темы и затем обрабатывал их — так, что они увеличивались вдвое и втрое, после чего сама «сказительница» не в состоянии была узнать их» [1].

Таков путь отхода от свойственной русской песне и былине хоровой многоголосной традиции и переключения на более легкую и удобную традицию одиночки-сказителя, не связанного ни рамками метра, ни требованиями напевного ритма, ни необходимостью согласования с товарищами по исполнению.

Свобода импровизации и всякого рода отклонений, развившаяся на основе сказительского одноголосия, не могла не повести за собою растянутости текста былин до большего количества (500—600 и даже 1000) стихов, не мыслимого в условиях многоголосия, тем более, что, как указывается многими собирателями и исследователями, северные сказители пользуются для своих старин ограниченным числом коротких мелодий, часто даже одной излюбленной, которую подгоняют к любому тексту. А. В. Марков говорит о сказительнице Аграфене Матвеевне Крюковой (старшей), что она «большинство старин пела одним и тем же напевом» [2].

---

[1] И. И. Кравченко. «Критика и фольклор».
[2] «Белорусские былины», 1901, стр. 27.

Для 176 пинежских былин и исторических песен, записанных в 1899—1901 годах А. Д. Григорьевым, оказалось лишь 56 самостоятельных напевов, и из тех,— как отмечает собиратель,— «не более половины имеют свой, отличный от других, голос; остальные более или менее родственны, чаще всего представляя их варианты, а иногда доходя почти до полного с ними тождества».

По словам другого исследователя, Леонтьева, «у сказителя Тайборейского характерная манера исполнения былин: все свои былины он поет одним ясаком» [1].

Из исследования А. Д. Маслова о знаменитом сказителе И. Т. Рябинине [2] мы узнаем, что «он пел свои былины на один и тот же напев. То же встречается,—продолжает автор исследования, — и у других сказителей, имеющих свой излюбленный напев, которым распевают несколько былин».

Такое явление не свойственно исполнителям донских богатырских, стародавних песен (былин) — казакам-песенникам: каждую такую песню они «играют» особым, самостоятельным напевом. Из более чем 60 записанных мною на Дону «былин» нет ни одной, напев которой повторялся бы в другой былине. Бывает лишь, и то в редких случаях, более или менее близкое или отдаленное сходство вариантов одного и того же напева былины на один и тот же сюжет.

Ясно, что для казака-песенника, в противоположность северным сказителям, напев не является второстепенным делом. Можно сказать, что если для северной былины центром тяжести является словесный текст, на который направлено все внимание и собирателя и сказителя, то в донской былине преобладающее значение имеет напев.

V

Как отнеслись русские музыканты к северным былинным напевам и какого рода записи имеем мы от них?

Первым из больших музыкантов, обративших внимание на былины, был Н. А. Римский-Корсаков, внесший в свои сборники (1876 и 1882) шесть одноголосных былин. Однако самостоятельно, на месте, он ни одной былины не записал, взяв все от других собирателей — М. Стаховича, М. П. Мусоргского, Кирши Данилова и других. Все шесть былин обработаны Римским-Корсаковым одноголосно [3].

В последующих сборниках — Истомина и Дютша (1886), А. Григорьева (1904 и 1910), Маслова и Маркова (1905) и А. Маслова (1911) [4] — все былины представлены также в одноголосном виде, будучи записаны, как видно из паспортов, от одиночек-сказителей. Однако в последних из указанных сборников имеется и несколько многоголосных былин и песен — с пометками, что пелись они двумя или несколькими исполнителями [5]; из этого мы заключаем, что одноголосие для северных былин не является законом и проводится в записях лишь там, где собиратель имеет дело с одним исполнителем (сказителем). Более чем вероятно, что и северные былинные напевы,

---

[1] Журнал «Народное творчество», 1938, № 10—11. Статья «Живая старина».

[2] См. «Труды Музыкально-Этнографической Комиссии», т. II, 1911, стр. 325.

[3] Автор имеет в виду вокальную партию. (Прим. ред.).

[4] Южно-приуральские былины Кирши Данилова (1818), одноголосные и уфимские — Пальчикова (1888), изложенные по системе «подголосков», мы оставляем в стороне, как не относящиеся к северному циклу.

[5] «Труды Музыкально-Этнографической Комиссии», т. II, 1911. «Материалы, собранные в Архангельской губернии в 1901 году Марковым, Масловым» (напевы №№ 29, 59, 61, 72).

будь они записаны не от одного исполнителя, а от группы в два, три или несколько певцов, оказались бы многоголосными.

Однако первые собиратели песен с напевами пошли по проторенным текстовиками следам и, как и те, записывали свои былины от одиночек-сказителей, отчего и в записях получались одноголосные былины. Преклонение перед авторитетом выдающихся собирателей-филологов — Гильфердинга, Бессонова, Киреевского и других,— излишнее доверие к напевным сборникам крупнейших русских музыкантов Балакирева и Римского-Корсакова [1] дезорганизовали собирателей-музыкантов конца XIX и начала XX в., и они в своих одноголосных записях пошли по пути первых собирателей-музыкантов, в свою очередь, введенных в заблуждение собирателями-текстовиками.

Последние работы ленинградских фольклористов, как уже было указано, дают ясные доказательства того, что и на Севере, — по крайней мере, на Мезени и Печоре, — бытует многоголосная традиция исполнения былин.

«Известен ряд случаев,— говорит А. Астахова в «Былинах Севера»,— когда братья или приятели собирались и пели вместе или друг другу», причем на Печоре совместное п е н и е былин несколькими сказителями вообще было очень распространено; вследствие этого и в записях Астаховой былины, как и следовало ожидать, оказались многоголосными; например, напев XI «О Дюке Степановиче», с расщеплением на два голоса, пели двое; напев X — двухголосный — пели четверо, напев IX — трехголосный — пели также четверо.

Из семи мезенских былинных напевов, помещенных в той же книге, шесть исполнялись одним голосом: получалось одноголосие. Но вот седьмой — «По стольном городе» — был исполнен двумя «сказителями», — и уже одноголосия нет.

Приведенные факты говорят о том, что на всем пространстве необъятной Руси среди русского населения бытует многоголосие и что наш Север, Архангельская и Олонецкая области, не может составить исключения, ибо населен он в основном выходцами из русских областей — Новгородской (ушкуйники), Псковской и с верховьев Волги.

Авторы «Замечаний о напевах мезенских и печорских былин» отмечают (в той же работе Астаховой), что «на Печоре при хоровом исполнении былин наблюдаются именно сознательные подголосочные разветвления, то-есть та же м н о г о г о л о с н а я ф а к т у р а, которая имеет место в печорской песенной традиции».

Если мы обратимся теперь к географической карте РСФСР, к ее европейской части, и проследим локальную распространенность одноголосия и многоголосия, то увидим, что в более отдаленных от культурных центров местах, по огромному сектору периферии, начиная с Дона и Воронежской области, — по Уралу (Уфа), на Печоре и Мезени, по Пинеге [2], в наибольшей же чистоте среди донского казачества бытует многоголосная форма русской песни, гетерофония; между тем, ближе к Ленинграду, в Архангельской области и в районе Прионежья, то-есть там, где скорее всего можно было бы ожидать развитого многоголосия, — в записях мы видим одноголосный примитив.

---

[1] Вскрытие А. Н. Серовым в очерке «Русская народная песня, как предмет науки» (1869) недостатков сборника Балакирева, признание самого Н. А. Римского-Корсакова в «Летописи моей музыкальной жизни» в том, что если бы пришлось делать эти гармонизации (40 песен, собранных Т. И. Филипповым) «теперь (в 900-х годах), то, конечно, они были бы сделаны иначе», — все это не сделало музыкантов более осторожными и более критически мыслящими.

[2] «Песни Пинежья», собранные Е. Гиппиусом и З. Эвальд, Музгиз, М. 1937.

И в то же время в Вологодской области фонографическими записями[1] зафиксирована опять многоголосная форма.

Картина эта может получить объяснение лишь в свете концепции возврата одноголосия в районах хотя и менее отдаленных, но больше подвергшихся воздействию в определенном направлении со стороны собирателей на протяжении почти сотни лет. Правда, это воздействие носило скорее характер пассивный, нежели активный; но если в течение долгого времени непрерывно культивировать одну сторону — текст, другую же — напев — игнорировать, то в конце концов получится то, что мы наблюдаем в северных записях: развитость текста и атрофию напева, сведенного к примитивному речитативу или полуречитативу, продолжительностью от шести до двенадцати—тринадцати четвертей.

Совершенно другую картину мы видим в казачьих былинах: напев здесь мелодийного (не речитативного) характера, в 50 четвертей в среднем,— в несколько раз превышает северный напев; текст же соответственно уступает последнему в «обширности, обстоятельности и сохранении деталей» (академик Вс. Ф. Миллер).

VI

Недооценка донских многоголосных былин, исходившая из поверхностного знакомства с ними первых исследователей, мешала установлению правильного понимания роли и значения северного эпоса и не могла не привести к преувеличенному представлению о последнем, как о почти единственном образце русского былинного эпоса, сохранившемся до наших дней, и как о единственной былинной форме, с высоты которой повелась оценка всего того, что становилось в этой области известным из других местностей.

Первая попытка такой оценки донского эпоса была сделана проф. Вс. Ф. Миллером в «Этнографическом Обозрении» за 1902 год, в статье «К новым записям былин в Донской области».

«При отсутствии прочной былинной традиции повсюду в России, кроме губерний Олонецкой и Архангельской, — говорил он тогда,— мы, конечно, не можем надеяться найти на Дону тех обширных ста̀рин, которые были записаны из уст северных сказителей».

Дальше Миллера пошел неоднократно цитировавшийся выше известный собиратель и исследователь А. Маслов, уточняющий и расширяющий в своем исследовании о былинах высказанное Миллером положение: «Нет сомнения,— пишет он,— что былинная традиция в этих местах (в Сибири, Поволжье, на Урале, на Дону) пала, заглушаемая более близкими народу событиями... Хотя собиратель песен в Донской области А. М. Листопадов и старается разбить установившееся мнение о сохранении былевого эпоса только на Севере России записанными им более чем 50-ю былинами, тем не менее падение на Дону былинной традиции остается в силе». «Признаком падения эпической традиции,— продолжает Маслов,— служит, прежде всего, краткость старины; затем, каждый певец знает одну-две ста̀рины, редко больше. Наоборот, процветание же эпической традиции характеризуется длиной ста̀рин, сложностью эпических сюжетов, и каждый певец знает несколько ста̀рин».

---

[1] Народные песни Вологодской области. 1938. Под ред. Е. Гиппиуса и З. Эвальд (Фольклорная Комиссия Академии Наук).

Некоторые из исследователей и в наши дни по укоренившейся традиции высказываются о казачьем эпосе примерно в том же духе, говоря, что «изложение казацких былин» сокращается, что «сюжеты не развернуты», что они «лишены четких контуров и подробностей разработки» и т. п.

Во всех приведенных утверждениях Миллера, Маслова и других — не может не броситься в глаза необоснованность выводов.

Ведь падение эпических традиций, по многим свидетельствам, наблюдается не только на Дону, но и на Севере.

А. Маслов, например, в I томе «Трудов Музыкально-Этнографической Комиссии» (1905) указывает на «упадок былинной традиции на Терском берегу Белого моря. Этот упадок проявляется в том, что там былины... поются не до конца, и конец забывается».

В южной части Карельского Беломорья А. Д. Григорьев еще в 1899 году констатировал «наибольшее оскудение эпической традиции». В качестве признака угасания он отмечал «краткость поморских былин, отсутствие знатоков с большим репертуаром».

«В Архангельской губернии,— по его же словам,— старины еще продолжают сохраняться,— однако знание былин все-таки падает и будет падать» [1].

О наблюдениях Маркова А. М. Астахова пишет следующее. «В 1901 году А. В. Марков определенно констатировал значительный упадок былинной традиции на западном берегу Белого моря. По словам Маркова, в настоящее время былины сохраняются в средней части Карельского Поморья лишь в памяти отдельных стариков, которые их уже не поют, а сказывают... Тексты былин — незаконченные и отрывочные, многие сокращены до голой схемы».

А вот свидетельства последнего времени. Автор статьи «Живая старина» — Леонтьев [2] говорит о сказителе Осташеве из деревни Смекаловки на Печоре, что он «знал когда-то больше двух десятков былин, но сейчас память стала изменять ему, и я записал от него лишь 11 былин» (текстов).

Приведу, наконец, высказывание проф. Ю. М. Соколова [3]: «Происходит несомненная утрата и сюжетов, и поэтических приемов сказывания. От Рябинина Трофима Григорьевича в свое время записано 23 сюжета, тогда как современный сказитель Петр Иванович Рябинин-Андреев знает лишь шесть сюжетов... Современные сказители забывают и утрачивают разнообразные музыкальные мотивы; и если Трофим Григорьевич и Иван Трофимович Рябинины исполняли свои былины на несколько (до десяти) различных мотивов, то правнук — Петр Иванович Рябинин-Андреев все былины поет только на два музыкальных мотива [4].

...В настоящее время, как показали последние наблюдения современных фольклористов, старинные былины явно идут к забвению в северном крестьянстве. Наблюдается явное измельчание старинного былинного репертуара у большинства сказителей. Сказывание былин теряет значение особого мастерства. Во время экспедиции 1927 года при-

---

[1] А. Д. Григорьев, «Архангельские былины». т. I, 1904.
[2] Журнал «Народное творчество», 1938.
[3] «Русский фольклор», 138.
[4] Нельзя не отметить, что проф. Соколов, чуть ли не единственный из северных исследователей-словесников, касается в своих высказываниях музыкальной стороны северных былин, как нельзя обойти молчанием и то, что, говоря о текстах былин или песен, он называет их текстами, а не песнями или былинами, как вошло в обычай.

ходилось с трудом разыскивать немногих стариков и старух, знающих былины».

Из приведенных свидетельств становится ясным, что для подчеркивания факта отсутствия на Дону обширных стàрин, как это делали Миллер и Маслов, имеется тем меньше оснований, что главная причина краткости донских текстов — не в падении эпических традиций, а в тех присущих донской былине чертах, которые отличают ее от северной, представленной в записях северных собирателей, и которые не позволяют поэтому подводить донскую былину под один ранжир с северной и с высоты последней расценивать ее [1].

Лишь в последние годы, благодаря трудам фольклористов Ленинградской фольклорной комиссии Академии Наук, мы узнали из новых фонографических записей, что и на Севере (Печора, Мезень, Пинежье) бытуют многоголосные былины, и исполняются они не одиночками-сказителями одноголосно, а группами в несколько человек, многоголосно.

VII

Итак, основные черты, отличающие донскую былину от северной, сводятся к следующему: с е в е р н а я (по записям) былина — обширный текст и короткий одноголосный напев, при одноголосном исполнении; д о н с к а я — наоборот: сравнительно короткий текст и многоголосный развитой напев, при многоголосном исполнении.

Для примера привожу общую по содержанию былину балладного типа, очень известную на Севере, исполняемую также и на Дону,— «Братья-разбойники и сестра» [2].

Этот короткий, в 10 четвертей длиной, северный одноголосный напев полуречитативного склада, соответствующий одному стиху (строке), непрерывно повторяется с каждым новым стихом [3]. В тексте — 68 стихов.

Приводим далее ту же былину, записанную в станице Бело-Калитвенской на Донце, в 1899 году (запись А. Листопадова, см. настоящий сборник, песня № 51):

---

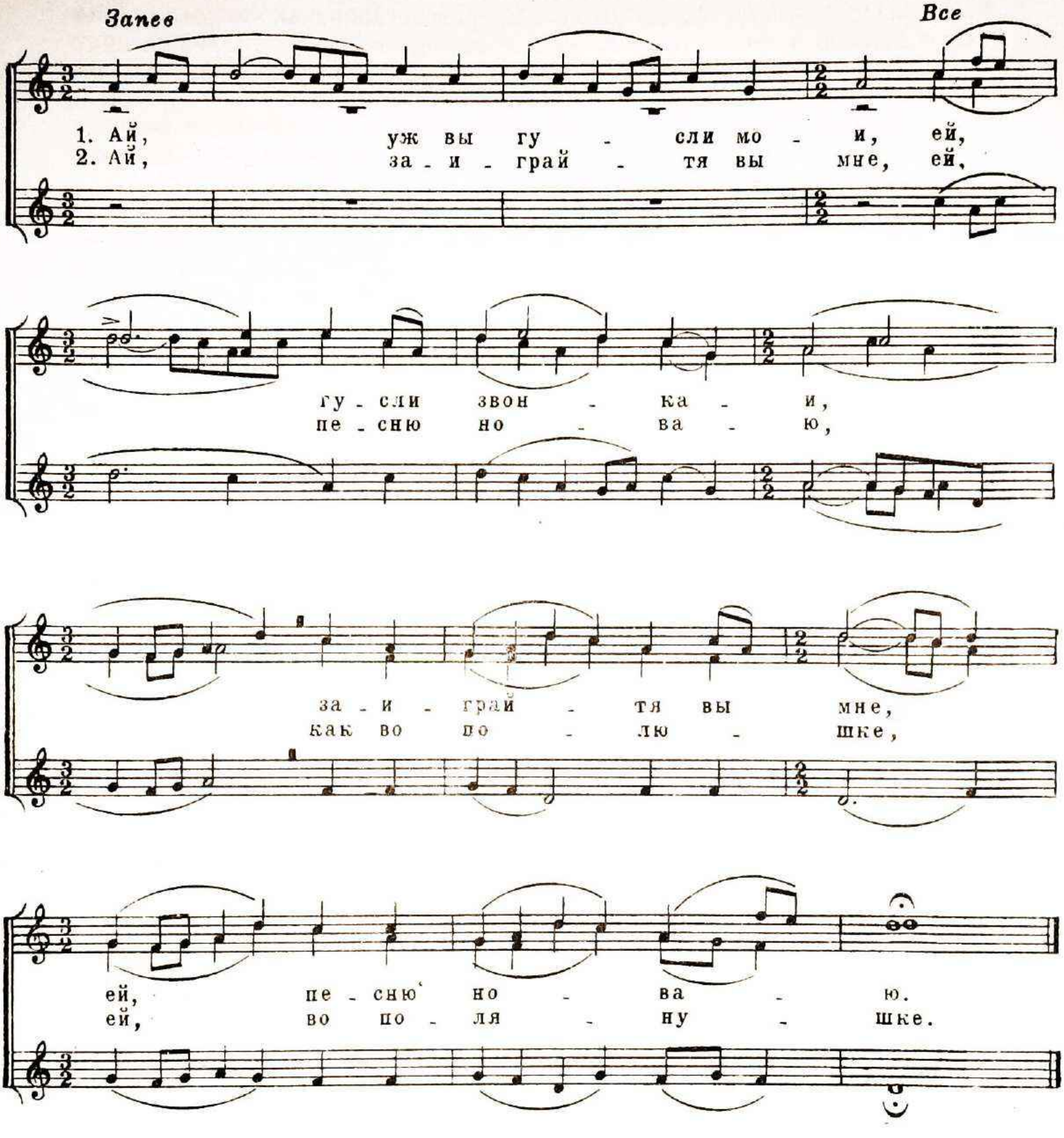
[1] Нужно заметить, что, говоря о былинах Севера, мы везде под термином «северная былина» (стàрина) разумеем лишь то, что в действительности бытовало на Севере под этим названием.

[2] См. «Труды Музыкально-Этнографической Комиссии», т. II, 1911. «Материалы, собранные в 1901 г. в Архангельской губ. Масловым, Марковым». № 46.

Взята для сравнения именно эта былина, как наиболее близкая к донской по содержанию и размеру стиха.

[3] В упомянутом выше сборнике А. Д. Григорьева напев большинства стàрин охватывает один стих, одну строку; напевы, охватывающие две строки, составляют исключение. То же наблюдается и в других сборниках северных былин.

Умеренно ♩ = 54



Уж вы, гусли мои, гусли звонкай,
Заиграйтя вы мне песню новаю!
Как во полюшке, во полянушке
Там жила да была молодая вдова.
Удовою жила — горя мыкала,
А как замуж пошла — слёз прибавила;
Прожила-то вдова ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет, еще три года... и т. д.

Последняя — донская былинная песня напевно-мелодийного типа, многоголосная, с зачином о гуслях звонких, с запевами, начинающимися мелодическим наигрышем, и разводами под лигой на гласных, с частицами — междометиями в тексте. В других донских былинах, помимо того, часто встречаемся с повторениями слов и целых стихов с разрывами слов и разного рода внесмысловыми вставками («только», «толичка», «вот-и», «скажем» и проч.). В данной песне-былине сложный напев равен 66-ти четвертям (почти в 7 раз длиннее северного варианта) и обнимает собою два стиха текста. На один слог текста приходится иногда до двух сложных тактов напева. В тексте, начинающемся зачином о гуслях, отсутствующим в северном варианте, 63 стиха.

По количеству стихов приведенная донская песня-былина почти равна северному варианту. В отношении многих других донских былин правы, конечно, северные исследователи, указывая на сравнительную краткость донских текстов и на отсутствие на Дону обширных ста̀рин.

Но при обширности донских напевов, превышающих во много раз северные, при их широко-мелодийном характере, обширные тексты и немыслимы, так как исполнение их многими певцами, как песен многоголосных, было бы просто неосуществимым, ибо одно дело — участие одного певца-сказителя и иное — участие нескольких лиц, при необходимости полного согласования и исполнительского и житейско-бытового. Многоголосие неизбежно сокращает количество стихов. Уже в печорских и мезенских былинных текстах Астаховой, там же, на Севере, где у Гильфердинга в его одноголосных записях находим тексты, содержащие 600 и даже 1020 стихов, мы не видим больше 120 стихов [1].

Поскольку донская былина напевна и многоголосна, она должна ограничиваться небольшим, сравнительно, количеством стихов: многоголосная, широко напевная форма донской былины с многостишием несовместима.

Ясно отсюда, что утверждать, как это сделали проф. Миллер (в 1902 году) и Маслов (в 1911 году), первыми заговорившие о донском былинном эпосе и познакомившие с ним научный мир,— что краткость текста донской былины находится в зависимости исключительно от падения у донских казаков былинной традиции и ни от чего другого, это значит утверждать, что, кроме северных областей, в других местах иных форм былины нет и не может быть.

Между тем, именно донская былина, в силу вескости признаков, отличающих ее от северной, с одной стороны, имеет достаточное право на самоопределение, с другой,— может служить важнейшим материалом для установления правильного взгляда на северную былину, с ее одноголосием (по записям), вызывающим в наши дни основательные сомнения, с ее многостишием, связанным с речитативностью и текстовой импровизационностью. Записи именно донских былинных напевов, сделанные нами на Дону в 900-х годах и опубликованные в 1905 и 1911 годах [2], при всем

---

[1] В двух былинах, как исключение, имеется по 250 стихов,— количество, примерно одинаковое с донскими вариантами.

[2] См. сборники А. Листопадова «Донская казачья песня» и «Песни донских казаков».

их ограниченном количестве уже ко второму десятилетию смогли послужить академику Миллеру достаточным основанием для пересмотра его ранней концепции.

VIII

Если в 1902 году академик Миллер—из-за недостаточности для научного обоснования казачьего былинного материала — не мог отрешиться от усвоенной в то время неправильной точки зрения на донской эпос, то несколько лет спустя в своем очерке «Казацкие эпические песни XVI и XVII вв.» [1] он уже определенно становится на противоположную точку зрения. Ознакомившись с новым материалом, он убедился, что, если «в северном районе России ста̀рины поются («сказываются») о́дним исполнителем («сказителем»), то у казаков эти песни «играются», причем в их исполнении участвует несколько лиц».

Вот что пишет он дальше: «Характер и приемы казацкого песнопения отразились резко на изложении и содержании эпических песен. Как песни хоровые, они не могут быть обширны, и музыкальная их сторона должна была неблагоприятно повлиять на полноту содержания. Казацкие «ста̀рины» отличаются краткостью, «сжатостью» изложения, в совершенную противоположность с растянутостью, обстоятельностью, словоохотливостью олонецких «ста̀рин», исполняемых одиночками-«сказителями». Они рисуют большей частью одно действие, один эпизод, одну картину. Если содержание ста̀рины укладывается в хоровую песню, оно излагается кратко, без подробностей, без эпической ретардации, свойственной северным ста̀ринам. Если ста̀рина слишком обширна и сложна, казацкая песня сохранила лишь ее начало, разработав его в хоровую музыкальную картину и не заботясь о дальнейшем главном содержании эпического сюжета. Таким образом, «песня» выдвинута на первый план перед сказанием. Поэтому интерес казацких ста̀рин, на наш взгляд, определяется не столько их литературным достоинством, сколько музыкальной стороной. Насколько сказывание ста̀рин северными сказителями вело к удлинению песенного рассказа, настолько же хоровое исполнение вызывало сокращение текста. В хоровом исполнении либо сохранялось только начало длинной песни, либо, если песня доводилась до конца, сокращался ход рассказа, опускались детали, иногда существенные, и песня лишалась своей эпической обстоятельности».

«Но для истории нашего эпоса вообще,— продолжает акад. Миллер,— казацкие былины имеют особое значение, которое мы видим в следующем: во-первых, перейдя на ступень хоровых песен, казацкие ста̀рины представляют дальнейшую своеобразную эволюцию [2] того запаса эпического песнетворчества, который казаки унесли с собой на новые места из срединных частей России и продолжали развивать в своей среде; во-вторых, для нас интересен и самый инвентарь этих песен, так как он дает нам понятие о том, какие эпические песни пользовались наибольшим распространением в XVI и XVII веках в Московском государстве, какие былинные

---

[1] В. Ф. Миллер, Очерки русской народной словесности, т. III, 1924.

[2] По нашему мнению, здесь может итти речь не об эволюции, как таковой, а о сохранении в «казацкой памяти» самого способа исполнения былин — многоголосно-хорового, что в дальнейшем подтверждается признанием самим автором стойкости и прочности памяти, касающихся как песенного прошлого донского казачества XVI—XVII в.в., так и, в неменьшей степени, исполнительской традиции этого прошлого

богатыри, какие исторические — не казацкие — лица были наиболее популярны в этом периоде».

«Чтобы составить себе,— добавляет в заключение акад. Миллер,— правильное суждение о памятливости казаков, мы не должны противопоставлять скудность сохраненного ими былинного репертуара с богатством северно-русского, а сопоставить казацкий инвентарь былин с южно-русским и приволжским, и такое сравнение ярко подчеркнет стойкость и прочность казацкой памяти о песенном прошлом XVI и XVII веков».

Как видим, в этом позднейшем высказывании академика Миллера уже нет ни слова о «падении на Дону былинных традиций», констатированном им в 1902 году. Откуда могла произойти такая эволюция во взглядах акад. Миллера?

Дело в том, что в 1902 году в его руках были те лишь 11 былинных донских текстов, которые были напечатаны в «Этнографическом Обозрении», и — ни одного напева. Естественно, вывод акад. Миллера получился и неполным, и односторонним.

В 1905 году появляется сборник Листопадова с напевами [1], с двумя былинами и большой вступительной статьей, затронувшей отчасти и донскую былину со стороны ее формы; в 1911 году — второй его же сборник [2] уже с 12-ю былинами. Таким образом, вместе с историческими казацкими песнями, имеющимися в указанных сборниках, в распоряжении В. Ф. Миллера оказались 46 донских былинно-исторических песен с напевами, вполне достаточных для пересмотра прежней позиции. И, нужно отдать академику Миллеру справедливость,— пересмотр этот произведен был им со всей решительностью и в строгом соответствии с научными требованиями. «Новые записи,— признается Миллер,— сделанные в последние годы среди казаков, обнаружили интересный факт, именно существование прочной традиции еще в настоящее время среди казаков и сохранение ими гораздо большего числа былинных и исторических сюжетов от XVI и XVII столетий, чем мы предполагали раньше».

Из анализа казацких былинно-исторических напевов неразрывно с текстами, как это сделано академиком Миллером, нельзя не вывести единственно правильного заключения: во-первых, что русские народные песни, а тем более казацкие, нельзя изучать в отрыве текста от напева, как это практиковалось раньше и практикуется многими в настоящее время, и, во-вторых, что форма напева обусловливает собою форму текста и обратно.

IX

Нельзя, конечно, отрицать справедливость указаний на падение прежних эпических традиций. Забывается старый былинный эпос на Севере, забывается он и среди донских казаков. Здесь это проявляется, может быть, даже в более острой степени, чем в других местах, где раньше бытовали былины, так как на Дону былинам вообще не придавалось особого значения. Ими на Дону никогда не занимались так, как, скажем, на Севере, где организовывались специальные экспедиции для собирания былин, где со времени Гильфердинга знатоки былин — сказители — ставились в особо привилегированное положение; мало того, на Дону былинам просто не уделялось никакого внимания. Это можно ви-

---

[1] А. М. Листопадов, «Донская казачья песня».
[2] А. М. Листопадов, «Песни донских казаков».

деть, с одной стороны, по незначительному количеству опубликованных до настоящего времени былин (всего 35), тогда как в действительности количество известных нам и записанных былин почти в три раза превышает указанную цифру; с другой стороны, об этом говорят и недооценка их значения, и крайняя неосведомленность со стороны лиц, казалось бы, обязанных знать больше.

Так, Сталинградским издательством в 1938 году был выпущен сборник под название «Былины», состоящий из 15 русских, повидимому, северных, былин и одной «казачьей», неизвестно откуда взятой. Как выясняется из предисловия, автор его оказался совершенно незнакомым ни с опубликованным донским былинным эпосом, ни с имеющейся о нем литературой; иначе не стал бы он повторять устаревшего и утерявшего свое значение утверждения, что «в последние десятилетия былины сохранились, главным образом, у крестьянства Северного края, Карельской АССР и Сибири». Мало того, автор предисловия не учел даже того, что тем же издательством, чуть не одновременно, за несколько месяцев до его «Былин», издан был сборник «Песен донского казачества», в котором, во-первых, было напечатано 18 донских былин, записанных именно «в последние десятилетия» на Дону, помимо опубликованных раньше в других сборниках; и, во-вторых, что автором вводной статьи И. И. Кравченко определенно указано, что «золотой фонд русского народного эпоса, величайшее создание устного творчества X—XIII столетий — былины — были известны на Дону уже в XVI веке, тотчас после образования казачества», и что на Дону бытовало 14 былинных сюжетов; различных же вариантов донских былин одним лишь Листопадовым записано около пятидесяти».

Еще более показательным в отношении слабой осведомленности о донском былинном эпосе и такой же, если даже не большей, недооценки его, является сборник «Избранных былин», изданный в 1940 году в Ростове, близ старых центров донского казачества.

Составители сборника, перепечатывая былины из сталинградского сборника, обходят даже единственную казачью песню об Илье Муромце, текст которой приведен там,— правда, лишенный, как и все почти былины обоих сборников, какого-либо паспорта а потому неизвестно откуда взятый.

Составитель ростовского сборника в своей вступительной статье, исходя из положения, ставшего традиционным [1],— что былины сохранились, главным образом, на Севере,— пишет: «Мы знаем записи былин в Сибири, на Волге, на Дону, на Урале и в других местах нашей страны...». Сказать так, ограничиться указанием, между прочим, в числе других и Дона,— значит ничего не сказать о донском былинном эпосе.

Откуда же смогут почерпнуть сведения о казачьем былинном эпосе учащие и учащиеся средних школ, для которых, повидимому, предназначается сборник,— в местностях Ростовской области, населенной казачеством.

Между тем, донских казачьих «стародавних», «богатырских», эпических песен-былин в печати и в рукописных записях, которые не трудно, при желании, найти,— имеется около ста; и по содержанию и по форме они нисколько не уступают былинам обоих сборников.

Цифра эта, конечно, не может итти в сравнение с количеством записанных на Севере былинных текстов, с другой стороны, вообще не исчерпывает всего того эпического богатства, которое бытовало и, должно думать, еще бытует на Дону.

---

[1] Для известной части фольклористов и педагогов школ и вузов.

Нужно отметить то обстоятельство, что почва для бытования былинного эпоса среди донских казаков была по существу одна и та же, что и на Севере.

«Народ здесь в Олонецком крае,— писал в 1863 году А. Ф. Гильфердинг в предисловии к «Онежским былинам»,— всегда оставался свободным от крепостного рабства. Ощущая себя свободным человеком, русский крестьянин Заонежья не терял сочувствия к идеалам свободной силы, воспеваемой в старинных рапсодиях».

Там, на Севере, как видим, свободный, отважный северянин в борьбе с природой черпал бодрость и силу в воспевании в своих стàринах подвигов былинных богатырей. Здесь, на Дону, на южной окраине русского государства, в постоянной, тревожной борьбе с враждебными народами, идеалом мужества, смелости и предприимчивости для казака — защитника родины и ее границ — являлись те же любимые богатыри: Добрыня-Дончак, Илья Муромец старый казак, Дюк Степанович, Васюшка Буслаевич, а за ними казацкие богатыри — Степан Разин, Емельян Пугачев, Некрасов, Булавин, Ермак Тимофеевич, Иван Матвеевич Краснощеков.

Значительная часть былин долго сохранялась в памяти казаков и дошла до наших дней; большинство же, нужно полагать, бесследно исчезло, забытое и утерянное, без надежды на восстановление. Тем более насущной становится задача ознакомления советского писателя и исследователя с эпическим богатством, подлинным народным казачьим былинным эпосом,— ознакомления, которое дало бы правильное и всестороннее представление об этом наследии донской старины.

1. АЙ, ВО ГОРОДЕ ЧТО НЕ СТУК СТУЧИТ

Илья Муромец выезжает в поле

Медленно ♩ = 60

Запев.

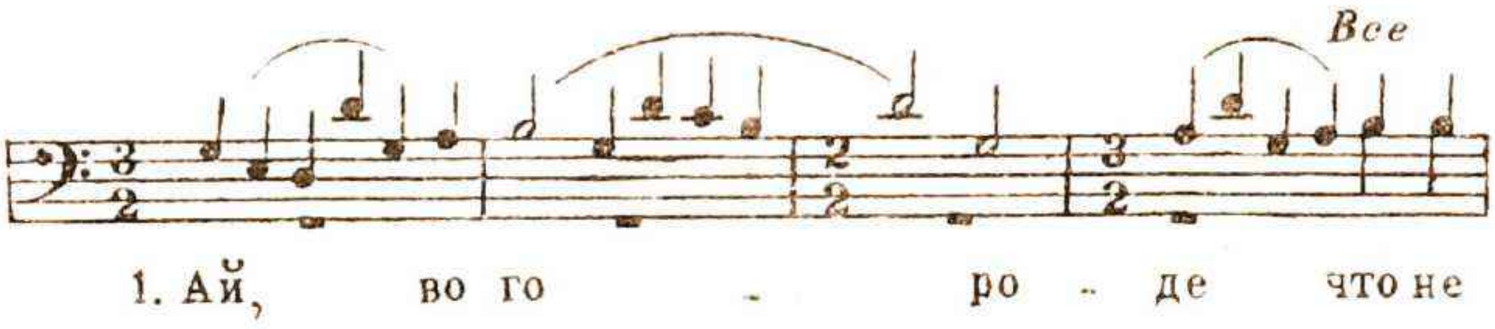
Мужские голоса

1. Ай, во го - - ро -
2. ай, пер-ти - ра - ет сво - ю

Все

- де что не стук сту -
сбру - ю, сбру - ю рат - на -

- чит, ай, что не стук - то сту -
- ю, ай, что ко - пьё об ко -



25 1. Ай, во городе что не стук стучит,
Ай, что не стук-то стучит, что не гром-то гремит —
Илья Муровец,

2. Ай, пертирает свою сбрую, сбрую ратную;
Ай, что копьё об копьё сам позвякивает,
Свет Илюшунька.

3. А он и стремечко он о стремечко,
Ай, сам пощелкивает, свет Илюшунька,
Илья Муровец:

4. «Ай, государь, ты родимый, родной батюшка!
Ой, государыня, ты родимая
Моя матушка!

5. Ой, вы дозвольте мне всё коня седлать,
Ой, мне коня оседлать, мне буланого,
Черногривого,

6. Ой, вы дозво... вы дозвольте мне во чистò поле,
Ой, во чистò-то поле мне проехати
Богатырское,

7. Ай, богатырскую силушку испробовать,
Ай, мне испробовать!» Да заплакала
Его матушка [1]:

8. «Ай, да ты, чада моя, чада, чада милая.
Ай, ты поедешь, Илья, чада милая,
В чужу сторону,

9. Ай, потеряешь свою буйну голову,—
Ой да, и кто жа нас допои́т, докорми́т
Всё при старости?»

10. «Ай, ты не плачь, ты не плачь, моя матушка!
Ой, я побью, погромлю всех богòтырей,
Илья Муровец;

11. Ай, я побью, погромлю всех богòтырей,
Ой, я свернусь, ворочусь, Илья Муровец,
К своей матушке;

12. Ой, я свернусь, ворочусь к своей матушке,—
Ой, я довѐк-то буду и поить, и кормить
Свою рòдную;

13. Ай, допою, докормлю свою матушку,
Ой, да родимого свово батюшку —
Свет Илюшунька!»

Станица Клетская, 1903.

2. АЙ, ДА НЕ ГОРЫ-ТО СЫ ГОРАМИ СЫХОДИЛИСЯ

Илья Муромец-Кузютушка собирается во дики степя

Медленно ♩ = 58

Запев

Женские голоса

1. Ай, да не го - ры - то сы го -
2. Ай, да и кла - нял - ся сын Ку -

Мужские

Все

- ра - ми сы - хо - ди -
- зю - туш - ка сво - му ба -
- ли - ся, ей, да не
- тю - шке, ей, го - су -
ле - сы - то сы ле - со - чка -
да - ры - не да ро - ди - мой сво -

1. Ай, да не горы-то сы горами
Сыходилися,
Да не лесы-то сы лесочками
Сыклонялися, —

2. Ай, да и кланялся сын Кузютушка
Свому батюшке,
Государыне да родимой своей,
Родной матушке:

3. «Ай, государь ты мой да родимый,
Родный батюшка,
Государыня, ты родимая,
Моя матушка!

4. Ай, да купите вы мне, Кузютушке,
Коня доброго,
Коня доброго мне, Кузютушке,
Неученого,

5. Ай, неученого мне конёчика,
Уражоного,—
Да я сам-то его, ведь, конёчика,
Я сам выезжу,

6. Ай да я сам его, что-й конёчика,
Я сам выезжу,
По карахтеру всё конёчика
Свому выучу!»

7. «Ай, да не вмеешь ты, моя чадушка,
Ты коня седлать,
Что коня-то седлать, моя чадушка,
Из ружья стрелять,

8. Ай, из ружья стрелять, моя чадушка,
Из винтовочки!»
«Да позвольтя же мне, что-й батюнюшка,
Ехать в полюшка,

9. **Ай, сы донскими то казачёчками**
Показаковать,
Мне добра-то коня, вот Кузютушке,
Попроезживать!»

10. **Ай, залился-то он, что-й Кузютушка,**
Горючо́й слезой,
Да-й подался бы он во дики-то степя,
Во зака́заны.

11. Ай, поджидал-то он, всё Кузютушка,
Всё дики́х табунов,
Поймал-то себе коня буйного,
Золотистого,

12. Ай, надевал-то он, сын Кузютушка,
Узду шёлковую,
Накидал-то он да-й седелица
Всё черкесская,

13. Ай, застягал жа он все двенадцать подпруг
Сы подпружечкою,—
Ну не для-то красы вот подпружечки,
Да для крепости.

14. Ай, вот садился жа сын Кузютушка
На конёчика,
Да стрелял жа он, сын Кузютушка,
Из ружелица.

15. Ай, что не стук стучит, ну, во городе,
Да не гром-то гремит,—
Вот Кузютушка на буйном коне,
Как соко́л, летит.

Станица Пятиизбянская, 1903, 1936.

3. ОЙ, ДА ИЗ СЛАВНОГО БЫЛО ИЗ ГОРОДА

Илья Муромец у речки Смородинки

Не очень медленно ♩= 92

Запев

Женские голоса

Мужские

1. Ой, да из слав - но - го бы -
2. Ой, из то - го - то ли бы -

Ой *Все*

- ло да из го - ро - да,
- ло из се - ле - ни - я,

из слав - но - го Ке... вот из
се - ла Ка - ра - ча... ой, Ка - ра -

Ке - и - ва, е- ой да, из то -
- ча - ро - ва, е- ой да, там да про -

1. Ой, да из славного было да из города
Из славного Ке... вот из Кеива [1],
Ой, да, из того только было из селеньица да,
Села Карача́...ой, Карача́рова,

2. Ой, из того-то ли было из селения,
Села Карача... Карачарова,
Ой, да, там да пролёгивала шлях дороженька,
Она не широ... ой не широкая,

---

[1] «Кеива» — Киева.

3. Ой, там пролёгивала шлях дороженька,
Она не широ... не широкая:
Ой-да, шириною она, шлях да дороженька,
Она трёх-арши... трёх-аршинная,
4. Ой, шириною она, шлях дорожечка,
Она трёх-арши... трёх-аршинная,
Ой-да, долинóю-то она, шлях дорожечка,
Она конца кра... ай, конца краю нет,
5. Ой, долинóю она, шлях дорожечка,
Только конца не... конца не было.
Ой-да, вот никто-то бы по ней, по дорожечке
Никто там не ха... ай, там не хаживал,
6. Ой, вот никто-то бы по ней, по дорожечке,
Вот никто не ха... вот не хаживал,
Ой-да, ну ни конного, да ни пешего
Только следу не... ай, следу не было,
7. Ой, ну, ни конного было да ни пешего,
Только следу не... следу не было:
Ой-да, вот ишёл-то, прошёл по дорожечке,
Вот шёл светлору... ай, светлорусенький,
8. Ой, вот ишёл-то бы, прошёл по дорожечке,
Вот шёл светлору... светлорусенький,
Ой-да, светлорусенький ишёл кучерявенький
Славный, сильный бо́... ай сильный бо́гатырь,
9. Ой, светлорусенький шёл кучерявенький
Славный, сильный бо́... сильный бо́гатырь,
Ой, сильный бо́гатырь ишёл по дорожечке,
Вот шёл Илья му... ай, Илья Муравиц,
10. Ой, сильный бо́гатырь ишёл по дорожечке,
Вот шёл Илья Му... Илья Муравиц,
Ой-да, вот приходит-то он, Илья Муравиц,
Вот он к быстрой ре... ай, к быстрой речушке,
11. Ой, вот приходит-то он, Илья Муравиц,
Вот он к быстрой ре... к быстрой ре́чушке:
«Ой-да, вот здорова жа ты, быстра речушка,
Речка Самаро... ай, Самародинка,
12. Ой. вот здорова жа ты, быстра речушка,
Речка Самаро... Самародинка!
Ой-да, ты скажи жа мне, скажи, быстра речушка,
Скажи всею пра... ай, всею правдицу,
13. Ой, ты скажи-ка мне, скажи, быстра речушка,
Скажи всею пра... всею правду мне,—
Ой-да, ну и есть ли в тебе, быстрáя речушка,
Вот есть броды ме... ай, броды мелкие,
14. Ой, ну и есть-то ли в тебе, быстра речушка,
Есть ли броды ме... броды мелкие,
Ой-да, броды мелкие в тебе, речушка,
Есть-ли сормы [1] пло... ай, сормы плоские?»

Станица Мариинская, 1911.

---

[1] «Сормы» — протоки между озерами или болотами; сормы «плоские» — безопасные для переправы и «крутые» — гиблые, опасные.

4. АЙ ДА, КАК ВО СЛАВНОМ БЫЛО ВО ГОРОДЕ

Илья Муромец на речке Смородинке

Не очень медленно ♩=84

[Запев 1-й (нижний или средний голос)]

Мужские голоса

1. Ай, да как во слав - ном бы -

[Все]

- ло, брат - цы, да во го -

- ро - де, во слав-ном во Ке - - - и -

Все

- ве, ой да, там про - лё - га - ва - ла,
2.-я, бот и, д(ы)-ли - но - ю о - на,

1. Ай-да, как во славном было,
Братцы, да во городе,
Во славном во Киеве,
Ой-да, там пролёгивала
Вот-бы степь дорожунькя,
Она не широкая,

2. Ай, она не широкая,
Вот и дылинóю она,
Эта степь дорожунькя,
У ней конца-краю нет,

3. Ай, у ней конца-краю нет.
Ой-да, ну никто-то по ней,
По этой по дорожуньке,
Никто пеш не хажива.

4. Ай, никто пеш не хаживал,—
Ой-да, там ишёл да прошёл
По этой дорожуньке,
Прошёл сильный бо̀гатырь,

5. Ай, прошёл сильный бо̀гатырь,
Ой-да, сильный бо̀гатырь прошёл
По этой дорожуньке,
Прошёл Илья Му́рович,

6. Ай, прошёл Илья Му́рович.
Ой-да, как подходит-то он,
Будто Илья Му́рович,
Кы быстро̀й кы рѐчушке,

7. Ай, кы быстро̀й кы рѐчушке:
«Ой-да, ну бо-по̀мочь тебе,
Вот быстрая речушка,
Речка Самародинка,

8. Ай, речка Самародинка!
Ой-да, ну, скажи мне, скажи,
Вот-и быстра речушка,
Скажи всею правду мне,

9. Ай, скажи всею правду мне:
Ой-да, ну-и, есть ли в тебе,
У быстро̀й у речушки
Есть ли бро̀ды мелкие,

10. Ай, есть ли бро̀ды мелкие,
Ой-да, бро̀ды мелкие,
У быстро̀й у речушки,
Есть броды песчаные,

11. Ай, есть броды песчаные?»
«Ой-да, ну-и, есть-то в мене,
У быстрой у речушки,
Есть броды песчаные,

12. Ай, есть броды песчаные,
Ой-да, ещё есть-то в мене,
У быстрой у речушки,
Есть сормы опасные,

13. Ай, есть сормы опасные,
Ой-да, есть опасные
У быстрой у речушки
Есть места пропащие!»

Станица Распопинская, 1903.

5. ОЙ, ВОЗДАЛÈЧЕ БЫЛО, ВОЗДАЛÈЧЕНЬКО

На Илью Муромца нападают разбойники

Довольно скоро ♩= 80

Запев 2-й и последующие

[Запев 1-й] Все

Женские голоса

1. Ой, воз - да -
2. Ой, во чи-стом по - ле про - ле -

Мужские

[Все]

-ле - че бы - ло,
-га - ла бы там

воз - да - ле - чень - ко,
шлях-до - ро - жень - ка,

бы - ло во чи - стом по - ле.
о - на не - ши - ро - ка - я.

1. Ой, воздале́че было, воздале́ченько,
Было во чистòм поле,
2. Ой, во чистòм поле,
Пролегала бы там шлях дорожунька,
Она не широкая,
3. Ой, не широкая:
Шириною она, шлях дорожунька,
Она всего семь пядѐй,
4. Ай, всего семь пядѐй,
Длинниною она, шлях дорожунька,
Она конца краю нет,
5. Ай, конца краю нет.
Заповедана была вот дорожунька,
Она ровно тридцать лет,
6. Ай, ровно тридцать лет, —
Ну, никто-то по ней, по дорожуньке,
Вот никто не хаживал,
7. Ай, ну, не хаживал,
Ну, ни конного, да ни пешего
По ней следу не было,
8. Ай, следу не было.
Ну, ишёл там, прошёл по дорожуньке,
Вот прошёл старòй старик,
9. Ай, вот старòй старик,
Ну, старòй-то старик, по дороженьке
Ишёл Илья Муровец,
10. Ай, Илья Муровец.
На нем шубочка, на старинушке,
Шубочка худы́м худа,
11. Ай, ну, худы́м худа,
Ну, худым-тò худа вот шубёночка,
Она вся излатана,
12. Ай, вся излатана:
Её левая, вот шубёночки,
Полочка — пятьсот рублей,
13. Ай, ну, пятьсот рублей,
А и правая, вот и полочка
Стоит усю тысячу,
14. Ай, усю тысячу,
Ну, станòчику да рукавчикам
Шубочки цены-то нет,
15. Ай, ну, цены-то нет.
Во правòй-тó руке, ну, Илюшунька
Держит копьё длинное,
16. Ай, копьё длинное,
А во лѐвой руке вот Илюшунька,
Он держи́т тугой сагайдак,
17. Ай, тугой сагайдак.
Настигала его, да Илюшуньку,
Вот тёмная ночушка,

18. Ай, тёмна ночушка.
Сыворачивал наш Илюшунька
Сы путя-дорожуньки,
19. Ай сы дорожуньки,
Восходил, старичок Илья Муровец,
Вот он на висок курган,
20. Ай, на висок курган.
Под себе подстилал вот Илюшунька
Он левую полочку,
21. Ай, леву полочку,
Ну, и правою, вот бы, полочкой
Илья одевается,
22. Ай, одевается,
В головашечки вот Илюшунька
Кладёт свой тугой сагайдак,
23. Ай, тугой, сагайдак.
Середи-то ночи, середи полу...
Середи полунючи,
24. Ай, ну, полунючи
Наезжали-то на старинушку
Вот сорок охотников,
25. Ай, ну, охотников,
Ну, охотничков на старинушку,
Вот сорок разбойничков,
26. Ай, вот разбойничков;
Ну, хотели они, вот разбойнички,
Они снять шубёночку,
27. Ай, снять шубёночку,
Ну, шубёночку снять, вот разбойнички,
Вот и сагайдак отнять,
28. Ай, сагайдак отнять.
Как и тут-то было, наш Илюшунька
От сна пробуждается.
29. Ай, пробуждается,
За тугой сагайдак вот Илюшунька
Он скоро хватается,
30. Ай, вот хватается,
Да накладывает на тятивушку
Вот он каляну́ стрелу,
31. Ай, каляну́ стрелу:
Вот тугой сагайдак у Илюшуньки
Будто ровно лев ревёт,
32. Ай, ровно лев ревёт,
Каляны-то стрелы вот у Муровца,
Они ровно змеи свищут,
33. Ай, змеи свищут.
Как и тут-то бы, тут, вот охотнички,
Они попужалися,
34. Ай, попужалися,
По тямным-то лесам, вот разбойнички,
Они разбежалися.

Станица Разинская, б. Есауловская, 1905.

6. ОЙ ДА, ПРОЛЕГАЛА БЫЛО ШЛЯХ- ДОРОЖЕНЬКА

Илья Муромец у ворот Киева

Медленно ♩=72

Запев 2-й и последующие.

Все

Женские[1] голоса

1. —
2. О_на не_ши_ро_ка_я,

Мужские

Ай

[Запев 1-й]

[Все]

Ой да, про_ле_га_ла бы_ло, э_та шлях- до_
ой да, ши_ри_но_ю о_на, э_та шлях- до_

-ро_жень_ка, о_на не-ши_
-ро_жень_ка, о_на на пят_

-ро_ка.
-на_дцать верст

[1] Низкие женские голоса.

1. Ой-да, пролегала, было,
Эта шлях-дорожунька,
Она не широкая,

2. Она не широкая,
Ой-да, шириною она,
Эта шлях-дорожунька,
Она на пятнадцать верст,

3. Она на пятнадцать верст,
Ой-да, долиною она,
Вот эта дорожунька,
Она конца краю нет,

4. Она конца краю нет.
Ой-да, ну никто-то по ней,
По этой дорожуньке,
Никто не проезживал,

5. Никто не проезживал, —
Ой-да, проезжал-то по ней,
По этой дорожуньке
Удал добрый молодец.

6. Удал добрый молодец:
Ой-да проезжал-то по ней
Разудалый молодец —
Только Илья Муровец,

7. Только Илья Муровец,
Ой-да, вот на душечке-то
На своем добру́ коню,
Конечку игренему,

8. Вот коню игренему.
Ой-да, подъезжает-то он
Кы славному городу —
Кы стольному Киеву,

9. Кы стольному Киеву.
Ой-да, ну во городе-то,
Во этом во стольном-то,
Воротица заперты,

10. Воротица заперты,
Ой-да, ну железными-то
Крепкими задвижками
Они позадвинуты,

11. Они позадвинуты,
Ой-да, ну булатными-то
Крепкими решотками
Были позадернуты,

12. Были позадернуты,
Ой-да, ну железными-то
Вот они замочками
Были позамкнутые,

13. Были позамкнутые;
Ой-да, часовые у них,
Будто каравульные,
Да они жа крепко спят,

14. Вот они все крепко спят.
Ой-да, он и голосом-то
Кричал добрый молодец, —
Так и не докликался,

15. Так и не докликался.
Ой-да, он и бьет-то свово
Раздушечку коника,
Его по крутым ребрам,

16. Его по крутым ребрам,
Ой-да, пробивает-то он
Коню мяса чёрная,
Ему до белой костѐ,

17. Ему до белой костѐ:
Ой-да, как и тут-то бы тут
Его душа добрый конь
Крепко возвивается,

18. Крепко возвивается,
Ой-да, пробивает-то он
Своей грудью белою
Вот бы стену каменну.

Станица Усть-Быстрянская, 1902.

7. ОЙ ДА, ВОЗДАЛЕ́ЧЕ БЫЛО

Илья Муромец и целовальнички

Медленно ♩= 72

Запевает бас или тенор.
Запевы последующие.

[Запев 1-й]

Мужские голоса

1. Ой да, воз - да - ле - че бы - ло,
2. Во чи - стом по - ле, ой да, там ле - жа - ла бы - ло,

Пристают все . . . . . .

бы - ло воз - да - ле - чень - ко,
брат - цы, шлях - до - ро - же - чка,

брат - цы, во чи - сто...
о - на не - ши - ро...

(ой,) во чи - стом по - ле.
(ой,) не - ши - ро - ка - я.

1 Оба *fa* чуть повышены.

1. Ой да, воздалече было,
Было воздалеченько,
Братцы, во чисто... во чистом поле,
2. Во чистом поле,
Ой-да, там лежала, было,
Братцы, шлях дорожечка,
Она не широ... не широ́кая,
3. Не широкая,
Ой да, шириною было,
Эта шлях дорожечка,
Она всего три, всего три ступня́,
4. Всего три ступня,
Ой да, долиною было,
Эта шлях дорожечка,
Она конца кра... конца краю нет,
5. Конца краю нет.
Ой да, ну никто-то по ней,
По этой дорожечке,
Никто пеш не ха... пеш не хаживал,
6 Пеш не хаживал,
Ой да, что ни конного,
Ни конного, пешего,
Пеша следу не... следу не было,
7. Следу не было.
Ой да, как ишёл-то, прошёл,
Прошёл добрый молодец,
Вот бы Илья Му... Илья Муровец,
8. Илья Муровец;
Ой да, заходил-то бы он,
Удал добрый молодец,
Заходил в царё... во царёв кабак,
9. Во царёв кабак,
Ой да, закричал, ускричал
Удал добрый молодец,
Своим громким го... громким голосом,
10. Громким голосом:
«Ой да, уж вы, други мои,
Вы други любезные,
Слуги цало... цаловальнички,
11. Цаловальнички́.
Ой да, наливайтя жа мне,
Други цаловальнички,
Вот пойлица пья... пойла пьяного,
12. Пойла пьяного,
Ой да, наливайтя вы мне,
Други цаловальники,
Только на пятьсо... на пятьсот рублей,
13. На пятьсот рублей,
Ой да, ну с напитками,
Да еще с наедками,
Вот бы на всю ты... на всю тысячу,
14. На всю тысячу!»
Ой да, как и все-то они,
Братцы, цаловальнички,
Они перпужа... перпужалися,

15. Перпужалися,
Ой да, по темны́м-то лесам,
Братцы цаловальнички,
Они разбежа... разбежалися,
16. Разбежалися,
Ой да, как на третий-то день,
Братцы цаловальнички,
Они собира... собиралися,
17. Собиралися,
Ой да, за единого все
Братцы цаловальнички,
Они думу ду... думу думали,
18. Думу думали:
«Ой да, ну и что жа эта
Была за ярига у нас,
Ярига каба... за кабацкая,
19. За кабацкая:
Ой да, на нём шубочка,
На этой яриге-то,
Она вся худы... вся худым-худа́,
20. Вся худым худа,
Ой да, вся худым-то худа
На нём эта шубочка,
Она вся изо... поизорвана,
21. Поизорвана,
Ой да, поизорваная
Уся эта шубочка,
Она поизла... поизлатана,
22. Поизлатана;
Ой да, одна полочка
У этой у шубушки
Сто́ит все пятьсо... все пятьсот рублей,
23. Все пятьсот рублей,
Ой да, ну и вся-то она,
Вот бы эта шубочка,
Сто́ит на всю ты... на всю тысячу,
24. На всю тысячу!»
Ой да, подходил, подъезжал
Вот бы Илья Муровец
Кы бы́строй кы ре... к бы́строй ре́чушке
25. К бы́строй речушке:
«Ой да, ну и речка-река́,
Скажи жа мне, речушка,
Где мне перепра... переправиться,
26. Переправиться,—
Ой да, ты скажи-расскажи,
Расскажи мне, быстрая,
Где тут броды ме... броды мелкие,
27. Броды мелкие,
Ой да, броды мелкие
У тебе, у речушки,
Да где сормы пло... сормы плоские!»

Станица Кочетовская, 1902.

8. АЙ, ВОТ И, НЕ СВЕТИЛО СОЛНЫШКО

Добрыня выезжает на охоту богатырскую

Медленно ♩= 76

Запев 1-и

Женские голоса

Мужские

1. Ай, вот и, не све - ти - ла, вот, крас - на - я

Запев 2-й и последующие

сол - ну - шка (ай,) ров - но

2. ай, ну, про -

Все

де - вять лет, ей, на де - ся - том

- ся - и - ла. Ей, да про - сил - ся,

то - ли - чка да го - до - ч(и) - ку

вот бы, млад да До - бры - ню - шка

Вариант наигрыша 2-го запева

и т. д.

1. Ай, вот и, не светила, вот, красная солнушка
   Ровно девять лет,
   На десятом толичка да годочику
   Солнушка да прося... ну, просяила [1].

2. Ай, ну просяила.
   Ей да, просился, вот бы, млад да Добрынюшка
   В своей родной ма... в родной мамушки,

3. Ай, в родной мамушки:
   «Да позволь, позволь, родимая мамушка,
   Ехать на охо... на охотушку,

4. Ай, на охотушку,
   На тою-то вот бы на охотушку,
   Охоту звяри... на звяриную,

5. Ай, на звяриную,
   На тою-то, скажем, на добычушку,
   Вот бы, богаты... богатырскую,

6. Ай, богатырскую.
   В тою времечка родимая мамушка
   Ему не дозво... не дозволила,

7. Ай, не дозволила,
   Апосля [2]-то бы родимая мамушка
   Младцу подозво... подозволила,

---

[1] «Просяила» — просияла.
[2] Апосля — после.

8. Ай, подозволила.
Как берёт, берёт, вот бы, млад Добрынюшка
Свои золоты, золоты ключи,

9. Ай, золоты ключи.
Отмыкая[1], вот бы, млад Добрынюшка
Замочки була... ну, булатные,

10. Ай, ну булатные.
Как берёт-то, вот бы, млад Добрынюшка
Уздечку тесмё... ну, тесмёную,

11. Ай, ну, тесмёную,
Вот братàя[2] то-то млад Добрынюшка
Он своvо добрà, он добрà коня,

12. Ай, ну добрà коня.
Вот берёт жа, берёт млад Добрынюшка
Седельце черке... ну, черкесское,

13. Ай, ну, черкесское.
Как и эта-то, вот эта-дà сèделица,
Она об двена... двенадцать подпруг,

14. Ай, двенадцать подпруг.
Как и первая, вот эта подпружечка,
Она шёлку бе... шелку белого,

15. Ай, шёлку белого.
Как другая-то, другая подпружечка,
Она шёлку а... шёлку алого,

16. Ай, шёлку алого.
Как и третия, вот бы, всё подпружечка,
Она шёлку чи... шелку чистого,

17. Ай, шёлку чистого.
Оседлал, вот и, млад Добрынюшка,
Он своvò добрà, он да добрà коня,

18. Ай, добрà коня,
Да поехал жа, вот бы, млад Добрынюшка,
Он во чисто по... чи́сто полюшко.

Станица Ермаковская, хутор Исаев, 1902, 1904

---

[1] Отмыкая — отмыкает.
[2] Братая — братает, снаряжает.

9. СХОТЕЛОСЬ ПОВОЛЬНИЧАТЬ

Добрыня гуляет по полю Куликовскому

Довольно медленно ♩= 76

Запев

Двое

Мужские голоса [1]

1. Схо_те_лось по_ воль _ ни _чать,
2. Е_му по_рос_ ко _ шни _чать,

Все

да по _ во _ льни _чать раз _ до _ бро _ му
да по чи _ сто _ му, вот бы, да по

мо _ лод _ цу, да е _ му жа
по _ лю _ шку, да по по _ лю

по _ рос _ ко... е _ му по _ рос _ ко _ шни _чать.
Ку _ лю _ ко... по _ лю Ку _ лю _ ков _ ско _ му.

---

1 В некоторых случаях партия высокого тенора-подголоска исполнялась женщиной в его тесситуре.

1. Схотелось повольничать,
Да повольничать раздоброму молодцу,
Да ему же пороско...
Ему пороскошничать,

2. Ему пороскошничать,
Да по чистому, вот бы, да по полюшку,
Да по полю Кулюко...
Полю Кулюковскому,

3. Полю Кулюковскому.
Да ходил там, гулял добрый молодец,
Да гулял жа ровно три...
Гулял ровно тридцать лет,

4. Гулял ровно тридцать лет.
Ровно тридцать-то лет гулял и три года.
Да всего тридцать три,
Всего тридцать три года,

5. Всего тридцать три года.
На четвёртом годочку Добрынюшки
Да стал коник приска...
Ну-ка, стал присказывать,

6. Ой да, стал присказывать:
«Ой, хозяин, али ну, хозяин мой,
Да хозяин ты, мой ла...
Хозяин мой ласковый,

7. Хозяин мой ласковый!
Ой, ничего жа, али ты, хозяин мой,
Да не знаешь, не ве...
Ой да, ты не ведаешь,

8. Не знаешь, не ведаешь,
Да свою же родимую маменьку,
Да мамашу не спрове...
Ой да, не спроведаешь,

9. Ой да, не спроведаешь.
Как твоя-то родимая маменька,
Да мамаша сыста...
Вот она сыстарилась,

10. Вот она сыстарилась.
Да твоя ли молода жанёночка,
Да жанёнка просва...
Вот она просваталась,

11. Вот она просваталась,
Не за князя она, не за барина,
За Алёшинькю Попо...
Только за Поповича!»

Станица Верхне-Кундрюческая. 1902, 1904, 1905

10. ПО ПОЛЮШКУ БЫЛО КУЛИКОВСКОМУ

Добрыня загулялся

Довольно медленно ♩=80

Запев 1-й

Женские голоса

Мужские

1. По по_лю_шку бы_ло,
да бы_ло жа по_лю Ку_ли_ков_ско_му,

Немного скорее

Все

ой, там хо_дил жа, вот бы, млад До_бры_ню_шка,
2. ой, ро_вно трид_цать лет да е_щё три го_да,

да гу_лял он не год,
а все_го трид_цать три,

гу_лял он не
все_го трид_цать

год, не два, ой, про - гу -
три го - да; ой, на че -

- лял жа, вот бы, млад До - бры - нюш - ка,
- твер - том то - ли - чка го - до - ч(и) - ку

да гу - лял ров - но три... гу - лял ров - но
да стал ко - ник - спред - ве... стал ко - ник спред -

Для последующих запевов

Конец **Медленнее**

трид - цать лет. 2. Гу - лял ров - но
- ве - щи - вать. 3. Стал ко - ник спред -

три... ров - но трид - цать лет, (2)
- ве... стал спред - ве - щи - вать:

35

1. По полюшку было, да было жа полю Кулюковскому,
Ой, там ходил жа вот бы млад Добрынюшка,
Да гулял он не год, гулял он не год, не два;
Ой, прогулял жа вот бы млад Добрынюшка,
Да гулял ровно три... гулял ровно тридцать лет,
2. Гулял ровно три... ровно тридцать лет;
Ой, ровно тридцать лет, да ещё три года,
А всего тридцать три, всего тридцать три года;
Ой, на четвёртом толичка годочику
Да стал коник спредве... стал коник спредвещивать;
3. Стал коник спредве... стал спредвещивать:
«Ой, ты хозяин мой, да хозяин,
Да хозяин мой ла... хозяин мой ласковый,
Ой, ты утеха, вот моя утеха,
Да утеха молоде... моя молодецкая,
4. Моя молоде... молодецкая!
Ой, ничего жа ты, моя утеха,
Да не знаешь, не ве... не знаешь, не ведаешь, —
Ой родимую вот бы свою мамушку
Да ее не спротьве... не спротьведаешь[1],
5. Ее не спротьве... не спротьведаешь?
Ой, как твоя-то родимая мамушка,
Да мамаша сыста... мамаша сыстарилась,
Ой, молода твоя шельма-жанёнка,
Да жанёнка просва... жанёнка просваталась.
6. Жанёнка просва... ну, просваталась,
Ой, не за князя, она не за барина,
За Алёшу Попо... Алёшу Поповича,
Ой за такого-то за хорошего
Да за горького пья... за горького пьяницу.
7. За горького пья... за горького пьяницу.
Ой, да за бабьего за насмешничка
Да за девичья переле... будто перелестничка».
Ой, опускал жа, вот бы млад Добрынюшка,
Да свою буйну го... свою буйну голову,
8. Свою буйну го... буйну голову;
Ой, опускал жа вот бы млад Добрынюшка,
Да он ручки во карма... ручки во кармашики,
Ой, доставал жа вот бы млад Добрынюшка,
Доставал золоты, вот он золоты ключи,
9. Вот он золоты ключи, золоты ключи,
Ой, отмыкал жа, вот бы млад Добрынюшка,
Да свою он коню... свою он конюшеньку,
Ой выводил жа своно коня доброго,
Да коня богаты... коня богатырского,
10. Коня богаты... коня богатырского.
Ой, оседлал жа, вот бы млад Добрынюшка,
Оседлал его черке... оседлал черкесским седлом,
Ой, да поехал, вот бы млад Добрынюшка,
Кы своей родной ма... к своей родной мамушке.

Станица Екатерининская (Красно-Донецкая), 1897—1902, 1904

---

[1] Спротьведаешь — проведаешь.

11. ЧТО ЭТО ЗА СТУК, ЗА ГРОМ!

Добрыня в поле и добрые молодцы

1. Что это за стук, за гром!
Да стучит, гремит Добрынюшка,
Он железою,

2. Вот стучит железою, —
Да седлает он, Добрынюшка,
Своего добра̀ коня,

3. Своего добра̀ коня.
Да выходит родная маменка,—
Стала спрашивать,

4. Она стала спрашивать:
«Да когда жа, моя чадушка,
Ты назад домой будешь,

5. Ты когда домой-то будешь?»
«Вот и жди меня, моя маменка,
Через три-то года,

6. Ой, жди через три года;
Через три-то года не буду я, —
Через шесть годочков жди,

7. Ой, жди через шесть годов;
Через шесть годов да не буду я,
Через девять лет мене жди,

8. Ой, жди через девять лет;
Через девять лет да не буду я, —
Через тридцать лет мене жди,

9. Ой, жди через тридцать лет;
Через тридцать лет-то не буду, —
Поминай тогда мене,

10. Тогда поминай мене;
Молодая моя да жанёночка
Пущай замуж идёт,

11. Пущай жана замуж идет!»
Вот и пил, гулял млад Добрынюшка
Ровно тридцать годов,

12. Гулял ровно тридцать годов.
Приезжали кы Добрынюшке
Да два добрых мòлодца,

13. Два добрые мòлодца:
«А и полно, полно, Добрынюшка,
Тебе полно пить гулять,

14. Полно тебе пить да гулять!
Не пора тебе, млад Добрынюшка,
Не пора-ль домой итить,

15. Не пора-ль домой итить;
Как твоя-то родная маменка
Все сыстарилась по тебе,

16. Маменка сыстарилась,
Молода жана да Алёнушка,
Она замуж идёт!»

Станица Еланская. 1903.

12. АЙ, ВОТ И, НУ, ПРОСИЛСЯ ДОБРЫНЮШКА

Добрыня возвращается с казàкованья

Не очень медленно ♩=84

[Запев 1-й]

Женские голоса

1. Ай, вот и, ну, про - сил - ся раз-доб-рай До - бры-ню-шка в род-ной ма - мень - ке:

Мужские

Пристают другие

Все

„Ей ей да, ро - ди - ма - я, ой, ты мо - я ма - мень - ка, пус - ти по - о - хо... (е)

да, пу - сти жа ты ме - не по - о - хот - ни-чать, в по - ле по - ка - за... (е)

2. - чать,

1. Ай, вот-и, ну, просился раздобрый Добрыюшка
   В родной маменьке:
   «Ей, да родимая, ой, ты, моя маменька!
   Пусти поохо... поохотничать.
2. А-ей, поохотничать,
   Ей, да пусти жа ты меня поохотничать,
   В поле показа̀... показа̀ковать,
3. А-ей, показа̀ковать!»
   «Ей, ну, и чада, вот ты, моя чадушка,
   Ты еще малё... ты малёхунек,
4. А-ей, ты малёхунек:
   Ей, не умеешь, вот-и, моя чадушка,
   Ты своим конём, конёчком правдать[1],
5. А-ей, конёчком правдать,
   Ей, да не вмеешь вот-и, моя чудушка,
   Не вмеешь с ружья, ты с ружья стрелять,
6. А-ей, ты с ружья стрелять;
   Ей, не удержишь, вот-и, моя чадушка,
   Сбрую богаты... богатырскую,
7. А-ей, богатырскую!»
   «Ей, ну, пусти же, родимая маменька,
   Пусти меня во... пусти волею,

[1] Правдать — управлять.

8. А-ей, пусти волею;
Ей, да не пустишь, родимая маменька,
Поеду нево... да неволею,
9. А-ей, да неволею!
Ей, да ты жди же, родимая маменька,
Мене через три, через три года,
10. А-ей, через три года:
Ей, через три-то годочка да не буду я,
Тогда через де... через девять лет,
11. А-ей, через девять лет;
Ей, через девять лет если я да нѐ буду,
Тогда поминай, поминай меня,
12. А-ей, поминай меня!»
Ей, да проездил раздобрый Добрынюшка,
Вот он во чистó, во чистò поле,
13. А-ей, во чисто поле.
Ей, да проездил раздобрый Добрынюшка,
Вот он ровно три, ровно три года,
14. А-ей ровно три года,
Ей, на четвертом толичка да годочку
Вот он призаду... призадумался,
15. А-ей, призадумался.
Ей и добрый вот его конёчек
Ему речь возгò... речь возгóворил,
16. А-ей, речь возгòворил:
«Ей, да езжай-ка, вот-и, мой хозяин,
Езжай к своему, к своему двору:
17. А-ей, к своему двору:
Ей, как твоя-то родимая маменька
По тебе сыста... сыстарилася,
18. А-ей, сыстарилася,
Ей, молодая вот твоя жанёночка,
Жанёночка за... уж замуж пошла,
19. А-ей, уж замуж пошла;
Ей, да и замуж-то пошла за Алёшу,
За Алешу Попо... за Поповича,
20. А-ей, за Поповича!»
«Ей, да не может быть, от живого мужа
Жена чтобы за... чтоб замуж пошла,
21. А-ей, чтоб замуж пошла,
Ей, да еще-то бы пошла за Алёшу,
За того Попо... за Поповича,
22. А-ей, за Поповича,
Ей, да как мы-то с ним, с Алёшей Поповичем,
В поле сыезжа... сыезжалися,
23. А-ей, сыезжалися,
Ей, да и медными с Алёшей крестами
Мы с ним поменя... поменялися,
24. А-ей, поменялися,
Ей, да крестовыми с Алёшей мы братьями,
Мы с ним называ... называлися,
25. А-ей, называлися!»
Ей, да-й поехал раздобрый Добрынюшка
Вот он к своему, к своему двору.

Станица Ермаковская, хутор Исаев, 1905, 1911.

13. ОЙ, ДА ХОДИЛ-ТО ДОБРЫНЯ

Добрыня возвращается с полеванья

Умеренно ♩ = 104

Запев.

Мужские голоса

1. Ой, да хо - дил - то До - бры - ня
2. Ой, да не год - то хо - дил жа

Все

он по чи - стом по - лю, да по
он, да не два го - да, да хо -

чи - сто - му по - лю, ой, по си - ню мо -
- дил млад До - бры - ня, ой, ров - но трид - цать

- рю, он не год - то хо - дил жа,
лет, ров - но трид - цать - то лет,

1. Ой, да ходил-то Добрыня,
Он по чистòму полю,
Да по чистому полю,
Ой, по синю морю;
Он не год то ходил жа,
Ой, да не два года,

2. Ой, да не год-то ходил жа он,
Он, да не два года,
Да ходил млад Добрыня
Ой ровно тридцать лет,
Ровно тридцать-то лет,
Ой, еще три года,

3. Ой, ровно тридцать ходил лет,
Ой, еще три года,
На четвертом годочку
Коник призвещивал:
«Ты хозяин, хозяин,
Ой, ты мой ласковый,

4. Ой, ты, хозяин, хозяин,
Ой, ты мой ласковый,
Ты, утеха, утеха,
Ой, молодецкая!
Ничего жа ты не знаешь,
Ой, да не ведаешь,

5. Ой, ничего жа не знаешь,
Ой, ты да не ведаешь,—
Свою родную мамушку
Не проведаешь:
Твоя родная маменька
Да сыстарилася,

6. Ой, твоя родная маменька
Да сыстарилася,
Молода твоя жанёночка
Да просваталася,
Не за князя она да,
Ой, не за бòяра,

7. Ой, не за князя просваталась,
Не за бòяра, —
За того ли Алёшу,
Ой, за Поповича,
Да за горького пьяницу,
За кабашничка,

8. Ой, да за горького пьяницу,
За кабашничка,
Да за девичьего-то,
Ой, перелестничка
Да за бабичева жа,
Ой, за насмешничка,

9. Ой, да за бабичева жа,
Ой, за насмешничка!»
Как и тут-то Добрыня
Вот призадумался, —
Опустил ясны очи,
Ой, во сыру землю,

10. Ой, опустил ясны очи
Вот во сыру землю,
Свои белые руки
Во кармашики;
Доставал жа Добрыня
Ключи медные,

11. Ой, доставал жа Добрыня,
Ой, ключи медные,
Отмыкал жа Добрыня
Замки булатные
Да входил жа Добрыня,
Ой, вы конюшеньку,

12. Ой, да входил жа Добрыня,
Ой, вы конюшеньку,
Обратал жа Добрыня
Коня доброго:
Накладал жа Добрыня
Он черкасская седло;

13. Ой, накладал жа Добрыня,
Ой, всё черкасская седло,
Подтягал жа подпруги —
Ремни вечные,
Все двенадцать подпруг да
Сы подпружечкою,

14. Ой, да двенадцать подпруг-то,
Ой, сы подпружечкою:
На подпругах-то пряжечки
Серебряные,
Да на пряжках шпенёчки
Позлачёненькие,

15. Ой, да на пряжках шпенёчки
Рот позлачёненькие,
Да садился Добрыня
На добра̀-то коня,
Да он бил жа конёчка,
Ой, по крутым по бедра̀м,

16. Ой, да он бил жа конёчка,
Ой, по крутым по бедра̀м,
Пробивал жа конёчку
Да до белой кости:
«Ты бежи, мой конёчек,
К родной маменьке,

17. Ой, ты бежи, бежи, конёчек,
Ой, к родной маменьке!»
Да не год-то он ехал,
Ой, да не два года,
Прибегал-то Добрыня
Кы подворью свому,

18. Ой, прибегал жа Добрыня,
Ой, кы подворьицу свому.
Сустречала Добрыню
Там старушечка стара̀,
Да старая старушка —
Марфа Тимофеевна,

19. Ой, да и старая старушка —
Марфа Тимофеевна:
«Как бывало-то к нам были
Вот князья-бо̀яры,
А таперя заехал
Ярыга-ярыжечка,

20. Ой, а теперь к нам заехал
Все ярыжечка!»
«Да ты, старая старушка,
Моя маменька!
А и я твой сыночек,
Сын Добрынюшка,

21. Ой, да и я твой сыночек,
Сын Добрынюшка!»
«На моим была сыночку
Платья цветная,
А казна-то в него
Была несметная,

22. Ай, да казна-то в Добрыни
Всё несметная,
Под моим-то сыночком
Конь, как лютый зверь!»
«Да ты, старая старушка,
Моя маменька,

23. Ай, да ты, старая старушка,
Моя маменька!
Моя цветная платья
Изнюсилася,
Золотая казёнка
Источилася,

24. Ай, золотая казёнка
Моя источилася,
А конёчек мой добрый
Поизъездился!»
Да и входит Добрыня
Во светлицу свою.

Станица Усть-Быстрянская, 1902, 1904

14. ПОИЗВОЛИЛА МЕНЕ МАМЕНЬКА

Возвращение Добрыни

Медленно ♩ = 72

Запев

Все

Мужские голоса

1. По_из_во_ли_ла ме_не ма_мень_ка во о_
2. Да о_хо тушку дер_жал я ров_но

Ай,

Ай,

_хот_ни_чки, ой, да во те бы_ло о_
три_дцать лет, на три_дца_том_то го_

_хо_тни_чки, во раз_бой ни_
_до_ч(и)_ку сон при_ви дел_

_чки, да о_хо_ту_шку де_р(ы)_
_ся, буд_то, буд_то мо_ло_

1. Поизволила мене маменька
Во охотнички, ой,
Да во те было охотнички —
Во разбойнички.
Да охотушку держал я
Вот ровно тридцать лет,
2. Да охотушку держал я,
Ровно тридцать лет, ой,
На тридцатом-то годочику
Сон привиделся:
Будто, будто молода жана,
Она замуж идёт,
3. Будто, будто моя молода жана,
Она замуж идёт, ой,
За того-то за Алёшу
Она за Поповича,
Да девичьего, да было жа,
За насмешничка,
4. Да за девичьего было жа,
Ой, за насмешничка,
Да за бабьего, было жа,
Ой, перелестничка:
Перельстил-то Алёша
Мою молоду жану,
5. Перельстил-то, ну, Алёша
Мою молоду жану.
Как и тут жа добрый молодец
Потревожился —
Да и брал свою да уздечку
Он да тесьмённую,
6. Да и брал свою да уздечку
Он да тесьмённую,
Он обрàтывал Добрыня,
Ой, свово дòброго коня,
Да сядлал его седелицем
Да не влàданым,
7. Да сядлал его он седелицем
Да не влàданым,
Подкладал он, ну, Добрыня,
Вот потник шёлковый,
Подтягал жа он да подпружечки,
Вот тесьмёные,
8. Подтягал жа он да подпружечки
Вот тесьмёные,
Да и брал с собою плёточку
Всё двухпудную,—
Он и бил жа, бил коня свово
По крутым бедрàм,
9. Он и бил жа, бил да конёчика
По крутым бедрàм,
Да и сам жа он коню свому
Всё приказывал:
«Ты няси, няси, мой кòник,
Ой, поскорей домой.
10. Ты няси, няси, мой кòник,
Вот и поскорей домой,
Выше леса, выше тёмного,
Да стоячего,
Да немножечко пониже
Облака ходячего!
11. Да немножечко пониже
Облака ходячего!»
Подбегает всё Добрыня
Кы широкому двору,
Он и бьёт копьём, вот и, молодец,
Об воротички.
12. Он и бьёт копьём, да и молодец
Об воротички:
Все дубравые вереюшки
Покачнулися,
А железные задвижечки
Отдвигнулися.
13. Ну, железные задвижечки
Отдвигнулися,
Ну, решётчаты воротички
Растворилися,
Да и брякнула ну колечка,
Ой, да серебряная.
14. Да и брякнула ну колечка
Ой да, серебряная,
Ну бряхнула всё собачка,
Ой да, борзых кобелей,
Ну выходит жа старушка,
Ой да, и старенькая.

15. Ну, выходит жа старушка
Вот она старенькая,
Да того-то бы Добрыни
Мать да родимая:
«Что за пьяница, за пропоица
Тут таскается?
16. Что за пьяница, за пропоица
Тут таскается, ой?
Подзатылицу ай пьяница
Дожидается!»
«Я не пьяница, не пропоица,—
Твоя чадушка.
17. Я не пьяница, не пропоица,—
Твоя чадушка, ай!»
«Да ты врёшь, врёшь жа ты молодец,
Облыгаесси!» [1]
Да почто, почто мою старость
Ты обманываешь?
18. Ну, почто, почто мою старость
Ты да обманываешь?
Да моей-то да и чадушки
Ровно тридцать лет,
У моей была да у чадушки
Справа не еткая [2].
19. У моей была да у чадушки
Справа не еткая,
У моей только у чадушки
Конь, как лев ревел,
Да и справа-то молодецкая,
Как жар, горит.
20. А и справа-то молодецкая,
Ну, как жар, горит!»
«Да ты, маменка, ты, маменка,
Мать родимая!
Как и добрый мой конёчек,
Он да изъездился.
21. Как и добрый мой конёчек
Он весь изъездился,
Моя справа молодецкая
Изоржавела!»
Тут и падала его маменка
На сыру землю.
22. Тут и падала его маменка
На сыру землю, ой;
Подхватил он свою маменку
Под бялы руки,
Да понёс, понёс во палаты
Белокаменные.
23. Да понёс, понёс во палатушки
Белокаменные, ай,
Он и входит во палаты,
Богу не молится,
Да честной жа он да беседушке,
Ну, не кланяется.
24. Да честной жа он да беседушке,
Ну, не кланяется,
Ну, садится он, Добрынюшка,
Вы большом месте,
Да во том жа всё во мѐстечке —
Да на конничке.
25. Да во том жа он во местечке,—
Ой да, на конничке.
Он и брал жа всё Добрынюшка
Гусли звончатные,
Подтягал жа он во гуслицах
Струны шёлковые,
26. Подтягал жа он да во гуслицах
Струны шёлковые, ой,
Заиграл жа тою песенку,
Песню жалкую,
Песню жалкую, да и горькую,
Приунывную.
27. Песню жалкую, вот и горькую,
Приунывную:
«Ты, Марина, ты, Маринушка,
Дочь Ивановна!
Ну, и спомни ты, Марина,
Как с тобой игрывали,
28. Ну, и спомни ты, Марина,
Как с тобой игрывали,
Да и спомни ты, Марина,
Как мы венчалися,
Да и спомни ты, Марина,
Чем мы обручалися!
29. Вот и спомни ты, да Марина,
Чем мы обручалися!
Погляди ка ты, Марина,
В мене золотой перстень,
Погляди жа ты, свет-Марина,
Твою памятку,
30. Погляди жа ты, свет-Маринушка,
Твою пàмятку!»
Тут Алёшенька Попович
Он и потревожился, —
Потревожимшись Алёша,
Он на побег потянул.

Станица Еланская, хутор Андропов, 1908.

---

[1] Облыгаесси — лжёшь.
[2] Еткая — этакая.

15. ОЙ, КАК ХОДИЛ-ТО ДОНЧАК

Возвращение Дончака-Добрыни из Туречины

Довольно медленно ♩=69

Запев *Приступают все*

Мужские голоса

1. Ой, как хо - дил - то Дон - чак, е -
2. Ой, по и - ным - то зем - лям, е -

ой, по и - ным зе - м - лям,
ой, по Ту - ре - - чи - ее,

по и - ным - то зем - лям,
он не - год - то хо - дил,

ой, по Ту - ре - - чи - не.
ой, да ве - два - три го - да.

Ой, как ходил-то Дончак, ой, по иным землям,
По иным-то землям, ой, по Туречине[1];
Он не год-то ходил, ой, да не два-три года, —
Как ходил-то младец, ой, ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет, ой, еще три года,
На четвертом году, ой, ему стошнилося,
Ему стошнилося, ой, дюжа сгрустнулося.
Вот задумал младец, ой, кы двору-то итить,
Кы двору то итить, ой, к отцу к матери.
К отцу к матери, ой, к роду-племеню.
К роду-племеню, ой, к молодой-то жане.
Он берёт-то, младец, ой золотые ключи,
Отмыкает замки, ой, все булатные.
Он выводит своно, ой, коня доброго,
Он седлает коня, ой всё черкесским седлом.
Вот и сел-то, младец, ой, да поехал домой,
Приезжает младец, ой, кы свому-то двору,
Привязал-то коня, ой, за верёюшку.
У него на дворе, ой, пир-беседушка.
Пир-беседушка, ой, не весёлая:
Усе двери там, ой, растворёные,
Да-ї окошечки, ой приподнятые.
Родный батюшка, ой за столом сидит,
Его матушка, ой, всё на печечке,
Всё на печечке, ой, она слёзно плачет.
Вот и входит Дончак, ой, в свою горенку,
В свою горенку, ой, у родительский дом:
Как его-то жана, ой, всё просваталась
За того-то было, ой, за Алёшеньку,
За Алёшеньку, ой, за Поповича.
«Уж вы, гусли мои, ой, гусли звонкие!
Заиграйтя-ка мне, ой, песню новую!
Ну иде-ж-то было, ой, в поле видано,
В поле видано, ой, в море слыхано,—
По чистом полю, ой, корабли бежат,
По синём-то морю, ой, пожары горят, —
От живого-то мужа, ай, жана замуж идет,
За того ли было, ой, за Алёшеньку.
«Ну и мы-то бы с ним, ой, всё видалися,
Мы крестами-то с ним, ой, всё менялися,
Мы братьями-то с ним, ой, называлися!»
Как и тут-то жана, ай, догадалася, —
Да к Добрынюшке, ай, всё бросалася.

Станица Усть-Быстрянская, хутор Кременской, 1902, 1904.

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется, причем при запеве повторяющийся стих начинается с «Ой».

16. АЙ, КАК СЛУЖИЛ-ТО ДОНЧАК

Дончак-Добрыня прогулял молодую жену

Медленно ♩ = 72

Запев 1-й

Женские голоса

Мужские

1. Ай, как слу - жил — то Дон-чак,

Все

ай, ров - но три - дцать лет,
2. ай, е - щё три го - да;

ай, ров - но три - дцать лет,
ай, на че - твёр - том го - ду,

Конец

ай, е - щё три го - да,
ай, мла - дцу сто - шни - лось,

Запев 2-й и последующие

1. Ай, как служил-то Дончак
Ай, ровню тридцать лет,
2. Ай, ровню тридцать лет,
Ай, еще три года [1].
3. Ай, на четвертом году
Ай, младцу стòшнилось
4. Ай, младцу стòшнилось
Ай, еще сгрустнулось:
5. Ай, не пора ли младцу
Ай, кы двору итить,
6. Ай, кы двору-то итить
Ай, кы отцовскому!
7. Ай, как идёт-то Дончак
Ай, вы конюшеньку,
8. Ай, вот берёт-то Дончак
Ай, коня доброго,
9. Ай, он седлает коня
Ай, всё черкесским седлом.
10. Ай, ну и сел Дончак,
Ай, как сокол взлетел;
11. Ай, он и бьёт коня
Ай, по крутым бедрам.
12. Ай, вот приехал Дончак
Ай, вы отцовский дом.
13. Ай, вы отцовском домý
Ай, пир-беседа сидит.
14. Ай, как святым образам
Ай, он не молится.
15. Ай, вы передний угол
Ай, он не кланяется,
16. Ай, князьям-бòярам
Ай, честь не здравствуется;
17. Ай, ну садится Дончак
Ай, да на конничке,
18. Ай, вот берёт-то, берёт
Ай, рылè [2] звонкие,
19. Ай, подтягает он
Ай, струны жильные,
20. Ай, заиграл жа он
Ай, песню давнюю,
21. Ай, песню давнюю
Ай, старотечецкую.
22. «Ай, уж сыночек мой,
Ай, ты Добрынюшка!
23. Ай, ну, и где жа ты,
Ай, где погуливал:
24. Ай, прогулял жа ты
Ай, молодуя жану!»

Станица Екатерининская, хутор Ясеновский, 1900, 1901, 1905

---

[1] Каждая пара стихов, кроме первой и последней, повторяется для запева.

[2] «Рыле» — особый вид лиры, отличающийся от украинской и бывшей в употреблении на Дону под названием «гудка» или «рылé». Подробное описание — см. «Труды Музык.-Этнографического О-ва» Е. А. и Э., т. I, 1906. Листопадов А., «Народная казачья песня на Дону» (стр. 183—189).

17. АЙ, ДА НЕ БУЙНЫЕ ВЕТЕРОЧ(И)КИ

Встреча Добрыни с Ильей Муромцем и возвращение ко двору

Умеренно ♩ = 108

(*Запев 1-й*)

Мужские голоса

1. Ай, да не буй ны - е ве - те ро - ч(и) - ки, о - ни с гор по -
2. бы - ла мо - ре - чка, о - на ско - лы -

[*Все*]

Ай,

-ве ... с гор по - ве - ну - ли,
-ха ... ско - лы - ха - ла - ся,

Конец

Для последующих запевов

2. ай, с гор по - ве - ну - ли;
3. ай, ско-лы - ха - ла - ся;

1. Ай, да не буйные ветерочики,
   Они с гор пове... с гор повенули,
2. Ай, с гор повенули,
   Ай, да не синяя была моречка,
   Она сколыха... сколыхалася,
3. Ай, сколыхалася,
   Ай, не сырые-то бы дубочики,
   Они к земле кло... к земле клонятся,
4. Ай, к земле клонятся,—
   Ай, приклоняется он, Добрынюшка,
   К своей родной ма... к родной матушке
5. Ай, к родной матушке:
   «Ай, государыня, моя матушка,
   Пусти погуля... погулять в поле,
6. Ай, погулять в поле,
   Ай, да попить-то бы, погулять в поле,
   Ещё показа̀.... показа̀ковать.
7. Ай, показа̀ковать,
   Ай, своево душечку всё добра̀ коня
   Ещё понае... понаѐзживать,
8. Ай, понаѐзживать!»
   «Ай, да не вмеешь ты, моё дитятко,
   Не вмеешь конё... ты конём владать,
9. Ай, да конём владать,
   Ай, да конём владать, моё дитятко,
   Ещё из ружья, из ружья стрелять,
10. Ай, из ружья стрелять!»
   Ай, да ходил, гулял млад Добрынюшка,
   Гулял по круты... по крутым горам,
11. Ай, по крутым горам,
   Ай, по крутым горам, млад Добрынюшка,
   Ещё по ины... по иным землям,
12. Ай, по иным землям.
   Ай, навстречу́ ему, добру молодцу,
   Ехал Илья Му... Илья Муровиц,
13. Ай, Илья Муровиц:
   «Ай, да, на, полно тебе, Добрынюшка,
   Полно тебе ти... полно пить-кутить,
14. Ай, полно пить-кутить!
   Ай, не пора ли тебе Добрынюшка,
   Пора кы двору, кы двору итить,

15. Ай, кы двору итить:
Ай, да родимого жа твово батюшки,
Его в живых не... давно нету,
16. Ай, давно нету,
Ай, да родимая твоя матушка,
Она чуть живё... чуть живёхунька,
17. Ай, чуть живёхунька,
Ай, молодая твоя хозяюшка,
Она всё просва... да просваталась,
18. Ай, да просваталась,
Ай, да за того-то бы за Алёшуньку
За сына Попо... за Поповича,
19. Ай, за Поповича!»
«Ай, да не может быть, от живого мужа
Жана чтобы за... чтоб замуж пошла,
20. Ай, чтобы замуж пошла,
Ай, чтобы замуж за Алёшуньку,
Пошла за Попо... за Поповича,
21. Ай, за Поповича, —
Ай, ведь с Алёшей-то во чистóм поле
Вот мы сыезжа... сыезжалися,
22. Ай, сыезжалися,
Ай, золотыми-то вот и крестами
Вот мы с ним меня... с ним менялися,
23. Ай, с ним менялися,
Ай, да назвàными вот мы братьями
Будто называ... называлися,
24. Ай, называлися!»
Ай, под Добрынюшкой душа добрый конь,
Конёчек изъе... он изъездился,
25. Ай, да изъездился,
Ай, на Добрынюшке светла платьица,
Она вся сноси... износилася,
26. Ай, износилася,
Ай, да шелкóвенькие карманчики,
Они испроби́... испробилися,
27. Ай, испробилися,
Ай, золота казна его несметная,—
Она источи... источилася,
28. Ай, источилася.
Ай, да слезает жа вот Добрынюшка
На свою подво... на подворьица,
29. Ай, на подворьица:
Во подворьицы был железный тын, —
Увесь он посло... весь послóнился [1],
30. Ай, весь послóнился.
Ай, да слезает жа вот Добрынюшка
Сы свово добрà, сы добрà коня,
31. Ай, сы добрà коня,
Ай, да подходит жа млад Добрынюшка,
Вот он к високу́, к високу́ крыльцу,
32. Ай, к високу́ крыльцу,
Ай, да привязывал он добрà коня, —
Его к золоту́ кольцу,

[1] Послóнился — наклонился.

33. Ай, к золоту́ кольцу,
Ай, да и входит жа, ой, Добрынюшка
Вы свои пала... вы палатушки,
34. Ай, вы палатушки:
Ай, да и каменные палатушки
Да все замуравились [1],
35. Ай, замуравились,
Ай, на стенàх-то висят Добрынины,
Его гусли звò... гусли звòнчаты,
36. Ай, гусли звòнчаты.
«Ай, уж вы, гусельки мои звонкие,
Вы, мои гусè... вы, гусèлюшки,
37. Ай, вы гусèлюшки!
Ай, дождали́ся жа, мои гусельки,
Вы свово хозя... вот хозяина,
38. Ай, да хозяина!»
Ай, ну родимая его матушка,
Она слёзно пла... слёзно плакала,
39. Ай, слёзно плакала;
Ай, перед нею-то млад Добрынюшка
Стоит, будто жа... стоит жàлится,
40. Стоит жалится:
«Ай, да родимая моя маменька!
Вот я твой нежда... твой нежданный сын,
41. Ай, твой нежданный сын!»
«Ай, у мово-то сына, у Добрынюшки,
Кудри позави... позавитые,
42. Ай, позавитые,
Ай, у мово ли сына, у Микитича,
Усы позакру... позакручены,
43. Ай, позакручены!»
«Ай, сы большого горя-кручинушки
Кудри поразви... поразви́лися,
44. Ай, поразви́лися;
Ай, мои русые, русы усушки,
Они обломи... обломилися,
45. Ай, обломилися!»
«Ай, молодая твоя хозяюшка
Она на поса... на посад пошла!»

Станица Урюпинская, 1963.

---

1 Замуравились — загрязнились.

17а ДА ПОЕХАЛ НАШ ДОБРЫНЮШКА

Добрыня и Илюшенька

Умеренно ♩= 112

Запев

Мужские голоса

1. Да по - е - хал наш До - бры - ню - шка
2. Да о - ста - вил он же - нё - но - чку

Вступают все

в по - ле - ва - ньи - ца, да о - ста - вил он жа -
в го - ре - ва - ньи - цы, да ста - но - вил - ся До -

- нё - но - чку в го - ре - ва - ньи - цы.
- бры - ню - шка во ге - мным ле - су.

1. Да поехал наш Добрынюшка
В полеваньица [1],
2. Да оставил он жанёночку
В гореваньицы.
3. Да становился Добрынюшка
Во темным лесу,
4. Да раскинул наш Добрынюшка
Свой браный шатёр,
5. Да ложился спать Добрынюшка
Он под шатриком.
6. Да привиделся Добрынюшке
Такой дивный сон:
7. Да спод правой спод рученьки
Вылетал сокол,
8. А спод левой, спод беленькой
Сера утица.
9. Да пробуждался Добрынюшка
От крепкого сна;
10. Да вот поехал Добрынюшка
Кы Илюшеньке:
11. «Ты скажи, скажи, Илюшенька,
Про мой дивный сон:
12. Ну, из-под правой спод рученьки
Вылетал сокол,
13. А из-под левой спод беленькой
Сера утица?»
14. «Да вернись, вернись, Добрынюшка,
Кы свому двору:
15. Как жена твоя Настасьюшка
Сына родила,
16. Да на белой вот на зореньке
Сама померла,
17. А и деточка, сыночек твой
В люлечке лежит!»
18. Вот подъезжает Добрынюшка
Кы свому двору,—
19. Да шумит, кричит Добрынюшка
Громким голосом:
20. «Да и свет, моя Настасьюшка,
Жена молода!
21. Да как бывало Настасьюшка
Стречала меня,
22. А теперя Настасьюшка
Бездыханная!»

Текст записан в ст. Богоявленской в 1904 г.

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется в начале следующей строфы. (Прим. ред.).

18. АЙ, ВО ЦАРЕ-ГРАДЕ, СТОЛЬНОМ КИЕВЕ

Дончак-Добрыня на пиру у князя Владимира

Довольно медленно ♩ = 80

Запев *Пристают*

Мужские голоса

1. Ай, во Ца - ре-гра-де, е -
2. ай, столь-ном Ке - и - ве, е -

все

- ай, да во Ца - ре - то бы гра -
- ай, да как у слав - но - го бы -

- де, столь-ном слав-ном Ке...
- ло кня - зя Во - ло - ди...

столь - ном Ке - и - ве,
Во - ло - ди - ме - ра.

1. Ай, во Царе-граде,
Ай-да, во Царе-то бы граде,
Стольном славном Ке... стольном Кеиве,

2. Ай, стольном Кеиве,
Ай-да как у славного было
Князя Володи... Володимера,

3. Ай, Володимера,
Ай-да, собиралися бы там
Они князья-бо.. князья-бояры

4. Ай, князья-бояры,
Ай-да, собиралися они,
Вот-бы, из иных, из иных земель,

5. Ай, из иных земель.
Ай-да, они пьют-то да едят,
Они прохлажда... прохлаждаются,

6. Ай, прохлаждаются,
Ай-да, промяжду-то бы себе
Они выхваля... выхваляются,

7. Ай, выхваляются:
Ай-да, как один-то хвалится,
Вот он молодо.... молодой жаной,

8. Ай, молодой жаной,
Ай-да, а другой-то хвалится,
Он своим бога... ай, богатаством,

9. Ай, богатаством,
Ай-да, ну и третий хвалится
Вот он своей хи... своей хитростью,

10. Ай, своей хитростью.
«Ай-да загадаю вот бы вам,
Али князья бо... князья-бояры

11. Ай, князья-бояры,
Ай-да, загадаю-то бы вам [1]
Вот эту зага... ай, ну загадочку,

12. Ай, ну загадочку,
Ай-да, ну не хитрую,
Али всё не му... да не мудрую

13. Ай, да не мудрую,—
Ай-да, отгадаетя её,
Много вас пожа... много жалую,

14. Ай, много жалую,
А не отгадаете,
Я вас переве... перевешаю,

15. Ай, перевешаю:
Ай-да, ну была у нас чудушка,
Была чуда чу... чуда чудная,

---

[1] Вариант: «Ай да, загану я вот бы вам».

16. Ай, чуда чудная:
Ай-да, на крутой-то бы горе
Стоит бел-горю... бел-горюч камень,

17. Ай, бел-горюч камень;
Ай-да, ну на камушке сидит,
Сидит млад ясмё... млад ясмён соко̀л.

18. Ай, млад ясмён соко̀л,—
Ай-да, он и держит во руках
Вот белую ры... белу рыбицу,

19. Ай, белу рыбицу,
Ай-да, ну клюёт-то он, клюёт
Её очи я... очи ясные,

20. Ай, очи ясные!»
Ай-да, ну князья-то бо̀яры
Они испужа... испужалися,

21. Ай, испужалися,
Ай-да, по темны́м-то бы лесам
Они разбежа... разбежалися,

22. Ай, разбежалися.
Ай-да, показался тут один,
Вот-бы молодо́й, молодо́й Дончак,

23. Ай, молодо́й Дончак,
Ай-да, молодо́й-то бы Дончак —
Вот-бы, млад Добры... Добрыню́шка,

24. Ай, Добрынюшка:
«Ай-да, вот и батюшка ты наш,
Али Володи... Володимер князь,

25. Ай, Володимер князь!
Ай-да, не позволь жа ты казнить,
Позволь речи вы... речи вымолвить,

26. Ай-да, речи вымолвить:
Ай-да, на крутой-то бы горе
Стоит город ка... стольный каменный,

27. Ай, стольный каменный.
Ай-да, ну во стольном городе
Сидит Володи... Володимер князь,

28. Ай, Володимер князь.
Ай-да, во руках-то он держит
Вот свою княги... ну княгинюшку!»

Станица Голубинская, 1936, 1937.

19. ОЙ ДА, НУ, НЕ БЕЛЫЕ СНЕЖОЧКИ

Пригожий мо́лодец Добрынюшка у князя Владимира

Медленно ♩ = 80

Запев

Женские голоса

1. А - ой да, ну, не
2. А - ой да, за - бе -

Мужские

Все

бе - ла - и, ай, да сня - жо - чи -
-ле - ли - ся. ай, бе - ло - ка - мен - на -

-ки в по - ле за - бе - ле... е -
- и, бе - ла - и па - ла... е -

ай, за - бе - ле - ли - ся;
ай, ну, па - ла - ту - шки;

1. Ой да, ну не белые,
Ай да, сняжочки
В поле забеле... ай, забелелися,

2. Ой да, забелелися
Ай, белокаменные,
Белые пала... ай ну. палатушки.

3. Ай да, вы палатушках
Там да столы стоят,
Столики дубо... ай ну, дубовые,

4. Ай да, ну на столиках,
Ай, поразостланы
Скатерти шелко... ай ну, шелковые.

5. Ай да, на столе-то стоит,
Там стоит пойлица,
Пойла дюжа пья... ай, дюжа пьяная.

6. Ой да, ну закусочка
Ай, на столе-то стоит
Белая сахо̀... ай, ну сахо̀рная.

7. Ой да, как у князюшки,
Вот и, да у славного
Было Володи... ай, Володимера,

8. Ой да, собиралася
Вот и пир-беседушка,
Она всё, всё поче... ай, всё почестная.

9. Ой да, за столом-то сидят,
Там за дубовым сидят,
Они князья бо̀... ай, князья-бо̀яры.

10. Ой да, ну и все-то князья,
Все да боярушки,
Они по места... ай, по местам сидят.

11. Ой да, й-одному-то яму,
Раздоброму мо̀лодцу,
Яму места не... ай, места не было.

12. Ой да, по палатушкам,
Вот раздобрый молодец
Он ходил расха... он расхаживал.

13. Ой да, свои русы кудри,
Вот бы, добрый молодец
Усушки закру... ай ну, закручивал.

14. Ой да, свои русы кудри,
Вот он добрый молодец,
Кудрюшки разгла... ай ну, разглаживал.

15. Ой да, ну как все-то бы, все,
Они князья-бо̀яры,
Они дивова.... ай, дивовалися:

16. «Ой да, ну хорош-то пригож,
Пригож добрый молодец,
Хорош й-уроди... ай, уродился!

17. Ой да, ну и кто-то бы, кто
Раздоброго молодца
Родил возле... ой, возлелеял?

18. Ой да, породила его,
Раздоброго молодца
Его солнца кра.. ай, солнца красная.

19. Ой да, вскормил, вспоил
Раздоброго молодца
Батюшка светё.. ай ну, светёл месяц.

20. Ой да, возлелеяли
Раздоброго молодца
Вот частые звё... ой, часты звёздушки!».

21. «Ой да, ну и глупые,
Вот вы, князья-бòяры,
Глупы неразу... ай, неразумные!

22. Ой да, ну когда-то сроду
Вот бы, красна солнушка,
Ну когда дете... ещё детей родит?

23. Ой да, ну когда бы видать,
Батюшка светел месяц,
Ну, когда дете... ой ну, детей кормит?

24. Ой да, ну когда-то сроду,
Вот частые звёздушки,
Они детей ня... детей нянчили?

25. Ой да, породила мене,
Раздоброго молодца,
Родимая ма... родна мамушка.

26. Ой да, воскормил, воспоил
Раздоброго молодца,
Мене рòдный ба... рòдный батюшка!»

Станица Калитвенская, 1904, 1905.

20. КАК И ЖИЛ-ТО БЫЛ МИКИТА

Добрыня и Маринка

Довольно медленно ♩ = 63

Запев

Женские голоса

1. Как и жил – то был Ми - ки - та, не - бо -
2. Как та - пе - ри - ча Ми - ки - ту - шка сы -

Мужские

Все

- га - тай че - ло - век, не - бо - га - тай он
- ста - ри - лся, он сы - ста - ри - лся Ми -

жил, не у - бо - гай слыл; как та -
- ки - та, пе - ре - ста - ви - лся. О - ста -

- пе - ри - ча Ми - ки - ту - шка сы - ста - рил - ся.
- ва - лась у Ми - ки - ти вся жи - тьё е - го бы - тьё.

1. Как и жил-то был Микита,
Не богатый человек,
2. Не богатый он жил,
Не убогий слыл;
3. Как таперича Микитушка
Сыстарился [1],
4. Он сыстарился Микита,
Переставился [2].
5. Оставалась у Микити
Вся житьё его бытьё,
6. Вся житьё его бытьё,
Вся именьица.
7. А ещё-то оставалась
Молода его жена,
8. Молода его жена (да)
С малой детишшею,
9. С малой детишшею,
Сы Добрынюшкою.
10. Как и три года Добрыня
Он у люлечке лежал,
11. Ещё три года Добрыня
Золоты ключи держал,
12. А ещё-то три годочка
Да он клюшничком был,
13. Да он клюшничком был,
Приворотничком слыл.
14. А тому-сему было
Ровно девять лет.
15. На десятом-то годочку
Отдавала его мать,
16. Отдавала его мать
Она грамоту учить
17. Кы тому-то старичку —
К Володимеру.
18. Вот он грамоту учил,
Сам на улицу ходил,
19. Сам на улицу ходил
Да всё шуточки шутил,
20. Да всё шуточки шутил,
Всё не маленькие.
21. Кого за руку возьмёт,
Руку прочь оторвёт,
22. Кого в голову ударит,—
Голова с плеч отлетит.
23. Как и тут-то на Добрыню
Люди жаловались:

24. «Ой, ты, батюшка наш,
Володимер князь!
25. Ты войми жа, войми [3]
Свово вольничка!»
26. А сердечка у Добрынюшки
Загарчивая,
27. Всё загарчива сердечушка —
Разгарчивая.
28. Вот приходя Добрыня
К родной мамушке своей:
29. «Ты родимая моя,
Родна мамушка,
30. Ты Анельфа моя да
Тимофеевна!
31. Ты дозволь жа мене, мать,
Во чисто поле гулять,
32. Во чисто поле поехать,
Прогуляться мне,
33. Свою силу богатырскую
Успробовати!»
34. «Да ты, чадушка моя,
Чада милая,
35. Ты малёхунек, чадунюшка,
Глупёхунек!»
36. Вот выводя Добрыня
Он добра свово коня,
37. Накладает седелечка
Черкесская,
38. Подтягает в седелечке
Двенадцать подпруг:
39. Всё двенадцать подпруг
Сы подпружечкою, —
40. Ну, не для-то красы
Да для крепости.
41. А подпружечки в него
Всё шелковенькие;
42. На подпружечках пряжечки
Булатные.
43. Вот садится Добрыня
На добра свово коня,
44. Он и бьёт-то Добрыня
По крутым его бедрам,
45. Выезжает Добрыня
В чиста полюшка.
46. На устречу Добрыне
Идёт старый старичок,
47. Идёт старый старичок —
Его дядюшка,
48. Его дядюшка родной —
Илья Муровец.
49. У старинушки головушка
Белёхунькая,

---

[1] Каждое нечётное двустишие, кроме первого, повторяется для последующего запева (Примечание автора).

Напев охватывает три двустишия. Из примечания автора следует, что каждая музыкальная строфа начинается и кончается нечётными двустишиями. Поэтому в записи текста одно двустишие, повидимому, пропущено, т. к. заключительное двустишие чётное. (Примечание редактора).

[2] Переставился — скончался.

[3] Войма — уйми.

50. А бородушка у него да
Всё седёхунькая:
51. «Ты скажи-ка, старинка,
Где Маринка живёт,
52. Где Маринка живёт,
Где Маринкин двор?»
53. Как и стал старик Добрыню
Он журить да бранить,
54. Он журить да бранить,
Стал речью говорить:
55. «Ты далёко моя чадушка,
Загуливасси!
56. Как и мы с твоим батюшкой
Погуливали, —
57. Разговор-то у нас был-да
Про Маринкин двор:
58. А Маринкин двор-да —
Отцель семь верстов,
59. Отцель семь верстов,
Да на шесть столбов;
60. Около того двора
Тын железный стоит, —
61. Да на всякой тыниочке
По маковочке,
62. Да по маковочке,
По буйной голове;
63. На одной жа тыниочке
Нету маковочки,
64. Нету маковочки,
Нет буйной головы:
65. Вот и быть же, Добрыня,
Там твоей голове!»
66. Как Добрынина сердечушка
Загарчивая:
67. Загарчива сердечушка,
Разгарчивая:
68. Вот и бьёт-то Добрыня
Свово доброго коня,
69. Свово доброго коня
По крутым по бедрам;
70. Подъезжая Добрыня
К широку кы двору.
71. На её теремè
Да два голубя сидят,
72. Да два голубя сидят,
Да два сизые —
73. Всё целуются,
Да милуются,
74. Всё милуются-да
Обнимаются.
75. Вот наводя Добрыня
Он тугой свой лук;
76. Он и бьёт-то Добрыня
Да по тем голубям.
77. Его правая нога-да
Оступилася,
78. Его левая рука
Обмишулилася;
79. Не попал он в голубей,
Попал в стеночку:
80. Он разбил-го, разбил
Стену каменную,
81. Стену каменную [1],
Грубу кахальную [1].
82. Он убил-то, убил
Змея лютого,
83. Что Маринкина друга,
Дружка милого.
84. Как и тут-то Маринка
Не случись у дворе, —
85. А Маринка была
В бане парилася.
86. Вот приходя Маринка
Кы своему-то двору,
87. Вот кричит-то Маринка
Громким голосом:
88. «Ой, что это такое
За невежа пришёл,
89. Да невежа пришёл
Не очесливый [2]!
90. А и я тебе, Добрыня,
Как хочу ворочу:
91. Да и сделаю Добрыню
Серым заюшкой,
92. Серым заюшкой
Горюстаюшкой!»
93. Врёшь ты, шельма-Маринка,
Облыгаисси [3],
94. Небыльными [4] словами
Выражаисси:
95. Вот я сделаю тебе
Всё кобылишшей,
96. Всё кобылишшей
Водовозишшей!»

Станица Усть-Быстрянская, хутор Кременской, 1902, 1901.

---

[1] Кахальную — кафельную.
[2] Не очесливый — нечестный, невежливый, неласковый.
[3] Облыгаисси — лжёшь.
[4] Небыльными — лживыми.

21. ОЙ, КАК И ЖИЛ-ТО БЫЛ ДА МИКИТА

Добрыня и Маринка

Умеренно ♩=69

[Запев 1-й]

Женские голоса

Мужские

1. Ой, как и жил-то был да Ми-ки-та не-бо-

[Все.]

-га-тай че-ло-век, ой, не-бо-га-тай, не у-бо-гай,

Для последующих запевов

мно-го-ми-ло-сли-вай,

2. мно-го-

3. ой, пе-ре-

ой, о-ста-ва-ла-ся

Все.

-ми-ло-сли-вай. Ой, как и жи-вша-то

-ста-вил-ся. О-ста-ва-ла-ся

1. Ой, как и жил-то был да Микита,
   Не богатый человек,
   Ой, не богатый, не убогий —
   Многомилосливый,

2. Многомилосливый.
   Ой, как-и, живши-то, Микитушка
   Сыстарился,
   Он сыстарился Микита,
   Ой, переставился,

3. Переставился.
   Оставалася да в Микити
   Всё житьё его бытьё,
   Всё житьё его бытьё,
   Вся именьица,

4. Вся именьица;
   Оставалася да в Микити
   Молода его жена,
   Молода его жанёнка
   С малой детишшею,

5. С малой детишшею,
   С малой детишшею —
   Сы Добрынюшкою.
   Как на первом-то годочку
   Он у люлечке лежал,

6. Он у люлечке лежал,
   Он у люлечке лежал,
   Всё белы груди сосал,
   На втором-то да на третьем
   Стал он дыбочки стоять,

7. Стал он дыбочки стоять,
   На четвёртом, да на пятом
   Переступывати;
   Ещё три года Добрыня
   Он у школушку ходил,

8. Он у школушку ходил,
   Он у школушку ходил,
   Письмо-грамоту учил;
   На девятом-то годочку
   Был он клюшничком,

9. Был он клюшничком,
Был он клюшничком, —
Золоты ключи носил.
На десятом-то годочку
Стал на улицу ходить,

10. Стал на улицу ходить,
Стал на улицу ходить,
Стал он шуточки шутить:
Кого за руку возьмёт,
Руку прочь оторвёт,

11. Руку прочь оторвёт;
Кого за ногу возьмёт,
Ногу выдернет,
За головушку погладит,
Голова с плеч упадёт,

12. Голова с плеч упадёт,
Как и тут-то на Добрыню
Люди жаловались.
А сердечка у Добрыюшки
Загарчивая,

13. Ну, загарчивая!
Вот идёт, идёт Добрыня
К родной мамушке:
«Ты дозволь мне, моя мать,
Во чистò поле гулять,

14. Во чистò поле гулять,
Свою силу богатырскую
Испробовати!»
Вот и справил Добрынюшка
Тугой сагайдак [1],

15. Он тугой сагайдак.
Вот узял-то Добрынюшка
Тесмённую узду,
Оседлал-то Добрыня,
Он добра свово коня,

16. Он добра свово коня, —
Да поехал Добрыня
Во чистò поле гулять.
На устрèчу Добрынюшке
Старинка идёт,

17. Вот старинка идёт,
Вот старинушка идёт —
Илья Муровец:
«Ты здорово ли, старинушка,
Старой человек,

18. Ты, старой человек!
Та скажи, скажи, старинка, —
Где Маринка живёт!»
Как и стал тут старинка
И журить, и бранить,

19. И журить, и бранить:
«Ты далёко ли, Добрынюшка,
Загадываешь!
Мы с родителем твоим
Всё гутарили,

20. Мы гутарили, —
Разговор у нас шёл
Про Маринкин двор:
А Маринкин-то двор
Частоколом обнесён,

21. Частоколом обнесён;
А Маринка живёт
На семидесять верстах,
На семидесять верстах,
На семидесять столбах,

22. На семидесять столбах;
А на каждом столбочку
Есть по маковочке,
Есть по маковочке,
По буйной голове,

23. По буйной голове;
На одном-то столбочке
Нет ни маковочки,
Нет ни маковочки,
Ни булдовочки,

24. Ни булдовочки.
Ну, и быть тут Добрынинòй
Головочке!»
Разгорелося в Добрынюшки
Сердечушка,

25. Вот сердечушка:
Он и бьёт коня Добрыня
По крутым по бедрам.
Перскочил-то Добрыня
Чрез железны ворота,

26. Чрез железны ворота:
А Маринка сидит
На высоком крыльце;
Не одна-то сидит —
Сы милым дружком,

---

[1] Сагайдак — лук.

27. Сы милым дружком,
Сы милым-то дружком,
С полюбовничком, —
Да сы Змеем лютым,
Сы Горыновичем,

28. Сы Горыновичем.
Вот возводит Добрыня
Тугой сагайдак,
Да спускает Добрыня
Калёную стрелу,

29. Калёную стрелу:
Он разбил-то, Добрыня,
Стену каменную,
Стену каменную,
Грубу кафальную,

30. Грубу кафальную,—
Он убил, убил Добрыня
Змея лютого,
Что Маринкина друга —
Полюбовничка,

31. Полюбовничка.
Вот кричит-то Маринка
Громким голосом:
«Ну и что же такое
За невежа пришёл,

32. За невежа пришёл!
Уж и я тебе, Добрыня,
Как хочу, ворочу:
Я и сделаю тебе
Серым заюшкою,

33. Серым заюшкою!»
«Уж ты врёшь, врёшь, Маринка,
Облыгаисси!»
Да и снял сы Маринки
Злую голову,

34. Злую голову,
Да сажал на столбочек
Без маковочки,
Что без маковочки,
Без буйной головы.

Вариант зачина:

1. Ой, по рюмочке пьём,
По другой мы, братцы, ждём;
Как хозяин говорит:
«За кого мы будем пить,

2. За кого мы будем пить?»
А хозяйка говорит:
«За то мы будем пить:
За военных молодцов,
За донских казаков.

3. За донских казаков!»
Не в Казани, не в Рязани,
В славной Астрахани, —
Там и жил-то был Микита,
Не богатый человек, и т. д.

Станица Екатерининская, 1898—1902, 1904—1905.

22. АЙ, ВОТ И, ДА НЕ СТУК-ТО СТУЧИТ

Бой Добрыни с Угаровичем

Довольно скоро ♩=69

Мужские (или Женские) голоса

[Запев 1-й]

1. Е - - ай, вот и, да не стук - то сту - чит, да не стук-сту - чит, да как

2. вот и - дёт, и - дёт наш До - бры - ню - шка да по го - -

Мужские

Все.

громто гре - мит — наш До - бры - - - громто гре -

бры - ню

Конец Запевы второй и последующие

- ню - - шка. 2. Ай, сту - чит

- ро - - ду. 3. Ай, и - дёт

1. Ай, вот-и, да не стук-то стучит,
   Да не стук стучит да, как гром-то гремит
   Наш Добрынюшка,
2. Ай, стучит наш Добрынюшка,
   Вот идёт, идёт наш Добрынюшка
   Да по городу,
3. Ай, идёт он по городу.
   Да подходит он, наш Добрынюшка,
   Кы свому-то двору,
4. Ай, идёт кы свому-то двору.
   На стрячу ему, вот, Добрынюшке,
   Родна маменька,
5. Ай, идёт родна маменька:
   «Ты, дитё моё, моя дитятка,
   Чада милая моя,
6. Ай, дитё-чада милая!
   Вот приехали к тебе гостюшки
   Да не званые,
7. Ай, гостюшки не званые,
   Да приехал жа богатырский сын,
   Сын Угарович» [1].
8. Ай, приехал Угарович-сын;
   Он глядит, глядит: на всех колушках
   По головушке,
9. Ай, на всех по головушке,—
   На одной-то бы на вереюшке
   Нет головушки,
10. Ай, нет одной головушки.
   «Тут и быть твоей, млад Добрынюшка,
   Да головушке,
11. Ай, быть твоей головушке.
   Выезжай-ка ты, млад Добрынюшка,
   Да на бой со мной,
12. Ай, выезжай со мной да на бой!»
   Вот берёт свои млад Добрынюшка
   Золотые ключи,

[1] Угарович-Тугарин, он же Горынич-Змей.

13. Ай, берёт золотые ключи,
Отмыкал свои все замочики
Да немецкие,
14. Ай, замочки немецкие;
Вот берёт свою он уздечечку
Всё тесьмёную,
15. Ай, уздечку тесьмёную,
Обратал свово добра коника
Гнедокàрего,
16. Ай, коня гнедокàрего:
Вот накидывал он седелечка
Всё черкесская,
17. Ай, седельца черкесская,
Он подтягивал да подпружечки
Всё шелковенькие,
18. Ай, подпруги шелковенькие,
Он ведёт коня кы крылечику
Всё точёному,
19. Ай, к крылечику точёному,
Вот привязывал кы колечику
Позлачёному,
20. Ай, к кольцу позлачёному.
Вот прощается млад Добрынюшка
С своей маменкой,
21. Ай, с своей родной маменкой.
Вот и выехал наш Добрынюшка
Кы Угаровичу
22. Ай, вот и кы Угаровичу.
Вот разъехались в разны стороны
Да и вдарилися.
23. Ай, вот они вдарилися:
Как на первый-то вдарил, вдарил его
Сын Угарович
24. Ай, вдарил сын Угарович,
На второй-то вдарил Добрынюшка
Что-й Угаровича,
25. Ай, вот вдарил Угарович,
Вот свалился он, сын Угарович,
Сы добра свово коня,
26. Ай, свалился с добра-то коня,
Вот и просит, просит Угарович:
«Пожалей жа мене!»
27. Ай, просит, «пожалей жа мене!»
«Не хвалися ты, сын Угарович,
Всё чужой головой,
28. Ай, не хвались чужой головой:
Как и быть твоей, сын Угарович,
На вереюшке!»

Станица Мигулинская, 1904.

23. КАК У НАС НОНЕ СОЛНЦЕ

Алёша и Змей Гориныч

Умеренно ♩= 116

Запев *Все*

Женские голоса

1. Как у нас но - ня солн - ца ста - ла
2. А кня - ги - ня по се - нюш - кам по -

Мужские

на ве - чер, а у кня - зя бе -
- ха - жи - ва - ла, ши - ро - ки - ми ру - ка -

- се - да ста - ла на - ве - сель; да кня -
- ва - ми по - раз - ма - хи - ва - ла, да кру -

- ги - ня по се - ню - шкам по - ха - жи - ва - ла,
- ты - ми бед - ра - ми по - во - ра - чи - ва - ла.

1. Кàк у нас ноня солнца стала нà вечер,
А у князя беседа стала нàвесель;
Да княгиня по сенюшкам похаживала,

2. А княгиня по сенюшкам похаживала,
Широкими рукавами поразмахивала,
Да крутыми бедрàми поворачивала [1].

3. Да крутыми бедрàми поворачивала,
Она часто в окошечку поглядывала,—
Да ждала-поджидала дружка миленького,

4. Да ждала-поджидала друга милого,
Ну, того она друга Змея лютого,
Ну-и лютого Змея всё Гориничева,

5. Ну-и, лютого Змея все Гориничева,
Как и трошки-немножко всё помешкамши,
Не буйные ветры сподымалися,

6. Не буйные там ветры сподымалися,
Что синя мòря сколыхалася,
Не сырые дубочки к земле клонятся,

7. Не сырые дубочки к земле клонятся.
Там летит-то собака по-над небезью,
Да повыше лесочка всё стоячего,

8. Вот повыше лесочка всё стоячего,
А пониже вот облака ходячего.
Не одна-то собака, сы товаришшем своим,

9. Не одна летит собака, сы товарищшем,
Ну, и с тем сы товарищшем, добры́м-то конём.
На коне сидит собака, что сенная копна,

10. На коне сидит собака, что сенная копна,
Голова у собаки сы пивной-то котёл,
А глаза у собаки с большу чашишшу,

11. А глаза-то у собаки с большу́ чà́шишшу,
Сы тою́-то ведь чашу соловецкую,
Соловецкую чашу, городецкую,

12. Соловецкую чашу, городецкую.
Прилетает собака кы палатушкам:
Княжелецкие кони перпужалися,

13. Княжелецкие кони перпужалися,
Да порвали поводьицы шелкòвые;
Разогнули колечки золо́чёные [2].

---

[1] Вар. «Да и кру́тыми бедрàми».
[2] Вар. «Позлачёные».

14. Разогнули колечки золочёные,
Поломали столбочки всё дубовые.
Как Алёшин конёчек всё не трохнется,

15. Как Алёшин конёчек всё не трохнется,
Богатырская седельца не ворохнется.
Вот идёт-то собака во палатушки,

16. Вот идёт-то собака во палатушки,
Да во те во палаты белы-каменные:
Он с князьями-боярами не здраствуется,

17. Он с князьями-боярами не здраствуется,
А с княгиней Анельфой здоровляется.
Вот берёт её собака за белы-то руки,

18. Вот берёт её собачишша за рученьки
Да целует в уста её сахòрные.
Во большуя-то места всё усаживается,

19. Во большуя-то места всё усаживается.
Наливает собака сы ведрà-то вина,
Да по целому лебедю за скулы кладёт,

20. Да по целому лебедю за скулы кладёт.
Взговорил речь Алёша Змею лютому:
«Ну и что жа ты, что к нам за невежа пришёл,

21. Ну и что жа ты, что к нам за невежа пришёл?
Вы большуя, собачишша, ты места полез,
Не уважил ты князя сы княгинюшкою,

22. Не уважил ты князя сы княгинюшкою!
Вот пойдём с тобой в поле переведаемся!»
Испужался Змей лютый, да под лавку полез.

Станица Нижне-Курмоярская, 1902, 1904.

24. ДА У КНЯЗЯ БЫЛО, КНЯЗЯ ВОЛОДИМЕРА

Бой Алёши Поповича со Змеем

Умеренно скоро (♩=60)

Запев

Мужские голоса

1. Да у кня-зя бы-ло, кня-зя Во-ло-
2. и чест-на и хваль-на да мно-го-

Все Ай,

-ди-ме-ра, со-би-ра-ла-ся в не-
-ра-дост-на-я. Во пи-ру-то бы си-

-го да пир бе-се-ду-шка, и чест-
-де-ли кня-зья бо-я-ры, о-ни

-на, и хва-льна да мно-го-ра-дост-на-я,
силь-на-и мо-гу-чи-е бо-гò-ты-ри.

1. Да у князя было, князя Володимера,
Собиралася в него да пир-беседушка,
И честна, и хвальна да многорадостная[1].
2. Во пиру-то бы сидели князья-богóтыри.
Они сильные, могучие богòтыри.
3. Да и нету во пиру-то млад-Алёшеньки,
Млад-Алёшеньки, свет-Поповича.
4. Погодя трошки-немножко, на единый на часок,
Как и едет-то Алёша на широкий двор.
5. На коню сидит Алёша, как ясмён сокол.
Сы добра коня Алёшенька он слаживая,
6. Ни за что-то он коня да не привязывая,
Никому-то он его да не приказывая,
7. Как идёт только Алёша вы палатушки,
Да и во те и во палаты белокаменные,
8. Образам-то он нашим богу молится,
Сы князьями-боярами он здравствуется:
9. «Как и здравствуй ты, здравствуй, Володимер князь,
Сы своею молодою сы княгинею!»
10. Как возгòворил-то речи Володимер князь:
«Да вы, слуги мои, слуги, слуги верные!
11. Вы возмите-ка, слуги, шитый-браный ковёр,
Застелите, на, печечку муравчатую,
12. Посадите Алёшеньку на печечку!»
Как и барыня по крылушкам похаживая,
13. Широкими рукавами всё помахивая:
«Ну и чтой-то за пир, за беседушка,
14. Ни честна, ни хвальна, ни многорадостная?
Как и нету во пиру-то моего дружка,
15. Моего-то дружка Змей Тугарыня!»
Погодя трошки-немножко, на единый на часок,
16. Как стучит-то гремит, Змей-собачишша валит.
На коне-то он сидит, что сенная копна,
17. Голова-то у Змея вот с пивной казан,
А глаза-то у Змея — чара винная.
18. Как и едя Змей-собака на широкий двор.
Как и все-то бы кони попужалися,
19. Поторвали чунбурики шелковенькие
Как Алёшин-то конёчек не пужается,
20. Не порвал он чунбурика шелковенького,
Права ухо приложил, левой путь показал.
21. Вот и тут-то Змей-собака стал догадываться:
«Как и есть-то во пиру мене спорничек,
22. В пиру спорничек, всё насмешничек!»
Как идёт-то Змей-собачишша в палатушки,
23. Да во те ли во палаты белыкаменные:
Образам-то он нашим, Змей, не молится,
24. Сы князьями, боярами не здраствуется.
Да садится Змей-собака на большое место,
25. На большое на место, кы святым образам,
Да сажая княгиню во коленушки свои.
26. Как возговорит-то речи княгинюшка:
«Вот и тут-то и пир, и беседушка!»

---

[1] Последний стих трёхстишия повторяется в начале следующей строфы. (Прим. ред.).

27. Понесли-то на стол и гусей-лебедей,
И гусей-лебедей, серых утушек.
28. Как гусей-лебедей Змей глотком поглотал.
Серых утушек, собака, он и рушил-шил[1].
29. Отозвался тут Алёшенька на печушке:
«Как у нашего у батюшки собачишша была,
30. Она часто во палатушки ускàкивала,
Пироги из-за стола она выхватывала!»
31. Как и тут-то Змей-собака стал догадываться:
«Как была-то бы мне прежня волюшка,
32. Я сорвал бы, посорвал верх с палатушек,
А князей-то бояр я усех перебил,
33. Молодую-то княгиню за себе бы узял!»
Как возгòворит тут речь млад Алёшенька:
34. «Мы поедем-ка с тобою во чистò поле,
Да испробуем мы силы богатырские!»
35. Они бились, рубились день до вечера,
А сы вечера рубились до полуночи,
36. Сы полуночи рубились до белòй до зари.
Вот и едя Алёша на змеиновым коню,
37. В тороках-то везёт Змей-Горынича.
Как и барыня по сенюшкам похаживала,
38. Широкúми рукавами поразмахивала,
Молодому она князю всё рассказывала:
39. «Да ты выйди, посмотри на военных на людей:
Как и едя Змей-Горынич на Алёшином коню,
40. Да Алёшеньку везёт во торòчечках!»
«Да и врёшь жа ты, княгиня, облыгаесси,
41. Не быльными словесами занимаесси!
Как и Змей-Горынич он убитый давно,
42. Как Алёша-то едя на змеиновым коню,
А и Змея-то везёт он убитого!»
43. Как возговорит тут речи Володимер князь:
«Ой, вы слуги мои, слуги, слуги верные!
44. Вы берите-ка лопатушки железные,
Да вы сделайте рèлюшки[2] высокие,
45. Да повесьте княгиню на шелкòвый шнур,
На шелкòвый шнур сы Змей-Горыничем.
46. Да пущай-ка княгиня покачивается,
Сы милым она дружком обнимается!»

Станица Усть-Быстрянская, 1902, 1904.

---

[1] «Рушил-шил» — истреблял, пожирал.
[2] «Рели» — качели, виселица.

25. КАК У СЛАВНОГО У КНЯЗЯ ВОЛОДИМЕРА

Василий Тугарынь на пиру у князя Владимира

Умеренно скоро ♩=126

Запев 2-й и последующие [1]

[Запев 1-й] *Все*

Женские

Голоса

Мужские

1. Как у
2. Ай, ну, по чест - на - - я (да), что чест-

[Все]

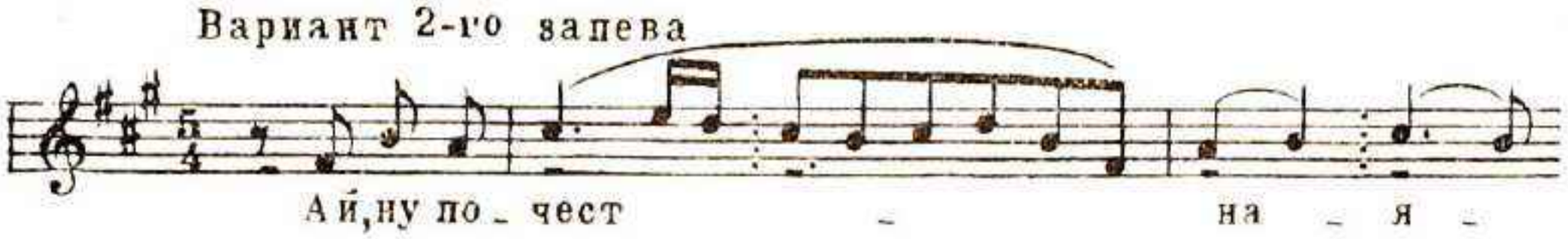
сла - вно - го у кня - зя Во - ло -
- на, хваль - на бе - се - да, мно - го -

- ди - ме - ра со - би -
- ра - дост - на - я. Во - бе -

- ра - ла - ся бе - се - ду - шка по -
- се - ду - шке си - де - ли лю - ди

1) Женский или мужской голос

Вариант 2-го запева



1. Как у славного у князя Володимера
   Собиралася беседушка почестная.
2. Ай, ну, почестная (да),
   Что честна, хвальна беседа, многорадостная.
   Во беседушке сидели люди добрые,
3. Ай, люди добрые (да).
   Люди добрые сидели, князья-бóяры,
   Право, сильные, могучие богóтыри,
4. Ай, ну богóтыри.
   Они пьют, едят, князья да проклаждаются,
   Промежду собой всё-то похваляются,
5. Ай, похваляются (да).
   Похваляются князья-то своим княжеством,
   Ай, купцы они хвалились золотой казной,
6. Ай, золотой казной (да).
   Золотой казной хвалились всё несметною.
   Как на[1] все-то они гостюшки все званые,
7. Ай, ну, все званые,
   Ну, один из них Василий, гость не зван пришёл,
   Ну, не зван пришёл Тугарынь, гость не прошеный.
8. Ай, гость не прошеный (да).
   Как стречали-то гостёчка серяди двора,
   Да вели его, Василья, вы большоя место,
9. Ай, вы большоя место (да),
   Вы большоя место, Василья, в место княжецкая.
   Подают ему-то пойлица не питая,
10. Ай, вот не питая (да),
    Во серебряную чарочку налитая,
    Ну, во тую чарочку во полтора пуда,
11. Ай, в полтора пуда,
    Ну, несут ему, Василью, всё курей, гусей,
    Ну, ещё несут ему лебедя нерушóного.

Станица Нижне-Курмоярская, 1904

[1] «Как на все» — как и все.

26 АЙ, В ВАВИЛОНЕ БЫЛО

Змей Тугаринов

Медленно ♩= 69

Запев

Мужские голоса

1. Ай, в Ва - ви - ло - не бы -
2. Ай, да там жи - ли -

Все

-ло, в Ва - ви - ло - не, славном
то, про - жи - ва - ли лю - ди
го - ро - де,
воль - на - и,
ай, да там жи - ли - то про - жи - ва -
ай, лю - ди воль - на - и, ста - ри - ки - дру -

1 Подголосок без слов, на гласные под длинными лигами.

1. Ай, в Вавилоне было, в Вавилоне-то
   Славном городе,
2. Ай, да там жили-то, проживали
   Люди вольные [1].
3. Ай, люди вольные, старики-други [2] —
   Вавилоньщички.
4. Ай, ну, не знали они да ни середу,
   Да ни пятницу,
5. Ай да, ни пятницу, ну не знали они,
   Ни воскресный день.
6. Ай, налетал на них, вольных людей,
   Вот и Змей-то лютой,
7. Ай, ну и Змей лютой, налетал на них —
   Змей Тугаринов.
8. Ай да, накинул своим страшным хоботом
   Вавилон город.
9. Ай, ну жирала свою он расставил Змей
   Супротив ворот.
10. Ай, он пожрал-поел вот и лютый Змей
    Всех курей, гусей,
11. Ай, всех курей, гусей пожрал лютый Змей
    Весь рогатый скот.
12. Ай, добирался он, право, лютый Змей
    До больших голов,
13. А-и ну, жирала свою да направил Змей
    На бояр-князей.

Станица Нагавская, 1902, 1904.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется
[2] Вар. «А-и люди вольные да раскочные» (роскошные).

27. ОЙ, ИЗ-ЗА ГОР-ТО БЫЛО

Богатырь Дюк Степанович

Умеренно ♩= 104

Запев — Все

Мужские голоса

1. Ой, из-за гор - то бы - ло, из - за кру - тых гор,
2. Ой, из про_ва - льи - ца бы - ло из глу - бо - ко - го,

ой да из - за ле - су.
ой да из у - ще - лья

вот ле_су тём_но - го,
вот из ши_ро_ко - го,

ой, из про_ва_льи - ца бы - ло, ой, из глу - бо_
ой, не я_смён_то бы со - кол, ой, с гор вы - ле_

1 Mi♮ чуть понижено.

2) Mi♭ чуть повышено.

1. Ой, из-за гор-то было, из-за крутых гор,
Ой да из-за лесу, вот лесу тёмного,
Ой, из провальица было из глубокого,
Ой да, из ущелья вот из широкого.

2. Ой, из провальица было из глубокого,
Ой да из ущелья вот из широкого,
Ой, не ясмён-то бы сокол с гор вылётывал,
Не белой-то кречет вот перепорхивал,

3. Ой не ясмён-то бы сокол с гор вылетывал
Не белой жа кречет вот перепорхивал,
Ох, из того-то бы села Карачаева
Богатырь выезживал Дюк Степанович.

4. Ох, из того ли села Карачаева
Богатырь выезживал, вот Дюк Степанович,
Ой, ну под ним-то добрый конь, ровно лютый змей,
Ровно лютый змей, ох, ровно дикий зверь.

5. Ой, ну под ним-то добрый конь, ровно лютый змей,
Ровно лютый змей, ох, ровно дикий зверь,
Ох, ну и бур жа да космат конёк бурушка,
Грива бахматом, вот шея колесом.

---

[3]) Подголосок высокого тенора большей частью идет без слов.

6. Ох, ну и бур жа конь космат, конёк бурушка,
Грива бàхматом, вот шея кòлесом.
Ой, на добру-то бы младцу справа ясная,—
Вот панцырь стальной как заря сяет [1].

7. Ой, на добру-то бы младцу справа ясная,
А панцырь стальной, вот как заря сяет;
Ох, на боку-то бы колчан, а в нём тридцать стрел,
А в нём тридцать стрел, ох ещё три стрелы.

8. Ой, на боку-то бы колчан, а в нём тридцать стрел,
Ох, а в нём тридцать стрел, ох, ещё три стрелы.
Ой, как и всем-то бы стрелàм цена сказана,
Цена сказана, ой, да указана.

9. Ой, как и всем-то бы стрелàм цена сказана,
Цена сказана, ой, да указана,
Ох, ну и трём-то бы стрелàм цены не было,
И не сказано, вот не указано.

10. Ох, ну трём-то, стрелàм цены не было,
И не сказано, ой, не указано,
Ой, да набиты стрелочки мелким земчугом,
Мелким земчугом, ох, чистым золотом.

11. Ой, да набиты стрелочки мелким земчугом,
Мелким земчугом, ой, чистым золотом.
Ох, как по дням стрелы стрелять, по ночам собирать:
Где стрела лежит, ох, там свеча горит.

Станица Кумшацкая, 1905.

---

[1] «Сяет» — сияет.

28. АЙ, ЗАРОДИЛАСЬ НА МНОГАЯ МНОЖЕСТВО

Дюк Степанович и красная девочка

Довольно медленно ♩= 76

[Запев 1-й] [Все]

Женские голоса

1. Ай, за - ро - ди - лась на мно - га - я мно - же - ство бы - ло в ле - се
2.-ку, кра - сна - и де - во - чки, о - ни в лес по

я - - год - ки; со - би -
си - - льна - ю. Что и

- ра - лись три кра - сна - и де - во - чки
две - то ведь кра - сна - и де - во - чки

1. Ай, зародилась на[1] многая множество,
Было в лесе ягодки;
Собирались три красные девочки
Они в лес по ягодку;

2. Они в лес по ягодку,
В лес по ягодку, красные девочки,
Они в лес по сильную.
Что и две-то ведь красные девочки
Ягодки нарвалися;

3. Ягодки нарвалися,
Да сы тёмного-то было лесушки
Девки убиралися.
Но, одна-то ведь красная девочка,
Она не нарвалася,

4. Она не нарвалася,
Да во тёмном, будто, во лесочику
Девка оставалася.
Наезжали на красную девочку
Они три татариня,

[1] «На многая» — «вот многая»

5. Они три татариня,
Как и три-то вот эти татариня
Да три басурманиня.
Ну, как первый говорил татаринь:
«Я её с ружья убью

6. Я её с ружья убью!»
А другой-то говорил татаринь:
«Я её конём стопчу!»
А как третий говорил татаринь:
«Я её живьём девку возьму,

7. Я её живьем возьму!»
Из-за лесу было, лесу тёмного
Соколик вылётывал,
Из-за гор-то было, из-за кру́тых гор
Богатырь выезживал,

8. Богатырь выезживал.
Что могучий богатырь выезживал —
Сильный Дюк Степанович.
Как и первого было татариня
Он его с ружья убил,

9. Он его с ружья убил,
А другого-то было татариня
Он его копьём сколол,
А и третьего было татариня
Он его конём своим стоптал,

10. Он его конём стоптал.
«Ну, садись жа ты, красная девочка,
Садись на добра̀ коня!
Как поедем мы, красная девочка,
С тобой в зелены́ луга,

11. С тобой в зелены луга:
Да и будем мы, красная девочка,
Будем с тобой ночечку делить!»
Как и тут-то вот красная девочка
Вот слёзно восплакалася,

12. Вот слёзно восплакалася,
Восплакалась вот красная девочка
Она возрыдалася:
«Что и ты-то, удал добрый молодец,
Хуже трёх татаринев,

13. Хуже трёх татаринев,
Уж ты хуже, младец, тех татаринев,
Тех трёх басурманинев!»
«Ну, скажи-ка ты, красная девочка,
Чья ты родом племенем,

14. Чья ты родом племенем?»
«А и я-то, удал добрый молодец,
Роду я не прòстого,—
Я не простого, красная девочка,—
Роду княжелецкого,

15. Роду княжелецкого:
Породила нас родная мамушка
Девятирёх братцев всех,
А мене-то, вот красную девочку
Дочерю десятую,

16. Дочерю десятую;
Как четыре-то братца родимых
Лежат во сырой земле,
А четыре — они во темных лесах,
Во лесах разбойнички,

17. Во лесах разбойнички.
А девятый-то родимый братец мой
В поле богатырь большой,
Да, на, сильный богатырь могущий,
Сильный Дюк Степанович,

18. Сильный Дюк Степанович!»
Как возрадовался Дюк Степанович
В своем ретивом сердце:
«Да и ты жа, моя сестра родная,
Ты-ж, моя родимая!

19. Ты-ж моя родимая,
Да садися, сястрица родимая,
На мово добра коня,—
Да поедем, сястрица родимая,
К нашей родной мамушке!»

Станица Богаевская, 1903, 1921.

29. ОЙ ДА, КАК У НАС-ТО БЫЛО

Дюк Степанович и три разбойничка

Умеренно скоро ♩= 126

Запев.

Женские голоса

1. Ой да, как у нас - то
2. При боль - шом кур - ган - чи

Мужские

Два голоса *Все.*

да бы - ло на Ти - хом -то До - ну,
-ку бы - ло, там спо - чив -то и - мел

сте - пе
ой да, на ди - кой - то сте - пе,
у - дал до - брай мо - ло - дец,

при чер - ном боль-шом кур - ган -
бо - га - тырь наш Дюк Сте - па -

1. Ой-да, как у нас-то да было
На Тихом-то Дону,
Ой-да, на дикòй-то степе
При чернòм большом курганчику,
2. При большом курганчику было
Там спочив-то имел
Удал добрый молодец —
Богатырь наш Дюк Степанович,
3. Вот-бы, Дюк Степанович, было
Разудаленький,
Удал добрый молодец,
Спочив имел день до вечеру,
4. Спочив день до вечеру, да было,
Как в осенненькую,
Вот темную ночушку,—
До самой-то до белòй зари,
5. До самой белòй-то зари, да было, —
Наезжали на него,
Раздоброго молодца,
Наезжали три охотничка,
6. Ой-да, три охотничка,
Три охотничка,
Вот-бы, три разбойничка,
Три горских было татариня,
7. Три горских татариня.
Они думали
Вот крепкую думушку,
Думу себе за единую,
8. Думу за единую;
Передумамши
Вот крепкую думушку,
Они только слово молали,
9. Они слово молали:
Как на первый говорил,
Вот с этих, охотничек:
«Я его, братцы, копьём сколю,
10. Я его коньём-то сколю!»
На другой-то говорит,
Что с этих, разбойничек:
«Я его, братцы, конём стопчу,
11. Я его конём-то стопчу!»
Вот на третий говорит,
Что с этих, охотничек:
«Я его, братцы, живьём возьму,
12. Я его живьём-то возьму!»
Вот лежит-то лежит,
Лежит Дюк Степанович,
Лежит младец прислухается,
13. Лежит прислухается
Ото сну-то бы он,
Удал добрый молодец,
Ото сну он пробуждается,
14. Младец пробуждается;
За шелковый чунбур
Вот наш Дюк Степанович,
За чунбурик он хватается,
15. За чунбур хватается,
Вот он нà конь-то сел,
Он наш богатырь лихой,
Нà конь сел он, как соколòл взлетел,
16. Нà конь, как соколòл, взлетел:
Он и перьвого,
Что из тех охотничков,
Пèрьвого, братцы, копьём сколол,
17. Перьвого копьём сколол,
А другого-то,
Вот из тех разбойничков,
Другого, братцы, конём стоптал,
18. Другого конём стоптал,
Ну и третьего,
Вот-бы с тех татаринев,
Третьего его живьём в плен взял.

Станица Разинская, быв. Есауловская, 1905.

30. ОЙ ДА, НУ, ЛЕТАЛ-ТО БЫ, ЛЕТАЛ СИЗОЙ ОРЁЛ

За Ивана Гардиновича едут свататься

Медленно ♩ = 72

Запев.

Женские голоса

1. Ой да, ну, ле - тал - то, вот бы всё ле -
2. Ой да, по - бе - ле - ла толь - ко у вор -

Мужские

Все

- тал, ей, да си - - зой - то да о -
- ла, ей, да го - ло - ву - - -

- рёл, ле - тал по кру -
шка, о - на, ро - вно

ты... ле - тал по кру - тым да го - рам,
бе... о - на ро - вно бе - лай снег,

ей, да ле - та - ю - чи да о -
ей, про - би - ва - ла будто у во -

- рёл, ей, да си - зой - то вот о -
- рла, ей, да се - ди - ну - - -

- рёл, о - рёл сам сы -
- шка, о - на меж - ду

ста... сам да сы - ста - рил - ся.
си... о - на меж - ду си - зых крыл.

1. Ой-да, ну, летал-то, вот бы, всё летал,
Ей, да сизой-то да орёл,
Летал по круты... летал по крутым да горам,
Ей, да, летаючи, да орёл,
Ей, да сизой-то вот орёл,
Орёл сам сыста... сам да сыстарился.

2. Ой-да, побелела только у в орла,
Ей, да головушка,
Она, ровно бе... она, ровно белый снег;
Ей, пробивала будто у в орла,
Ей, да сединушка,
Она между си... она между сизых крыл;
3. Ой-да, потускнели будто у в орла,
Ей да сизого орла,
Они быстры гла... быстрые глазушки;
Ей, притупели толичка в него,
Ей, да сизого орла,
Они востры ко... вострые коготки;
4. Ой-да, примахалися будто у в орла,
Ей, да сизого орла,
Они резвы кры... резвые крылушки.
Ей, нападали будто на орла,
Ей, на сизого-то орла
Вот черные во... черные вóронья,—
5. Ой-да, ну и стали они бить, клевать,
Ей, да сизого-то орла,
Его вы маку... его вы макушечку,—
Ей, проклевали будто да ему,
Ей, да сизому-то орлу,
Буйную голо... буйную головушку:
6. «Ой-да, как была-то бы только у мене,
Ей, да в сизого-то да в орла,
Вот прежняя си... прежняя силушка,—
Ей, ну, разбил-бы, вот и размотал,
Ей, да сизой-то орёл,
Стада ворониц... стада ворониная!»
7. Ой-да, как у нас-то вот бы, да было,
Ей, на святой-то Руси,
Было ну во вре... времяя стародавнее,
Ей, да во славном толичка было,
Ей, да во городе
Во стольном во Ки... во стольном во Киеве,
8. Ой-да, как у ласкова да было,
Ей, да-й у князюшки
Было Володи... вот-и, Володимера,
Ей, собиралась будто у него,
Ей, пир-беседушка
Хвальна, многора... она многорадостная.
9. Ой-да, во пиру-то вот бы всё сидят,
Ей, во беседушке
Сидят князья-бо... вот и князья-бóяры,—
Ей, они пьют-то, толичка едят,
Ей, князья-бояры,
Они прохлажда... они прохлаждаются
10. Ой-да, промежду́-то, вот и ну, себе,
Ей, князья-бояры,
Они разгово... они разговор ведут,
Ей, разговор-то будто ведут,
Ей, князья-бóяры,
Сами похваля... сами похваляются

11. Ой-да, как и первый, первый-то гость,
Ей, да он хвалится,
Ведь он похваля... похваляется:
«Ей, у мене-то есть, у князюшки,
Ей, молодая жена,
Сы малыми де... с малыми деточками!»
12. Ой-да, как другой-то толичка гость,
Ей, да он хвалится,
Ведь он похваля... похваляется:
«Ей, у мене-то есть, у гостюшки,
Ей, дочь хорошая,
Она дочка у... дочка умница,—
13. Ой-да, она вмеет толичка в мене,
Ей, дочь разумница,
Вмеет во стола, она во стола стоять,
Ей, во стола-то толичка стоять,
Ей, дочь хорошая
Вмеет гостей по... гостей поштовать!» [1]
14. Ой-да, ну и сам-то, толичка сам,
Ей, Володимер князь,
Ведь он похваля... похваляется:
«Ей, у мене-то есть, у мене,
Ей, да у князюшки,
В мене три кора... три да кораблика:
15. Ой-да, как и первый толичка корабь,
Ей, да у князюшки
Ведь он с златом со... златом серебром,
Ей, а другой-то будто корабь,
Ей, да у князюшки
Будто с частым зе... с частым зенчугом [2];
16. Ой-да, ну а в третий толичка корабь,
Ей, изукрашеный,
Да мы в него са... сами посядем,
Ей, да и сядем-посядем в него,
Ей, да все гостюшки,
Сядем прогуля... вот-и прогуляемся,—
17. Ой-да, мы поедем да посватаем,
Ей, за Иванушку
Да сына Гарди... вот-и, за Гардиновича,
Ей, да невесту толичка ему,
Вот Иванушке,
Возьмём во Царе... возьмём во Царе-граде.

Станица Екатерининская, 1899—1902, 1904—1905.

---

[1] «Пошштовать» — потчевать, угощать.
[2] «Зенчугом» — жемчугом..

31. ДА ВО СЛАВНОМ БЫ̀ЛО ДА ВО ГОРОДЕ

Богатырь Иван Гардинович едет свататься

Не очень медленно ♩ = 80

Запев

Все

Мужские голоса

1. Да во слав - ном бы̀ - ло,
2. Да во столь - ном бы̀ - ло,

ей, ой,

ей, да во го - ро - де, да во
ей, да во Ки - е - ве, да у
ей,

столь - - ном - то да во
слав - - но - - го да у

Ки - - - - е - - ве.
кня - - - - зюш - ки.

Да во славном было да во городе,
Да у славного да у князюшки,
Да во стольном-то да во Киеве[1],
Да у ласкова Володимера,
Собиралася пир-беседушка,
Пир-беседушка всё почѐстная,
Да честна, хвальна, многорадостная.
Во пиру сидят князья-бо́яры,
Во большом месте Володимер князь.
По конец стола стоит стулица,
Стула новая, распушшоная;
Да на стуличке сидит Ванюшка,
Сидит Ванюшка, сын Гардинович.
Речь возго́ворил Володимер князь:
«Да ты, Ванюшка, ты, Ванюшечка!
Да чего жа ты да не женисси,
На кого, Ваня, ты надеисси?»
«Я надеюся да на дядюшку,
На родимого Илью Муровца!»
Ой, не стук стучит, да не гром грямит, —
Как то Ванюшка с поездо́м едя,
Да сы храбрыми сы боярами:
Да дружком-то был Илья Муровец,
Как и свашкой была Василисушка,
Да полудружьем — всё Добрынюшка,
Как и дядюшка Дюк Степанович.
Они день едут и другой едут,
Как на третий день становилися,
Становилися в зеляных лугах,
В зеляных-то лугах вы заказаных;
Пораскинули шатры белые,
Шатры белые полотняные.
Как сы терема сы высокого
Увидала их красна девица,
Красна девочка Настасѐюшка, —
Как белым бела, в поясу тонка.
Речь возго́ворит свому батюшки:
«Государь жа мой, родной батюшка!
Посмотри-ка-ся в зеляны луга,
В зелены луга во заказаны,—
Да и что это, что за шетрики,
Что за шетрики, что за белые?
Не за мной-то ли всё приехали,
Красной девушкой, Настасеюшкой?»

Станица Усть-Быстрянская, хутор Кременской, 1902—1904.

[1] Судя по тексту под напевом, каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется. ((Прим. ред.)

32. ОЙ, КАК У КНЯЗЯ БЫЛО У БОГАТОГО

Богатырь Иван Гардинович едет свататься

Медленно ♩ = 76

Запев

Женские голоса

Мужские

1. Ой, как у кня - - зя бы ло,
2. Ой, со би - ра - - ла - - ся

2 голоса

Все

бы - ло у бо - га - - то - го, ай да, со - би -
пи - р(ы) да бе - се - - ду - шка, о - на всё чест -

- ра - - - - ла - - - ся
- на да хваль - на,

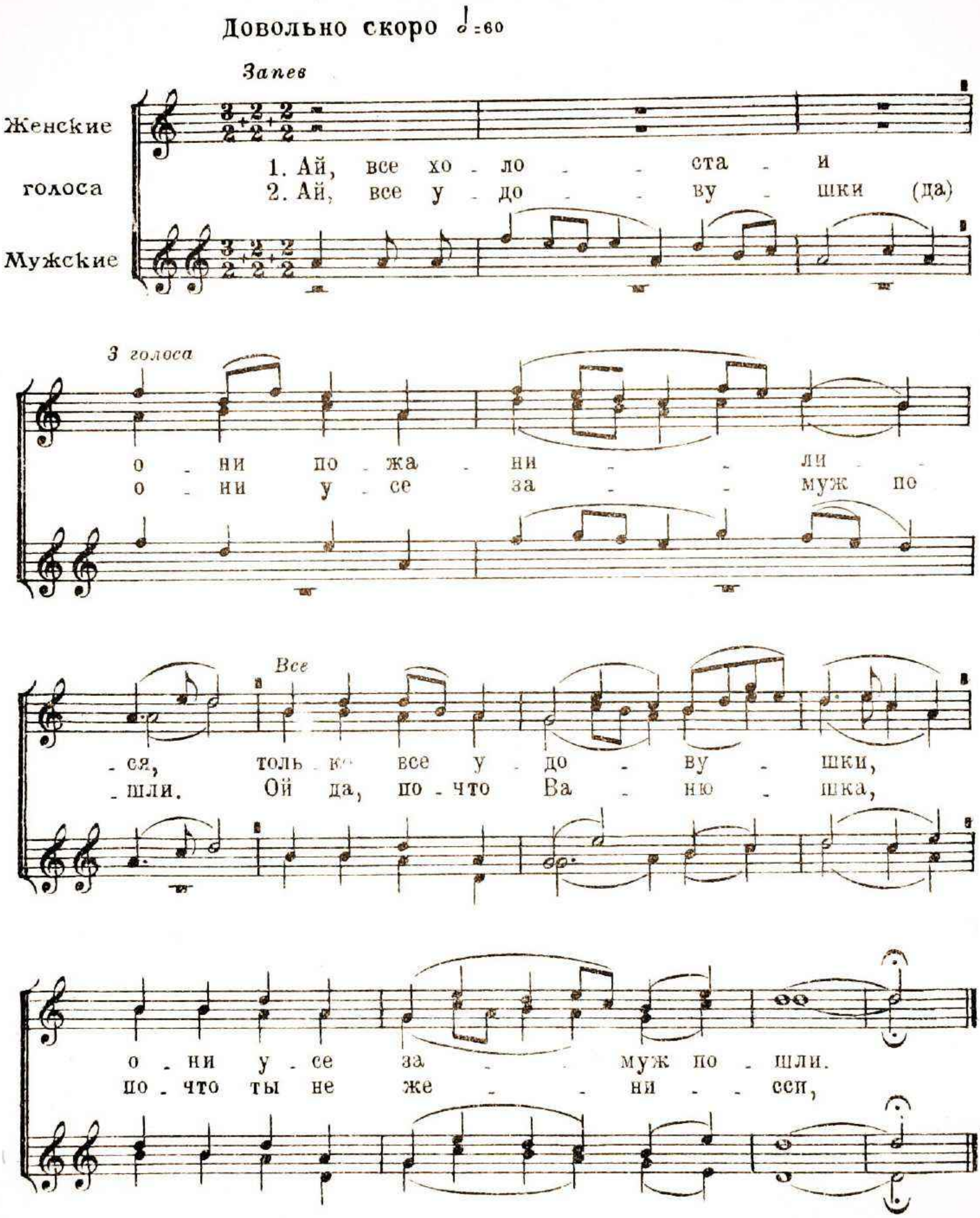
пир да бе - се - - ду - шка.
о - на мно - го - ра - - дост - на - я.

1. Ой, как у князя былò, бы́ло у богатого,
Ай-да, собирался пир да беседушка,
2. Ой, собиралася пир да беседушка,
Она всё честна-то хвальнà, она многорадостная,
3. Ой, всё честна-то хвальна, она многорадостная:
Ой-да, за столами сидят за убраными,
4. Ой-за столами сидят за убрàными,
Ой-да, ну за скатертями, за шелковыми,
5. Ой, ну, за скатертями, за шелковыми.
Ой-да, как и все-то князья, они пьют-то едят,
6. Ой, как и все-то князья, да, они пьют-то едят,
Ой да, как один-то, один думушку думает,
7. Ой, как один-то, один думушку думает:
«Ой да, ну, и кто бы мне да услужил службу,
8. Ой, ну и кто-бы мне услужил службу,
Ой да, услужил службу, да, удружил дружбу,
9. Ой, услужил службу, удружил дружбу, —
Ой-да, нагрузил бы мне-да три да кораблика,
10. Ой, нагрузил бы мне три кораблика:
Ой-да, ну и первый корабь-да златом, сèребром,
11. Ой, ну и первый корабь златом, серебром,
Ой-да, ну второй-то корабь да мелким земчугом,
12. Ой, ну, второй-то корабь мелким земчугом,
Ой-да, как на третий-то да сами все сядем,
13. Ой, как на третий-то сами все сядем,
Ох-и, мы поедем-то, да и прогуляемся,
14. Ох, мы поедем-то, да прогуляемся,
Ой-да, прогуляемся, да посватаемся,
15. Ой, прогуляемся, да посватаемся,
Ой-да, ну, за нашего да за Иванушку,
16. Ой, ну, за нашего за Иванушку,
Ой-да, за Иванушку да за Гардиновича,
17. Ой, за Иванушку за Гардиновича,
Ой-да, как невеста ему краса Настюшка,
18. Ой, как невеста ему да краса Настюшка,
Ой-да, краса Настюшка свет Васильевна,
19. Ой, краса Настюшка да-й Васильевна,
Ой-да, как и дядюшка да Дюк Степанòвич,
20. Ой, как и дядюшка Дюк Степанович,
Ой-да, ну и свашенька да она Василисушка,
21. Ой, ну-и свашенька Василисушка,
Ой-да, Василисушка Перекрасовна!»

Станица Кобылянская, ныне Суворовская, 1905.

33. АЙ, ВСЕ ХОЛО́СТЫЕ ПОЖЕНИЛИСЯ

Сватовство Ивана Гардиновича



1. Ай, все холо́стые
Они пожанилися,
Только все удовушки
Они усе замуж пошли,

2. Ай, все удовушки да,
Они усе замуж пошли.
«Ой-да, почто Ванюшка,
Почто ты не женисси,

3. Ой, почто Ванюшка да,
Почто ты не женисси,
Ой-да, сын Гардинович,
Почто холостой ходишь,

4. Ой сын Гардинович-да,
Почто холостой ходишь?»
«Ой-да, я б жениться-то рад,
А и только негде взять,

5. Ай, я б жениться-то рад,
Вот и только негде взять!
Ой-да, иде хочется,
Там и не дают за мене,

6. Ай, иде хочется,
Там и не дают за мене,
Ой-да, где не хочется,
Там-то хоть две-три возьми,

7. Ой, где не хочется,
Там-то хоть и две-три возьми!»
«Ой-да, скажи, Ванюшка,
Тебе показалася где,

8. Ой, скажи, Ванюшка,
Где жа показалась тебе,
Ой-да вы каком городе
Будто полюбилася,

9. Ой, вы каком жа городе
Тебе полюбилася?»
«Ой-да показалася мне
В городе Чарнигове,

10. Ой, показалася мне
В городе Чарнигове
Ой-да, душа Настюшка,
Настасья Васильевна,

11. Ой, душа Настюшка,
Настасья Васильевна!
Ой-да, слыхал, дяденька,
Будто бы просватаная,

12. Ой, слыхал, дяденька,
Будто всё просватаная,
Ой-да, за того-то купца
Али за богатого,

13. Ой, за того ли купца,
За купца богатого,
Ой, за того-то князя,
За князя неверного,

14. Ой, за того жа князя
Али за неверного!»
«Ой да, мы поедем, Ванюшка,
Вот и пересватаем,

15. Ай, мы поедем, Ванюшка,
Вот и пересватаем!
Ой да за дружка-то возьмём
Чтой Дюка Степановича,

16. Ой, за дружка себе возьмём
Чтой Дюка Степановича.
Ой да, мы у свашки возьмём
Вольгу Тимофеевну,

17. Ой да, мы свашеньку возьмём
Вольгу Тимофеевну.
Ой да, вы повознички
Вот и будто сам сяду,

18. Ой, вы повознички
Галичка я сам сяду!»
Вот они поехали,
Вот и ну, приехали,

19. Ой, ну, поехали.
Вот и ну, приехали.
Ой да, в зеленых лугах
Они становилися,

20. Ой, в зеленых-то лугах
Они становилися.
Ой да, разбивали себе
Белые палатушки,

21. Ой, разбивали себе
Белые палатушки,
Белые палатушки,
То-то полотняные,

22. Ой, ну, палатушки,
То-то полотняные.
Ой, да, лучло́ся[1] Настюшке
Выйтить на крылечика,

---

[1] Лучилдся — случилось, довелось.

23. Ой, лучилóся Настюшке
Выйтить на крылечика,
Ой да лучилóся глянути
Во те зелены́е луга,

24. Ой, лучилóся глянути
Во те зелены́е луга.
«Ой да, ну и кто-то у нас
Стоит в зелены́х-то лугах,

25. Ой, ну и кто-то у нас
Да стал в зелены́х-то лугах,
Ой да, в зеленых-то лугах,
Во лугах заказаных,

26. Ой, в зелены́х-то лугах,
Во лугах заказаных?»
Ой да, что не стук-то стучит,
Али вот не гром гремит,

27. Ой, что не стук-то стучит,
Али вот не гром-то гремит.
Ой, да ежли б гром-то гремел,
Тогда молонья́-то бы жгла,

28. Ой, ежли б гром-то гремел,
Тогда б молонья́-то бы жгла:
Ой да, верно едет Ва̀нюшка,
Он сы храбрым поездом!

Станица Мариинская. хутор Большой, 1902, 1911.

34. ОЙ, ДА ВО СЛАВНОМ БЫЛО ГОРОДЕ ВО КИЕВЕ

Спор Ивана Гардиновича с князем Владимиром

1 Fa повышено почти до fa ♯.

1. Ой, да во славном было городе во Киеве,
Да во славного бы князя Володимера [1],
Собиралася в него да пир-беседушка,
Да честна-то бы, хвальна да многорадостная.
5. Во беседушке сидят да князья-бо̀яры;
Они пьют-то, едят да прохлаждаются,
Промежду-то бы собою похваляются:
Как богатый-то хвалится богатством своим,
А и убогий-то хвалится божью милостью.
10. Как и князь похвалился добрыми лошадьми:
«Как и есть-то в мене полтораста мереньёв,
Полтораста мереньёв, девяносто жеребцов!
Ну и кто бы-то со мною позаспоровал скакать,
Не об сто-то рублей, не об тысячу,—
15. Об своих-то об буйных об головушках?»
Как и все-то князья-бо̀яры молчали от него,
Как один-то обозвался всё Иванушка,
Всё Иванушка да сын Гардинович:
«Как и я-то с тобой, князь, позаспорию скакать,
20. Не об сто-то рублей, не об тысячу,—
Об своих-то об буйных об головушках!»
Растанавливает князь своих добрых лошадей
Всё на кажней версте да на по̀лверсте.
Вот выводит-то Ванюша свово доброго коня,
25. Свово доброго коня, коня бурушку:
Ванин конь заиграл,— на нём шубу разорвал.
Как усе-то бы князья тут сдивовалися,
Во глаза-то бы Ванюше засмеялися:
«Уж ты, Ва̀нюшка, Ванюша, сын Гардинович,
30. Твой-то коник заиграл, на тебе шубу порвал!»
«Да вы глупы, неразумны, князья-бо̀яры!
Я поболе поживу,— себе шубу наживу,
А такого-то конёчка мне во веки не нажить!»
Как садился Ванюша на добра̀ свово коня,
35. На добра̀ свово коня, коня-бурушку.
Догоняет-то он князя на девятой на версте.
Да хоти́т-то бы князю, князю голову рубить.
Как Ванюшин-то конёчек речь возго̀ворил:
«Ты хозяин, хозяин, ты мой ласковый!
40. Не руби же ты князю буйну голову.
Ты сойдися бы с князем доброй волею,
Забери же ты у князя всё житьё его бытьё,
43. Всё житьё его бытьё, всю именьица!»

Станица Усть-Быстрянская, хутор Кременской, 1902, 1904 г.

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется для запева, причем каждый запев начинается с наигрыша «Е-ой».

35. ДА ВО СЛАВНОМ БЫЛО ДА ВО ГОРОДЕ ВО КИЕВЕ

Старой старик похвалялся Василисой Перекрасовной

Довольно скоро ♩ = 66

Запев

Женские голоса

Мужские

1. Да во сла - вном бы - ло да во
2. У то - го - то бы - ло да у

2 голоса

го - ро - де, сла - вном Ке - - и -
кня - зю - - шки Во - ло - ди - - ме -

Все

- ву, ой, да у то - - го - то бы - ло да у
- ра, ой, да со - би - - ра - ла - ся там пир - бе -

кня - зю - шки бы - ло Во - ло -
- се - ду - шка, о - на все по -

1. Да во славном было да во городе,
Славном Кеиву,
Ой да, у того-то было да у князюшки
Было Володимера,

2. У того-то было да у князюшки
Володимера,
Ой да, собиралася там пир-беседушка,
Она всё почестная.

3. Собиралася там пир-беседушка.
Всё почестная,
Ой да, всё честна-то, хвальна пир-беседушка.
Она многорадостная,

4. Всё честна-то хвальна пир-беседушка,
Многорадостная.
Ой да, они пьют-то, едят, князья-бо́яры,
Они прохлаждаются,

5. Они пьют-то, едят, князья-бо́яры
Прохлаждаются,
Ой да, промежду́-то собой князья бо́яры
Они выхваляются,

6. Промежду́-то собой князья-бо́яры
Выхваляются:
Ой да, как один-то из них похваляется
Своим княжелѐчецтвом,

7. Как один-то из них похваляется
Княжелечецтвом,
Ой да, как другой из них похваляется
Своей золотой казной,

8. Как и другой из них похваляется
Золотой казной,
Ой да, ну Старо́й-то Старик похваляется
Своей молодой жаной,

9. Как Старòй-то Старик похваляется
Молодой жаной:
«Ой да, вот и есть у мене, у старинушки,
Она молодая жана,

10. Вот и есть у мене, у старинушки,
Молодая жана,
Ой да, молодая жана у старинушки
Была Василисушка,

11. Молодая жана у старинушки
Василисушка,
Ой да, по отечецтву Василисушка
Она Перекрасовна,—

12. По отечецству Василисушка
Перекрасовна.
Ой да, она голосом кричит Василисушка,
Она на пятнадцать вёрст,

13. Она голосом кричит Василисушка
На пятнадцать вёрст,
Ой да, она свистом свистит Перекрасовна,
Она ровно нà двадцать!»

Станица Голубинская, 1903.

36. АЙ, ДА ВО СЛАВНОМ-ТО БЫЛО ВО ЦАРЕ-ГРАДЕ

Сватовство Долгорукова Васильюшки за Софеюшку Премудрую

Не очень медленно ♩ = 96

Запевает мужской или женский голос

Женские голоса

Мужские

1. Ай, да во сла - вном-то бы - ло,

Все

ой, во Ца - ре - - то гра - де,
2. ой, шир бе - - се - - ду - - шка,

вот и, у кня - зя Во - ло - ди... Во - ло - ди - ме -
вот и, о - на всё да ло - че... всё по - че - стна -

- ра, ой, со - би - ра - ла - ся в не -
- я, ой, ну, по - че - стна - я бы -

1. Ай, да во славном-то было,
   Ой, во Царе-то граде, вот и,
   У князя Володи... Володимера,
2. Ай, собиралася в него [1],
   Ой, пир-беседушка, вот,
   Она всё да поче... всё почестная,
3. Ай, ну почестная была,
   Ой, всё честна-то хвальна вот,
   Она многора... многорадостна.
4. Ай, во пиру-то сидят,
   Ой, во беседушке вот,
   Сидят они князья бо̀... князья-бо̀яры.

[1] Каждая строфа, кроме первой и последней, повторяется.

5. Ай, они пьют-то, едят,
Ой, прохлаждаются, вот,
Промежду-то собой похваляются.
6. Ай, у них речь-то зашла,
Ой, про Васильюшку вот,
Сына, али, Долгору... Долгорукова:
7. «Ой да, ну и что жа ты, что,
Ой, ты, Васильюшка вот,
Да и что не же... что не женисси,
8. Ай, что не женисси,
Ой, не женат-то ходишь вог,
Что холост гуля... ты гуляешь?»
9. «Ай да, я бы рад-то бы рад,
Ой, рад жениться, молодец, вот,
Да мне негда взять, ну и негде взять.
10. Ай, где мне хочется,
Ох, там-то мне не дают вот,
Где не хочется, там две-три возьми!
11. Ай, ну и кто бы-то мне,
Ой, сослужил службу, ох,
Вот бы службицу ве... службу верную,
12. Ай, ну и кто бы пошёл,
Ой, в Еруслав-то город вот,
К тому царю Соломо... Соломону.
13. Ай да, у него-то бы есть,
Ой, дочь премудрая вот,
Славная да Софе... ну, Софеюшка,—
14. Ай да, брови чёрные,
Ой, соболиные вот,
Глаза жёлтые, соколиные!»
15. Ай, как и тут-то бы все,
Ой, перпужалися вот,
Они все-то разбежа... разбежалися.
16. Ай, как один-то тут был,
Ой, млад донской казачёк вот,
Был у князя клю... был он клюшничек.
17. Ой да, с места на место,
Он пердвигается вот,
Говорит он речь, усмехается:
18. «Ай да, ну и батюшка ты наш,
Ой, Володимер князь вот,
Нагружай ты, князь, три кораблика.
19. Ай, да и первый корабь,—
Ой, златом-серебром вот,
А второй-то корабь — частым зенчугом.
20. Ой, ну и третий корабь,—
Ой, сладким пойлицем вот.
Отправляй жа ты их во сине море!»

Станица Нижне-Курмоярская, 1904.

37. КАК И ПЬЁТ-ТО ВОТ, ПЬЁТ САДКО

Садко выходит на кораблях во синё море

Медленно ♩ = 69

Запев 1-й

Мужские голоса

1. Как и пьёт - то вот, пьёт Сад - ков, про - хла - жда... про - хла - жда - ется, е - ой, во глу -
2. - га - че ме - не, Сад - ка, во всём све... во всём све - те нет, е - ой, как во

Все

- пом - то хме - лю Сад - ков по - хва - ли - то вот све - те нет, во всём

1. Как и пьёт-то вот пьёт Садков,
Прохлажда... прохлаждается,
Во глупом-то хмелю Садков
Похваля... похваляется [1]:

2. «Как богаче мне, Садка,
Во всём све... во всём свете нет,
Как во всём-то вот свете нет,
Во всём бе... во всём белому,

3. Как во всём-то кругу нет,
Во всём со... во всём солнечном!»
Как во славном-то было
Во Царе, во Царе-граде

4. Все базарушки Садков
Он повы... он повыходил,
Все товарушки Садков
Да повы... да повысмотрел,

5. Он повысмотрел Садков
Все повы... все повыкупил.
Он грузил-погрузил Садков
Три кора... три кораблика:

6. Как и первый-то корабль грузил
Свинцом-по... свинцом-порохом,
А другой-то корабль грузил
Златом-се... златом-серебром,

7. Как и третий корабль грузил
Мелким зе... мелким зенчугом.
Вот пущался-то наш Садков
Во синё, во синё моря.

8. Вот и день-то плывёт Садков
И другой, и другой плывёт,
Как на третий-то день Садков
Станови... становиться стал,—

9. Вот кричит-то, кричит Садков
Громким го... громким голосом:
«Вы гребельнички мои,
Корабе... корабельнички!

10. Вы гребитеся, друзья,
Не пужа... не пужайтеся,
На свои силушки, друзья,
Понаде... понадейтеся,

11. Из пучинушки-жа злой
Выбира... выбирайтеся!»

Станица Нижне-Кундрюческая, 1902, 1904—1905.

---

[1] Конечный стих строфы повторяется (в сокращении) в начале следующей строфы. Автором не указано, как ложится на напев последняя неполная строфа. Возможно, что при записи текста одно двустишие выпало. (Примеч. ред.)

38 ОЙ ДА, КАК ВО СЛАВНОМ ВО СТОЛЬНОМ ГОРОДЕ

Садко на океан-море

Умеренно ♩=116

Запев

Женские голоса

1. А - ой да, как во
2. Ай, да во ко̀ - ба -

Мужские

Все

сла - вном бы... да во сто - льном бы -
- ке, ой да, как и пьёт - то Сад -
- ло, во слав - ном во
- ков, пья - най на - пи -
го... да во го - ро - де, е - ой да, во Ца -
- ва... на - пи - ва - е - тся, е - ой да, во - глу -

1. А-ой-да, как во славном бы,
Да во стольном былю
Во̀ славном во го... да во городе,
Ай-да, во Царе-то-граде [1],
Во царском во ко̀... да во ко̀баке.

2. Ай, да во ко̀баке,
Ой-да, как и пьёт-то Садков,
Пьяный напива... напивается,
Ой-да, во глупом-то хмелю
Садков похваля... похваляется,

3. Ай, похваляется:
«Ой-да, как и нету Садка,
Нет мене бога̀... нет бога̀чева,
Ой-да, как и нету мене,
Нет Садка доста... нет достаточней.

4. Ай, нет достаточней, —
Ой-да, всю Рассеюшку
Про̀дам, назад вы... назад выкуплю,
Ой-да, кременну́-то Москву
Веничком повы... всю повы́мету,

5. Ай, всю повымету!»
Ой-да, одолели Садка
Рядочки горшо... все горшочные:
Ой-да, скоро бьют-то горшки,
Скорей того де... скорей делают,

[1] Вар. «в Петербурхе».

6. Ай, скорей делают.
Ой-да нагружал-то Садков
Свои тридцать ко... тридцать кораблей.
Ой-да, нанимал-то Садков
Себе корабе... корабельничков,

7. Ай, корабельничков, —
Ой-да, как и все корабли
Вот по морю по̀... они по̀плыли, —
Ой-да, как Садков-то корабь
На̀ море стано̀... ой, стано̀вится,

8. Ай, вот становится.
Ой-да, знать, на камушку,
На камушку бе... вот на белому.
Ой-да, вот скричал-то Садков
Своим громким го... громким голосом,

9. Ай, громким голосом:
«Ой-да, уж вы, братцы мои,
Братцы корабе... корабельнички!
Ой-да, ну вы режьте жа вы
Жереба̀ свинцо... ну свинцовые,

10. Ай, ну свинцовые,
Ой-да, ну, пущайте жа их,
Братцы, в окия... в окиян-моря!»
Ой-да, как и все жереба̀
Вот по морю по̀... они по̀плыли,

11. Ай, они по́плыли, —
Ой-да, как Садков-то жерёб
Сзади остава... остава̀ется,
Ой-да, как и ключ-то ко дну,
Жерёб убира... убирается,

12. Ай, убирается.
Ой-да, вот скричал-то Садков
Еще громким го... громким голосом:
«Ой-да, ну вы, братцы мои,
Тридцать корабе... корабельничков,

13. Ай, корабельничков!
Ой-да, режьте-ж вы жереба̀
Вот-бы, тавалжа... тавалжаные!
Ой-да, ну, бросайте жа их,
Братцы, в окия... в окиян-моря,

14. Ай, в окиян-моря!»
Ой да, как и все-то жереба̀,
Ну по морю по̀... будто по̀плыли, —
Ой-да̀, ну Садков-то жерёб
Сзади остава... остается,

15. Ай, остается,
Ой-да, как и ключ-то ко дну,
Жерёб тот скрыва... ой, скрывается,
Ой-да, как и тут-то Садков
Вскричал громким го... громким голосом,

16. Ай, громким голосом:
«Ой-да, вот вы, братцы мои,
Братцы корабе... корабельнички!
Ой-да, ну и режьте жа вы
Жереба куги... все кугинные [1].

17. Ай, всё кугинные,—
Ой-да, вы пущайте жа их
Вот-бы в окия... в окиян-моря!»
Ой-да, ну как все жереба̀
Вот по морю по̀... вот и по̀плыли,

18. Ай, вот и по̀плыли, —
Ой-да, как Садков-то жерёб
Опять остава... оставается
Ой-да, как и ключ-то ко дну,
Жѐрёб тот скрыва... вот скрывается,

19. Ай, вот скрывается.
Ой-да, вот и всплакал Садков,
Всплакал да сам спра... ну, и спрашивал:
«Ой-да, не бранил ли кто с вас,
Братцы отца ма... отца-матерю [2],

20. Ай, отца-матерю.
Ой-да, ну не клялся-ли кто,
Клялся родом пле... родом племенем?
Ой-да, не мене ли Садка,
Кляла родна ма... родна мамушка,

21. Ай, родна мамушка!»
Ой-да, досадил-нагрубил
Садков родной ма... родной мамушке.
Ой-да, ну не держит младца
Матушка сыра, мать сыра земля,

22. Ай, мать сыра земля,
Ой-да ну не держит Садка
На себе морска... морская вода,
«Ой да, вот скинуся я,
Садков, во синѐ... во синѐ моря!»

Станица Кумшацкая, 1902, 1905.

---

[1] Куга — болотное растение, род тростника.
[2] Вар. —

«Ой-да, не сругался ли кто,
Братцы, скверно ма... скверно, матерно?»
20. Ай, скверно, матерно?

39. ОЙ ДА, КАК ВО ПОЛЮШКЕ

Садко на море качется

Очень медленно ♩=60

[Запев 1-й (нижний голос)] *[Все]*

Все да во

Женские голоса

1. А _ ой, да, как во по... как во
2. Ой, да, там и шёл, там и-

Мужские

по _ лю _ шке, ей, да бы _ ло, вот бы, во по _
-шёл, про _ шёл, ей, ра _ зу _ да _ ленькай добрай

ля... во по _ ля _ ну _ шке,
мо... до _ брай мо _ ло _ дец,

Конец

Для последующих запевов

2. было во по _ ля... во по _ ля _ ну _ шке.
3. удал до брай мо... доб _ рай мо _ ло _ дец.

1. Ой да, как во по... как во полюшке,
Да было, вот бы, во поля... во полянушке,

2. Было во поля... во полянушке.
Ой да, там ишёл, там ишёл, прошёл
Разудаленький, добрый мо... добрый молодец,

3. Удал-добрый мо... добрый молодец.
Ой да, как ишёл, там ишёл младец
Да ишёл жа он на высо... на высок курган.

4. Ишёл на высок, на высок курган.
Ой да, как идёт толичка да идёт,
Да идёт младец, сам шата... сам шатается,

5. Идёт сам шата... сам шатается.
Ой да, на свою-то пику длинную,
Да на пику он опи... опирается,

6. Идёт, опира... опирается
Ой да, как вострым толичка до концом,
Да вострым концом — в сыру, во сыру землю,

7. Вострым во сыру, во сыру землю,
Ой да, а тупым толичка да концом,
Да тупым концом — в ретиво, в ретиво сердце,

8. Тупым в ретиво... в ретиво сердце.
Ой да, на синё-то, на синё море,
На синё море огля... оглядается,

9. Младец огляда... оглядается.
Ой да, как по мо... как по морюшку,
Да было жа вот бы морю си... морю синему,

10. Было морю си... морю синему,
Ой да, там да плывут, толичка плывут,
Да плывут вот бы три кора... три корабличка,

11. Плывут три кора... три корабличка.
Ой да, как и все-то эти корабли,
Да кораблики позлачё... позлачёные,

12. Они позлачё... позлачёные.
Ой да, как и все-то эти корабли,
Да и все они нагружо... нагружоные,

13. Да и все нагружо... нагружоные.
Ой да, нагружоны эти корабли,
Нагружоные златом се... златом серебром,

14. Они златом се... златом серебром.
Ой да, как на этих на корабликах
Да сидят вот бы триста мо... триста молодцев.

15. Сидят триста мо... триста молодцев.
Ой да, подымались на синём море,
Подымалися ветры буйные,

16. Они ветры бу... ветры буйные.
Ой да, расходилися на синём море,
Расходилися волны кру... волны крýтые,

17. Вот бы волны кру... волны крýтые.
Ой да, отбивали ветры буйные
Да кораблики насерёд, насерёд моря,

18. Вот бы насерёд, насерёд моря.
Ой да, разбивали ветры буйные,
Разбивали жа все кора... все кораблики,

19. Вот бы все кора... все кораблики,
Ой да, потопали во синём море,
Потопали жа триста мо... триста молодцев,

20. Вот бы триста мо... триста молодцев.
Ой да, как один-то, Садков молодец,
Усплывал Садков всё посверх, всё посверх воды,

21. Усплывал посверх, он посверх воды.
Ой да, вот за лёгкую Садков дòсточку,
Да за дòсточку он хвата... он хватается,

22. Вот бы всё хвата... всё хватается.
Ой да, вот и стал Садков молодец,
Да и стал жа он себе ка... себе каяться:

23. Вот стал Садков ка... Садков каяться:
«Ой да, как и есть на мне, молодцу,
Да на мне греха три вели... три великих,

24. Три греха вели... три великих:
Ой да, как и первый грех на молодцу,—
Не почитал свово отца-ма... отца-матерю,

25. Свово отца-ма... отца-матерю.
Ой да, грех другой-то на мне, молодцу,—
Да и я с своей кумой ро... с кумой рòдной жил.

26. С своей кумой ро... с кумой рòдной жил,
Ой да, как и третий грех на молодцу,—
Надругался над родом-пле... родом-племенем!»

Станица Екатерининская, 1899—1902, 1904—1905.

40. ОЙ, ДА У СЛАВНОГО БЫЛО У КНЯЗЮШКИ

Сон Садко

Медленно ♩ = 63

Запев *Все*

Мужские голоса

1 Ой, да у слав-но-го бы - ло, ох да, ну, у
2 Ой, со-би - ра-ла-ся вне - го, ох да пир--бе -

кня - зю - шки, у кня - зя Вла -
- се - ду - шка, о - на всё по -

- ди - ми - ра, ой да, со-би -
- че - стнень-ка - я, ой да, ну, че -

- ра - ла - ся о - на пир-бе - се - ду - шка,
- стна да хваль - на о - на пир-бе - се - ду - шка,

1. Ой, да у славного было, ох да, ну, у князюшки,
   У князя Владимира,
   Ой да, собиралася она пир-беседушка,
   Она всё почестненькая.

2. Ой, собиралася в него, ох да, пир-беседушка,
   Она всё почестненькая,
   Ой да, ну честна да хвальна она, пир-беседушка.
   Она многорадостная.

3. Ой, ну честна-то хвальна она, пир-беседушка,
   Она многорадостная,
   Ой да, ну, во той-то было, во той во беседушке,
   Сидят князья-бо̀яры.

4. Ой, ну во той-то было, во той во беседушке,
   Сидят князья-бо̀яры,
   Ой да, ну, сидят-то они, сидят пьют-гуляют,
   Князья прохлаждаются.

5. Ой, ну сидят-то, сидят они пьют-гуляют,
   Князья прохлаждаются,
   Ой да, промежду́-то себе они, князья-бо̀яры,
   Они похваляются:

6. Ой, промежду́-то себе они, князья-бо̀яры,
   Они похваляются:
   Ой да, ну богóтыри они все могущие
   Хвалятся все силою,

7. Ой, ну богóтыри они всё могущие
   Хвалятся всё силою,
   Ой-да, своей силою они похваляются,
   Силой богатырскою;

8. Ой, своей силою они похваляются,
   Силой богатырскою;
   Ой-да, промежду-ту бы их сидит сам Садков купец,
   Он ничем не хвалится,

9. Ой, промежду-то бы их сидит сам Садков купец,
Он ничем не хвалится,
Ой-да, ну, ни силою, ой-да, ну, ни княжеством,,
Вот и не боярыством,

10. Ой, ну ни силою, ох-и, ну ни княжеством,
Вот и не боярыством:
«Ой-да, как мне нонешнею вот тёмную ночушку,
Мне малы́м мало̀-да спалось,

11. Ой, как и нонешнею вот тёмную ночушку
Мне малы́м мало̀-то спалось,
Мне малы́м мало̀-то спалось, раздоброму молодцу,
Много во сне виделось:

12. Ой, мне мало̀-то спалось, раздоброму молодцу,
Много во сне виделось:
Ой-да, будто, будто-бы я, вот-и я, Садков купец,
Был я во иной-то земле,

13. Ой, будто, будто-бы я, вот-и, я, Садков купец,
Был я во иной-то земле,
Был я во иной-то земле, вот и был Садков купец,
Был я во Царѐ-граде,

14. Ой, во иной-то земле, вот-и, был Садков купец,
Был я во Царѐ-граде;
Вот и нагружал, погружа̀л, вот-и, я, Садков купец,
Тридцать лёгких ко̀раблей,

15. Вот нагружал, погружал вот-бы, я, Садков купец,
Тридцать лёгких ко̀раблей,
Ой-да, ну и теми-то разными товарами
Было драгоценными,

16. Ой, ну-и, теми-то разными товарами
Будто драгоценными;
Ой-да, ну, как все-то мои лёгкие кораблики,
Они во̀ плынь все пошли,

17. Ой, ну как все-то мои лёгкие кораблики,
Они во̀ плынь все пошли,—
Ой-да, как один-то из них, вот резвый корабличек,
Будто всё становится,

18. Ой, как один-то из них, вот резвый корабличек,
Будто всё становится,
Ой-да, он становится, вот резвый корабличек,
Он будто ко дну идёт [1],

19. Ой, он становится, вот резвый корабличек,
Вот будто ко дну идёт [1].
Ой-да, закричал, зашумел вот-бы я, Садков-то купец,
Своим громким голосом,

20. Ой, закричал, зашумел вот-бы я, Садков-то купец,
Своим громким голосом:
«Ой-да, уж вы, други мои, други мои верные,
Мои корабельщички,

---

[1] Вар. «Ко дну тянет».

21. Ой, уж вы, други мои, други мои верные,
Мои корабельщички!
Ой-да, не грешóн-то ли кто из вас сы своей кумой,
С кумой своей родною,

22. Ой, не грешóн-то ли кто из вас сы своей кумой,
С кумой своей родною?
Ой-да, вот и я-то ли сам, вот я, сам Садков купец,
Да не чтил родную свою мать,

23. Ой, вот и я-то ли сам, вот я сам Садков купец,
Не почтил родную мать!
Ой-да, вы берите мене, вот мене, Садкова купца,
Мене под белы́ руки,

24. Ой, вы берите мене, вот мене, Садкова купца,
Мене под белы́ руки,
Вот и вы мечите мене, вот мене, Садкова купца,
Мечите в синé моря,

25. Ой, вы мечите мене, вот мене, Садкова купца,
Только во сине моря,—
Ой-да, ну тогда-то все, все тридцать корабличков,
Тогда все во плынь пойдут!»

Станица Тишанская, 1903.

41. ОЙ, У МОЛОДЦА ГОЛОВА БОЛИТ

Садко на море

Былина донских казаков-некрасовцев

Умеренно ♪ = 120

1. Ой, у мо́лодца голова болит,
   У залётного да болит буйная [1].
   «Ой, и чем [2] лячить будем голову,
   Лячить голову да лячить буйную?»

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

[2] Чем — в исполнении слышалось «шем».

Завязать ее аляным[3] платком,
Аляным платком да ишо шёлковым,
Ишо шёлковым да полушёлковым!
Ах, задумал жа наш жениться князь.
Он берёт, берёт да молоду жану,
Молоду жану дочь Макарьевну.
Становил столы, семь дубовеньких,
Своему шурину да стол серебряный,
Ой, наклйкал жа людей множество,
Людей множество — злых татарушков,
Злых татарушков, да злых боярушков.
Он за батюшкой всё послы послал,
Он за матушкой да и всех слуг нанял,
А за шурином-то он и сам пошёл.
Он сажал его во большу месту,
Он сказал ему во большу месту:
«Ой, ты, шурин мой, разнашурин мой!
Что ж ня пьёшь, ня ешь, что ня кушаешь?
Хлеб-соль на столе, Борис на дворе!»
Он и вдарил жа через семь столов,
Через семь столов всё дубовеньких.
Ой, побил, побил людей множество,
Людей множество — злых татарушков,
Злых татарушков, злых боярушков.
Как во матушке кремянной Москве,
А во батюшке во Царе-граде,
Во Царе-граде, в славном Новграде,
Нагружал Садков тридцать кораблей,
Тридцать кораблей злата-серебра,
Посвярьху того мелка земчуга.
Все кораблики вопёред пошли,
А Садков корабль стал на якоре.
А и тут Садков не пужается,
Ко младой жане собирается
Он крычит-зычит громким голосом:
«Молодежь моя прийубраная,
Вы орлы мои сизокрылые,
Соколы́ мои поднебесные!
Вы подитя жа во тямны ляса,
Ну и вырежьтя всё по жèребью,
Всё по жеребью по яловеньком»

Станица Ново-Некрасовская Краснодарского края, 1940.

[3] «Аляным, альяным» — льняным.

42. АЙ, КАК НАРОДИЛСЯ НА СВЯТОЙ РУСИ

Васильюшка Буслаевич

Медленно ♩ = 58

Запев

Женские голоса

1. Ай, как на - ро - дил -
2. Ай, свет - ло - рус - ска -

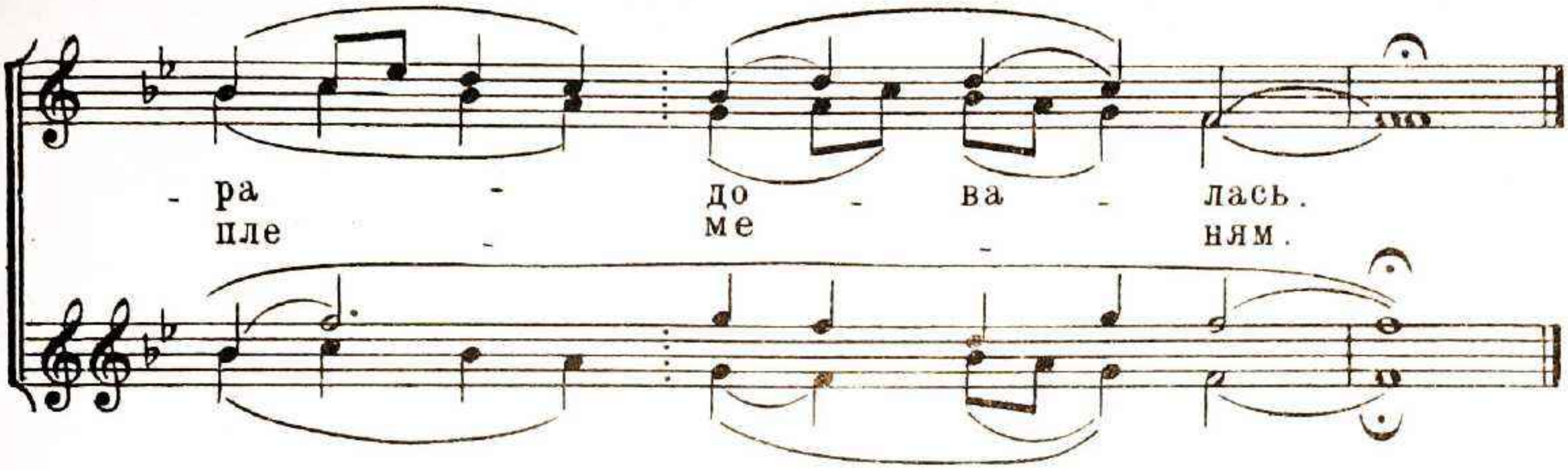
Мужские

Все

Ай, - ся на свя - той - то Ру - си рус - ской
- я да зе - ме - лю - шка вся уз -

- бо - го - тырь, - вот бы свет - ло -
- ра - до - ва - лась. Ой да, со - би -

- рус - ска - я да зе
- ра - ли - ся всё дя -



1. Ай, как народился на святой-то Руси
Русский богатырь,—
Вот бы светлорусская да земелюшка
Она вся узрадовалась,

2. Ай, светлорусская да земелюшка
Вся узрадовалась.
Ой-да, собиралися всё дядья, да братья,
Да сы родом племенем,

3. Ай, собиралися всё дядья, да братья
С родом племенем,—
Вот и нарекали ему славна имечка,
А-и звать — Васильюшка,

4. Ай, нарекали ему вот-и имечка,
Звать — Васильюшка.
Ой-да, как и был-то бы он, свет Васильюшка,
Вот-и, был малёшунек [1],

[1] Вар.

«Ой-да, как и был-то в него, у Васильюшки,
Вот и рост малешунек».

5. Ай, как и был-то бы он, свет Васильюшка,
Был малёшунек,
Вот-и, был малёнушек, свет
Ой-да, сам глупёшунек,

6. Ай, был малёшу́нек, свет Васильюшка,
Сам глупёшунек,
Ой-да, как таперича стал свет Васильюшка
Таперь стал на возрасте,

7. Ой, как таперича стал свет Васильюшка
Стал на возрасте,—
Ой-да, ну-и, стал-то младец, свет Васильюшка,
Вот-и, стал на улицу ходить,

8. Ой, ну-и стал-то младец, свет Васильюшка,
Стал на улицу ходить,
Ой-да, ну-и, стал-то младец, да с ребятами,
Стал он свои шуточки шу́тить,

9. Ай, ну-и, стал-то младец, да с ребятами
Свои шуточки шутить:
Кого за руку возьмёт наш Васильюшка
Тому руку прочь оторвёт,

10. Ой, кого за руку возьмёт наш Васильюшка
Руку прочь оторвёт,
Кого за ногу возьмёт наш Буслаевич,
Тому ногу выдернет,

11. Ай, кого за ногу возьмёт наш Васильюшка,
Ногу выдернет,
Кого в шею толканёт наш Буслаевич,
Голо́ву́шка с плеч испадёт.

Станица Богаевская, 1903.

43. АЙ, КТО БЫ, КТО БЫ-ТО ДОЗНАЛ

Былина о Севрюке

Умеренно ♩ = 92

[Запев 1-й]

Мужские голоса

1. Ай, кто бы, кто бы-то до - знал, до - знал,

[Все]

как бе - лай свет на - стал, на -
2. как бе - лай свет на - стал, на -

- стал, на - стал, на - стал, на - стал!
- стал, на - стал, белай свет,

Кра - сно - е солн - це за - шло, за - шло,
кра - сно - е солн - це за - шло, за - шло,

за - шло

Для последующих запевов

[1] **Подголосок без слов.**

1. Ай, кто бы, кто бы-то дознал, дознал,
Как белый свет настал, настал,
Настал, настал, настал!
Красное солнце зашло, зашло,
Ясный месяц взошёл,

2. Ай, солнце красное зашло,
Месяц взошёл!
А Севрюк-то дознал, дознал,
Как белый свет настал, настал,
Настал, настал, белый свет
Красное солнце зашло, зашло,
Месяц ясный взошёл,

[1] **Подголосок без слов**

3. Ай, красно солнушко зашло,
Месяц взошёл.
«А вы-то, люди стародавние.
Давно живётя вы,
Давно, давно живётя вы!
Ничего-то да не смыслитя,
Вот вы не смыслитя,

4. Ай, ничего не смыслитя,
Вот не смыслитя:
Либо мне хлеба-соли ставьтя вы,
Либо жа дайтя борцов
Борцов, борцов, ну, дайтя борцов!
Либо жа, люди стародавние,
Срубитя голову,

5. Аї, люди стародавние,
Снимитя голову!»
«Вот тебе хлеб на столе, столе,
Бойцы на дворе,
Бойцы, бойцы на дворе!
Головушку да не будем мы,
Не будем рубить,

6. Ай, ну, головушку тебе
Не станем рубить!»
Распился-то Севрюк, Севрюк,
Разгулялся,
Севрюк, Севрюк разгулялся!
Семьсот-то он молодцов заборол,
Восемьсот татаринов,

7. Ай, заборол он молодцов
Да татаринов,
Ай, что идут, пройдут молодцы,
Ай, ну, донцы-удальцы,
Донцы, донцы-удальцы!
Колпак на бок поскривляючи,
Кулак выставляючи,

8. Ай, колпак поскривляючи,
Похваляючи:
«Ай, подай, боже, подолеть Севрюка,
С корнем повывернуть,
Повывернуть да повыбросить!»
Пришли, вот и, подивилися,
За груди взялися,

9. Ай, пришли подивилися
Да и взялися;
Как подымут Севрюка они
Да повыше себя,
Повыше вот да повыше!
Как ударят Севрюка они
Об сыру землю,

10. Ай, как ударят Севрюка
Об сыру землю,—
Севрюк очи-то вытращил,
Кожа лопнула,
Вот кожа, кожа лопнула!
Все ребрушки да посыпались,
Кости повыломались,

11. Ай, ребрушки посыпались,
Повыломались.
А Севрюкова-то мамушка
По сеням похаживает,
По сенюшкам да похаживает!
Вот белы́е она ручушки
Поламливает,

12. Ой, белые-то ручушки
Поламливает:
«Ах, скурьий сын, да ты, про̀клятый!
Почто заво̀дился,
Почто, Севрюк, ну заво̀дился,—
Пошла славушка по светушку,
Дошла до Кеива!»

Станица Разинская, б. Есауловская, 1905.

44. АЙ, СОГРЕШИЛА НОНЕЧА

Былина про Александра Македонского

Довольно скоро ♩ = 112

---

1. Былинная песня об Александре Македонском исполнялась разнообразным составом - от трёхголосного женского до шестиголосного смешанного. Изложена она здесь и для трёх женских голосов (1-я строфа), и для трёх мужских (строфа 2-я) Соединение тех и других в одну группу даёт шестиголосное исполнение, каковое и помечено в указателе исполнительских составов.

ма - ло - го

Мужские голоса
Запев

Все

2. Ай, по - ро - ди - ла бы се - бе дев - ка

кра - сна - я ди - тя ма - ло - го да, что то - го - то бы ди -

- тя А - ле - ксан - дру - шку Мир - ки -

- дон - - - - ско - го.

1. Ай, согрешила нонеча девка красная,—
Перед господом [1],—
Породила бы себе девка красная
Дитя малого,
2. Ай, породила бы себе девка красная
Дитя малого да,
Что того-то бы дитя — Александрушку
Миркидонского,
3. Ай, что того-то бы дитя — Александрушку
Миркидонского,
Сы того-то бы стыда девка красная
С граду вон пошла,
4. Ай, сы того-то бы стыда девка красная
С граду вон пошла,
Ну, ходила, гуляла девка красная
По чистом полю,
5. Ай-ну, ходила, гуляла девка красная
По чистом полю,
За плечьми-то носила Александрушку
Миркидонского,
6. Ай, да недолго носила-да девка красная —
Ровно три года;
Как никто-то на неё, девку красную,
Не нахаживал,
7. Ай, как никто-то на неё, девку красную,
Не нахаживал,
Как никто-то на неё, девку красную,
Не наезживал.
8. Ай, как наехал на неё, девку красную,
Добрый молодец:
«Ну, бог помочь ли тебе, девка красная,
Дочь прекрасная,
9. Ну, бог помочь ли тебе, девка красная,
Дочь прекрасная.
Ты скажи жа мне, скажи, девка красная,
Мне всею правду:
10. Ай, ты которого была, ай, девка красная,
Роду-племеню?»
«Как и роду я была, девка красная,
Крестиянского,
11. Ай, как и роду я была, девка красная,
Крестиянского,
Как и батюшка мой был вот у девочки
Володимер князь,
12. Ай, как и батюшка-то был, вот у девочки,
Володимер князь,
А и матушка была, чтой у девочки,
Княжелецкая дочь».

Станица Нижне-Курмоярская, 1902

---

[1] Вар. «Оступилася». Исполнительница Макеева так пояснила слово «оступилася: «Оступилася, стало быть «обмишулилася девочка», ошиблась».

45. АЙ ДА, ЧТО ПО БАЛОЧКАМ, ПО ВЕРШИНОЧКАМ

Молодой наездник и Аннушка, дочь княжелецкая

Умеренно скоро ♩ = 104

Запев

Мужские голоса

1. Ай да, что по ба - ло - чкам
2. Ай да, что по тем - то бы - ло,

Все

бы - ло, по вер - ши - но - чкам, -
хо - дят по от - ко - жин - кам

по тем по от - но - жин -
та - бу - ны ор - дын - ски -

- кам, что по тем - то бы - ло,
- е. Как и е - здил там

1. Ай да, что по балочкам было, по вершиночкам,
   По тем по отножинкам,

2. Что по тем-то, было, ходят по отножинкам
   Табуны ордынские [1].

3. Как и ездил там вокруг табуночиков
   Молодой наездничек

4. В одной тоненькой, во новой альяненькой [2],
   В беленькой рубашечке.

5. Захватила его, раздоброго молодца,
   Сильная метелица,

6. Кругом города, круг славного Кеива
   Воротицы заперты,

7. Что булатными, крепкими замочками
   Двери позамкнутые,

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется для запева. Начинается запев с «Ай да».

[2] «Альняненькой» — льняной.

8. Не железными крепкими задвижками
Они позадвинуты.

9. Часовые стоят они с каравульными,
Стоят, будто крепко спят,

10. Лишь одна-то не спит раздушечка Аннушка,
Дочка княжелецкая.

11. Что ходила-гуляла раздушечка Аннушка
По городу Киеву.

12. Опушшала она свою руку правую
Она во глубок карман,

13. Вынимала она, раздушечка Аннушка,
Свои золоты ключи,

14. Отмыкала она, раздушечка Аннушка,
Замочки булатные,

15. Отдвигала она, раздушечка Аннушка,
Задвижки железные,

16. Растворяла она, раздушечка Аннушка,
Ворота широкие,

17. Да впущала она, раздушечка Аннушка,
Свово друга милого.

Станица Нижне-Курмоярская, 1902, 1904.

Вариант начала:

1. Ой да, кругом города, ну славного Киева
Молодчик похаживал,

2. В одной тоненькой, во новой альяненькой,
Беленькой черкесочке.

3. Как у города, у славного Киева
Воротицы заперты...

46. ОЙ ДА, ПЕРЕЗЯБ, ПЕРЕДРОГ

Аннушка дочь княжелецкая и добрый молодец

Медленно ♩ = 76

Запев 2-й и последующие

[Запев 1-й, один из голосов]

Все

Мужские голоса

1. Ой да, пе - ре -
2. ай, до.брай мо.ло - дец, ой да, в од - ной

[Все]

- зяб, пе - ре - дрог, ой да, ра - зу -
то - нень - кай буд.то во а -
- да - лень - кай,
- лья - нень - кой,
у - да - лень - кай доб - рай мо... - (е) -
в а - лья - нень - кой во ру - ба... - (е) -

1. Ой да, перезяб, передрог, ой да, разудаленький,
   Удаленький добрый мо... добрый молодец,
2. Ай, добрый молодец,
   Ой да, в одной тоненькой, будто, во альяненькой,
   В альяненькой во руба... во рубашечке,
3. Ай, во рубашечке,
   Ой да, на босу-то ножку вот и без протяночек [1]
   Без протянок во люту, во люту зиму,
4. Ай, во люту зиму
   Ой да, застигла она раздоброго молодца,
   Студная [2] его мете... метелица,
5. Ай, всё метелица,
   Ой да, прибивала его, раздоброго молодца
   Кы городу его Ке... да кы Кеиву,
6. Ай да, кы Кеиву.
   Ой да, ну, у города, у города Кеива
   Воротицы позатво... позатворены,
7. Ай, позатворены,
   Ой да, ну железными вот они задвижками
   Воротицы позадви... позадвинуты,
8. Ай, позадвинуты.
   «Ой да, как и тут-то мне, раздоброму молодцу,
   Вот тут-то мне погиба... погибать надо,
9. Ой, погибать надо!»
   Ой да, услыхала его вот красная девочка,
   Дочка она княжеле... княжелецкая,
10. Ай, княжелецкая,
    Ой да, княжелецкая дочь, раздушечка Аннушка,
    Узнала потрево... потревожилась,
11. Ай, потревожилась.
    Ой да, отмыкала она, раздушечка Аннушка,
    Замочки она желе... ну, железные,
12. Ай, ну, железные,
    Ой да растворяла она, вот красная девочка,
    Калиточку потаё... потаённую,
13. Ай, потаённую,
    Вот и ну, впускала она, вот красная девочка,
    Раздоброго она мо... добра молодца.

Станица Усть-Хоперская, 1903.

---

[1] «Протяночек» — портяночек.

[2] «Студная» — студеная.

47. ОЙ ДА, ВДОЛЬ ПО УЛИЦЕ

Удалой гречи́н

Довольно медленно ♩ = 80

Запев 2-й и последующие

Мужские голоса

2. Мо - ло - дец и - дёт.

Все

[Запев 1-й][1]

1. А - - ой да, вдоль по у... вдоль по у - ли -
Вот и, как на - встре - чу да е -

[Все], Ей,

- цы,
- му, до - бро - му

ши - - - ро - кой да
мо - - - лод - цу да

1 Запевает средний голос.

1. А-ой да, вдоль по у... вдоль по улицы,
   Вдоль по широкой (да)
   Удаленький добрый молодец,
   Молодец идёт,

2. Молодец идёт.
   Вот и как навстречу да ему,
   Доброму молодцу (да),
   Родимая ему мамушка,
   Мамушка идёт,

3. Мамушка идёт:
   «Ой-да, ýж ты, чада моя,
   Чада милая (да)!
   Ты скажи жа, расскажи мене,
   Чадушка моя,

4. Чадушка моя,
   Ой-да, отчего то ли, почему,
   Чада милая (да),
   Не бел жа ты, не румян,
   Не бел ходишь, не румян,

5. Не бел ходишь, не румян?»
   «Ой-да, государыня моя,
   Ты родимая (да),
   Родимая моя мамушка,
   Жалкая ты моя,

6. Жалкая ты моя.
Ой-да, не тебе, моя маменька,
Было б спрашивать (да),
Не мене жа, мене, молодцу,
Да не мне бы сказывать,

7. Да не мне бы сказывать:
Ой-да, ну служил-то я, молодец,
Разудаленький (да),
На чужой, дальней сторонушки
Гречецкой земле,

8. Гречецкой земле,—
Ой-да, приобычился молодец,
Ну, привадился (да),
К раздушечки красной девочке,
К гречаночке кы своей,

9. К гречаночке кы своей:
Ой-да, как велела мне девочка
Вот мне, молодцу (да),
Да к ней в гости поздно вечером,
В гости к ней притить,

10. В гости к ней притить!
Ой-да, не дождамши я, молодец,
Поры-времечка (да),
Пошел жа я, добрый молодец,
К сударушке кы своей,

11. К сударушке кы своей.
Ой-да, увидал мене, молодца,
Удалой гречйн (да),
Перхватил жа разудаленький
Середи свово двора,

12. Середи свово двора,
Ой-да, как поднял мене, молодца,
Выше буйной головы (да),
Ну и вдарил об сыру землю
Животом — сердца моим,

13. Животом — сердца моим
Ой-да, вот сы той-то бяды
Добрый молодец (да),
Сы того ли сы несчастица;
Не бел хожу, не румян,

14. Не бел хожу, не румян,—
Ой-да, присушило мои
Кудри чёрные (да)
Кы буйной моей головушке
Да к неудачливой!»

Станица Филипповская, 1904.

48. ОЙ ДА, НУ ВО КРЫМСКОЙ БЫЛО

Про гречина

Медленно ♩= 80

Запев

Женские голоса

1. А - ой да, ну, во Крым - ской да бы -
2. А - ой да, до - брай мо - ло -

Мужские

- ло во зе - ме - лю -
- дец. мо - ло - дец да слу -

Все

- шке,
- жил,

ой да, в Пе - ре - ко - пе бы - ло,
ой да, на чу - жой - то даль - ней,

брат - цы, слав - ном го - -
брат - цы, на сто - ро - -

- - ро - де да бы -
- - ну - шке да бы -

- ло, у - дал до - брай мо - ло -
- ло, ой да, как на гре - че -

- ло -

- дец, мо - ло - дец слу - жил.
- цкой на зе - ме - лю - шке.

1. А-ой да, ну, во Крымской да было
Во землюшке,
Ой-да, в Перекопе было,
Братцы, славном городе, да было,
Удал добрый молодец, молодец служил,

2. А-ой да, добрый молодец,
Молодец да служил,
Ой-да, на чужой-то дальней,
Братцы, на сторонушке, да было,
Ой-да, ну на гречецкой на земелюшке,

3. А-ой да, вот на гречецкой
На земелюшке.
Ой да, лучилóся [1] итить
Раздоброму молодцу, да было,
Ой-да, вдоль по улицы, улицы в конец,

4. А-ой да, вдоль по улицы,
Улицы да в конец.
Ой-да, на устречу ему,
Раздоброму молодцу, да было,
Родимая мамушка, мамушка идёт,

5. Ай, родимая мамушка,
Мамушка да идёт:
«Ой-да, ты, дитё ли моя,
Чадушка родимая ты моя!
Ой да, ты скажи, расскажи всяю правду мне,

6. А-ой да, ты скажи, расскажи
Всяю правдушку:
Ой-да, отчего-почему,
Родимая чадушка ты моя,
Ой-да, ни белой ходишь, ходишь ни румян,

7. А-ой да, ни белой ходишь,
Ни белой, ни румян?»
«Ой-да, государыня,
Вот-и, да родимая ты моя,
Родимая мамушка, мамушка моя,

8. Ай, родимая мамушка,
Жалкая да моя!
Ой-да, не тебе, не тебе,
Родимая мамушка ты моя,
Не тебе бы спрашивать, мене спрашивать,

9. Ай, не тебе бы спрашивать
Да мене, молодца;
Ой-да, не мене-то было,
Раздоброму молодцу, да не мне,
Не мне было сказывать, не мне сказывать,

10. Не мне было сказывать,
Не мне сказывать:
Ой да, приобычился,
Раздобрый молодец, да было,
Кы красной я девочке, к болечке ходить,

---

1 «Лучилося» — случилось.

11. Ай, кы красной девчоночке,
К болечке да ходить, —
Ой да, она роду была,
Роду кристиянского, да было,
Она чистой гречецкой, славной красоте,
12. А-ой да, чистой гречецкой
Была она красоте;
Ой-да, ну звала-то, звала
Вот красная девочка, ну душа,
Ой-да, к себе ночушку, ночку мене ночевать,
13. А-ой да, звала ночушку,
Ночку к себе ночевать;
Ой-да, одну ночушку
Раздобрый я молодец, ну было,
Ой-да, и другуя-то ночку с нею ночевал,
14. А-ой да, и другуя-то
Ночку с нею ночевал,
Ой-да, ну на третию,
На третию ночушку, да было,
Ой да, молодой-то гречин к сударушке
15. А-ой да, молодой-то гречин
К сударушке приходил:
Ой-да, он узял-то мене,
Раздоброго молодца, да-й узял,
Ой да, поперек-то мово серьца-живота,
16. А-ой да, поперёк-то мово
Серьца али живота, —
Ой-да й-он поднял-то мене,
Вот доброго молодца, да мене,
Вот и выше пояса, выше своей головы,
17. А-ой да, выше пояса,
Выше буйной головы, —
Ой-да вдарил, вдарил мене,
Вот доброго молодца, да мене,
Ой-да, ну об матушку об сыру землю,
18. А-ой да, ну об матушку
Об сыру землю!
Ой-да, присушил-то мои,
Вот бы кудри чёрные да мои,
Ой-да, кы буйной-то моей, к буйной голове
19. А-ой да, кы буйной-то моей,
К буйной моей голове,
Ой-да, он и вынул мои,
Вот вынул румяницы да мои,
Вот-и, сы белого мово, сы бела лица,
20. А-вот-и, сы белого мово,
Сы бела-то лица, —
Ой-да, от того-то бы я,
Родимая мамушка да моя,
Ой-да, я ни бел хожу, ни бел, ни румян!»

Станица Мелеховская, 1921.

49. АЙ, ДА И БЫЛ ТАМ, СЛУЖИЛ

Гречин

Медленно ♩ = 76

Запев 2-й и последующие — *[Запев 1-й]* — *Все*

Мужские голоса

1. Ай, да и
2. ай, слав-ной об-ла-сти. Как и

Ай,

[Все]

был там, слу-жил раз-до-брай я,
шёл - то, про-шёл раз-до-брай я,

мо - - ло-дец, ай, в Бес-са-
мо - - ло-дец, ай, вдоль по

-раб-ской слав-ной об-ла-сти,
у-ли-цы, брат-цы, в ко-нец,

1. Ай, да и был там, служил,
Раздобрый я молодец,
Ай, в Бессарабской славной области,

2. Ай, славной области.
Как ишёл-то, прошёл
Раздобрый я молодец,
Ай, вдоль по улицы, братцы, в конец,

3. Ай, улицы в конец.
Увидал там мене,
Раздоброго молодца,
Ай, молодой грѐчин, грѐчин из окна,

4. Ай, грѐчин из окна,—
Вот и взял-то мене,
Раздоброго молодца,
Ай, поперек мово, мово живота,

5. Ай, мово живота
Да и вдарил мене,
Раздоброго молодца,
Ай, об сыру землю-матушку мене,

6. Ай, об сыру землю, —
Присушил-то мои,
Мои кудри чёрные,
Ай, кы буйнòй-то мосй голове,

7. Ай, к бу́йной голове,
Как и вынул мои,
Вот мои румяницы,
Ай, из белòго мово из лица,

8. Ай, из мово лица, —
Оттого-то бы я,
Раздобрый я молодец,
Ай, да ни бел хожу, ни бел, ни румян.

Станица Букановская, 1903.

50. ОЙ ДА, ЧТО НЕ КУНУШКА

Богатырь-дéвица поборола молодца

Не очень медленно ♩= 80

Запев

Мужские голоса

1. Ой да, что ня ку... что ня ку - ну -
2. ну, ва - ля - ла - ся; вот крас - на - я

Два голоса *Все*

Ей

- шка о - на, вот бы, с чёр - ным
де - - - во - чка, о - на с доб - рым

со... с чёр - ным со - бо - лям,
мо... с доб - рым мо - лод - цам,

ку - ну - шка о - на ва - ля...
с мо - лод - чи - ком заб - ав - ля...

1. Ой да, что ня ку...
Что ня кунушка она,
Вот-и, с чёрным со... с чёрным соболем,
Кунушка она валя... ай, кунушка валялася,

2. Ну, валялася;
Вот красная девочка,
Она с добрым мо... с до́брым молодцем,
С моло́дчиком забавля... ой, й-она забавлялася,

3. Забавлялася.
Вот-и, позабавимши,
Вот красная де... ну-ка, девочка
С молодчиком поразмо... ай, й-она поразмо́лала [1],

4. Поразмо́лала,
Вот и поразмоламши,
Вот красная де... ну-ка, девочка,
С младцом она позаспо... ай, й-она позаспорала [2],

5. Позаспорала,
Она не об сто рублей,
Вот красная де... ну-ка, девочка,
Заспорала не об ты... ай, й-она не об тысячу,

6. Не об тысячу, —
Ай да, позаспорала
Вот красная де... й-она девица
Об буйных она голо... ай, об буйных головушках,

7. Об головушках:
Ой да, закладала жа
Красавушка де... краса-девушка
Она будто золото... ай, й-она золотой венец,

8. Золотой венец,
Вот и закладает жа
Будто добрый мо... добрый молодец
Свои вот бы три кора... ай, свои три корабличка,

---

[1] «Поразмолала» — поразмолвилась.
[2] «Позаспорала» — позаспорила.

9. Три кораблички,
Ай да, три кораблички,
Ах и, добрый мо... добрый молодец,
Кораблички не поро... ай, й-они не порожние,

10. Не порожние,—
Ай да, как на первый-то,
Вот-и, был кора... был корабличек,
Корабличек с свинцом-по... ай, вот-и, с свинцом-порохом,

11. С свинцо́м-порохом,
Ай да, на другой-то бы
Корабль вон зала... вон залаживал,
Корабличек с мелким зе... ай, будто с мелким земчугом,

12. С мелким земчугом,
Вот красная девица,
Она добра мо... добра молодца,
Молодчика й-обоспо... ай, й-она обоспорила [1],

13. Обоспорила:
Ох-и, подняла ж его
Она на бялы, на бялы руки
Да на землю его бро... ай, да на землю бросила,

14. Вот-и, бросила,
Ой да, как и тут-то бы
Удал добрый мо... добрый молодец
Такуя-то речь возго̀... ай, вот-и, речь возго́ворил,

15. Речь возго́ворил:
«Ох-и, пропадай-жа вы,
Мои три кора... три кораблички,
Кораблички не поро... ай, мои не порожние,

16. Не порожние,
Ох-и, пропадай жа ты
Вот силушка си... сила сильная,
Вот волюшка моя во... ай, вот волюшка вольная!»

Станица Нагавская, 1904.

[1] «Обоспорила» — обспорила, переспорила.

51. АЙ, УЖ ВЫ, ГУСЛИ МОИ, ГУСЛИ ЗВОНКИЕ

Братья разбойники и сестра

Умеренно ♩ = 108

Запев

Женские голоса

1. Ай, уж вы, гу - сли мо -
2. Ай, за - и - грай - тя вы

Все

- и, ей, гу - сли звон - -
мне, ей, пе - сню но - -

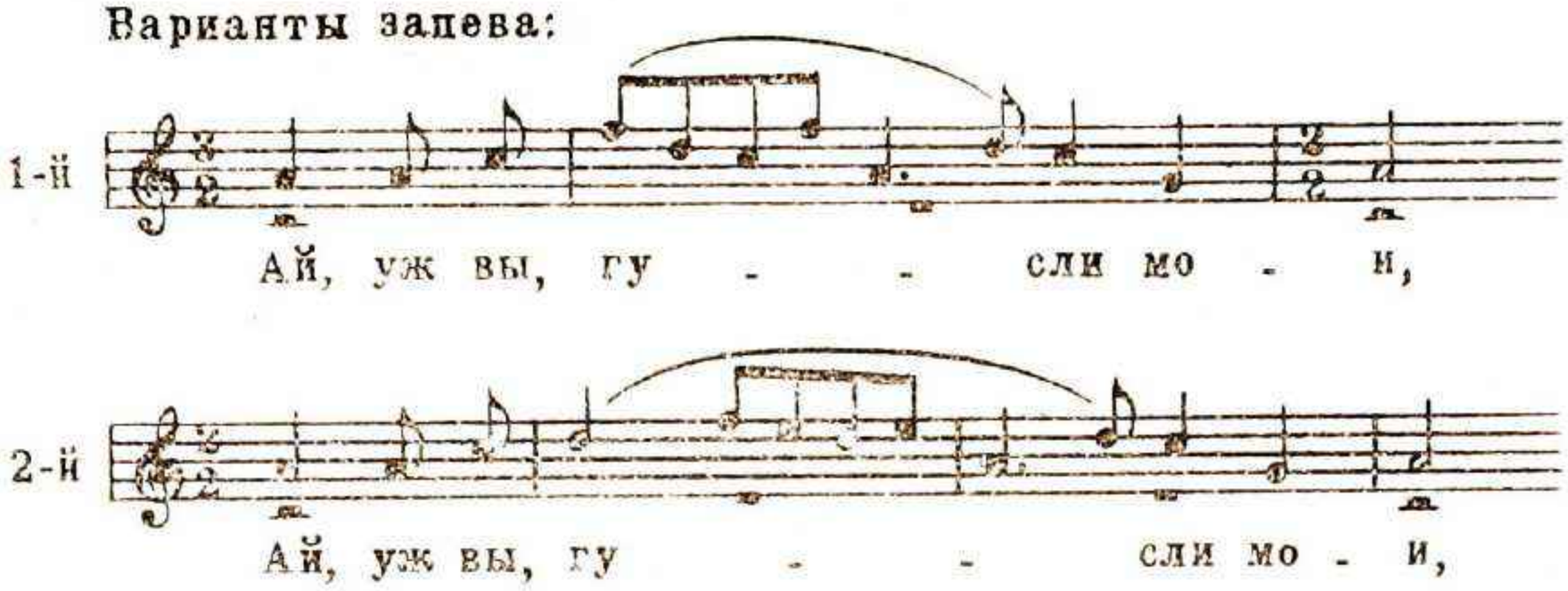
- ка - и,
- ва - ю.

un.

за - и -
Как во

- грай - - тя вы мне,
по - - лю - шке,

Варианты запева:



1. Ай, уж вы, гусли мои, гусли звонкие,
Заиграйтя вы мне песню новую! [1]
Как во полюшке, во полянушке
Там жила да была молодая вдова.
5. Удовою жила — горя мыкала,
А как замуж пошла — слёз прибавила;
А прожила-то вдова ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет, еще три года;
Прижила-то она себе девять сынов
10. Да десятую дочь несчастную.
Как и братцы сястру возлелеяли,
Возлелеямши, во разбой пошли,
Своей маменьке все наказывали:
«Не аддай ты сястру во чужи люди!»
15. Как и мать-то сынов не послушала,
Не послушамши, замуж выдала
За такого купца за богатого,
За Марьянушку за Марьяновича,
За три полюшка за три чистого,
20. За три морюшка за три синего.
Вот и год-то прошёл, и другой-то прошёл,
А на третим году спородила сынка.
На четвёртом году ей истошнилася,
Ей истошнилася да и сгрустнулася

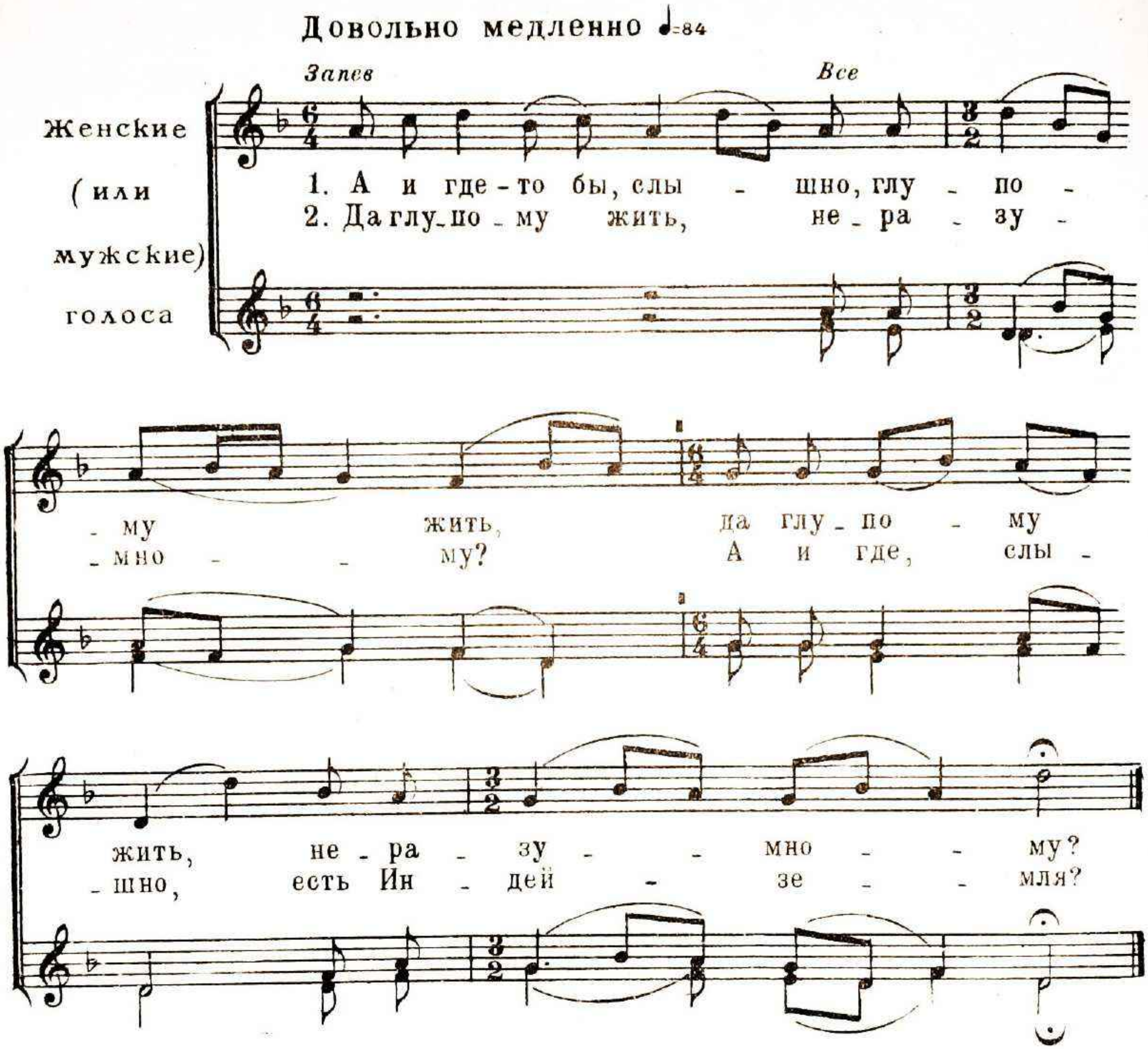
[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется для запева. Каждый запев начинается с «ой» или «ай».

По родимой-то по сторонушки:
«Ты, Марьян, ты, Марьян да Марьянович!
Доставай жа ключи от конюшеньки,
Выводи ты, Марьян, тройку карых коней, —
Мы поедем с тобой к моей маменьке,
К моей маменьке, к твоей тешшице!»
Вот и день ехали, и другой ехали,
А на третий-то день приморилися,
Приморилися, становилися
Во темным-то лесу, на зелёном лугу,
На зелёном лугу, близу реченьки.
Нападали на них всё разбойнички:
Они мужа её призарезали,
А сыночка её в воду бросили,
Молодуя жану во полон взяли.
Наступала-то ночь, ночка тёмная,
Ночка тёмная, ночь осенняя,—
Все разбойнички улеглися спать.
Как один-то не спит, думу думает,
Молодуя вдову всё успрашивает:
«Ты скажи-ка, скажи, молодая вдова,
Чьего роду ты, чьего племени?»
«Как и роду-то я не господского,
Не господского, не поповского,—
Как простого-то я роду-племени,
Роду-племени крестиянского:
У меня-то было девять братцев родных;
Как и братцы мене возлелеяли,
Возлелеямши, во разбой пошли;
Мене маменька замуж выдала,
За такого купца, за богатого,
За Марьянушку за Марьяновича!»
«Уставайте скорей, братцы родные!
Мы какуя бяду-то наделали:
Свово зятюшку мы зарезали,
А племянничка в воду сбросили,
А роднуя сястру во полон взяли!»
Как сы той-то бяды испужалися все,
Испужалися да разбежалися.

Станица Усть-Белокалитвенская, 1899—1900, 1905.

52. А И ГДЕ-ТО БЫ СЛЫШНО

Индей - земля и Индрик - зверь



1. А и где-то бы, слышно, глупо́му жить,
Да глупо́му жить неразумному? [1]
А и где, слышно, есть Индей-земля,
Индей-земля, всё богатая?

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется в начале следующей строфы.

Как и много там злата-серебра,
Да, на, больше того доброго земчуга.
Во Индей-земле степя́ дикие,
Степя́ дикие, ляса тёмные.
Да во тех лясах живёт Индрик-зверь:
На нём шорсточка вся земчужная,
А и грива-хвост позлачёная,
А копытца в него всё булатные,
Из ноздрей у него огонь пышет,
Из ушей у него идёт дым столбом.
Он и бегает пить вы Тарью-речку,
Он бежит, бежит — вся земля дрожит.
Прибегает он вы Тарью-речку,
Забродит он да по щёточку,
Он и воду пьёт, как ушатом в себе льёт.
Как Тарья-речка сколыхалася,
Сколыхалася, раскачалася,
Раскачалася на двенадцать вёрст.
На крутых горах там и львы свищут,
На сырых-то дубах всё орлы скрыжут.

Станица Арженовская, 1903.

53. ОЙ ДА, ЧТО НЕ ПЫЛОЧКА

Индрик-зверь и богатырь-охотник

Умеренно медленно ♩=100

Запев

Мужские голоса

1. Ой да, что не пы - ло -
2. Ой да, по - ды - ма - ла -

Все

- чка во чи - стом - то по - ле
- ся во чи - стом - то по - ле

у нас по - ды - ма... - - - по - ды -
что ста - да звя - ри... - - - ну, звя -

- ма - ла - ся, е- ой да, по - ды -
- ри - на - я, е- ой да, на - йу -

1. Ой да, что не пылочка во чистом-то поле
   У нас подыма... подымалася,

2. Ой да, подымалася во чистом поле,
   Что стада звяри... что звяриная [1].

3. Ой да, на й-устречу ей, этой стадушке,
   Ой да, бяжит И... бяжит Индрик-зверь.

4. Ой да, на нём шорсточка, на том Индричку,
   Она не звяри... не звяриная,

5. Ой да, как и рожечки да на Индричку,
   Они позлачё... позлачёные,

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего повторяется. (Примечание редактора)

6. Ой да, ну, отросточки да на рожечках
Они посребрё... посребрёные,

7. Ой да, ну копытца в него, да у Индричка,
Копытца була... всё булатные,

8. Ой да, ну ляжит-то на нём, да на Индричку,
Седельца черке... ну черкесская.

9. Ой да, ну бяжит-то бяжит этот Индричек,
Бяжит, извива... извивается,

10. Ой да, в него гривочка, да у Индричка,
Грива развива... развивается.

11. Ой да, как на нём-то гони́т, да на Индричку,
Го̀нит млад охо... млад охотничек,

12. Ой да, млад охотничек да на Индричку
Молодой донской, донской казачёк.

13. Ой да, в него плечики, что в охотничка,
Плечики коса, всё коса сажень,

14. Ой да, между глаз-то в него, что в охотничка,
Будто больше трёх, больше трёх пядей,

15. Ой да, вышиною-то млад охотничек
Будто выше трёх, выше трёх сажней.

16. Ой да, подбегает он, вот звяринушка,
Только кы Дарье, кы Дарье-реке,

17. Ой да ну забродит он, всё звяринушка,
Толичка по щё... да по щёточку, —

18. Ой да, как Дарья-река сколыхалася,
Она раскача... раскачалася,

19. Ой да, раскачалася, разбегалася
Она на двена... на двенадцать вёрст.

Станица Мариинская, 1911.

54. АЙ, ЧТО ВОЗДÒЛЕКО БЫЛО

Индрик-зверь на Сыр-Дарье реке

Умеренно скоро ♩ = 108

[Запев 1-й]

Женские голоса

Мужские

1. А - ай, что воз - до́ - ле - ко бы -

[Все]

- ло, воз - да - ле́ - чень - ко,

2. буд - то не ку - ра,

бы - ло во - чи - стом - то по - ле,

ку - ра по чи - стом - то по - лю,

бы - ло во - чи - сто...

ку - ра по - ды - ма...

Конец

бы - ло во чи - стом по - ле.
ку - ра по - ды - ма - ла - ся.

Запев 2-й и последующие

1. Ей,
2. Ей,

бы - ло во чи -
ку - ра по - ды -

Все

- стом по - ле, ай,
- ма - ла - ся, ай,

вот бы, что не пыль (2.)
буд - то не зве - ри... (3.)

1. Ай, что воздо̀леко было, воздалѐченько,
Было во чисто̀м-то поле,
Было во чисто... было во чисто̀м поле,

2. Ей, было во чисто̀м поле,
Ой, вот бы, что не пыль, будто, не кура,
Кура по чистом-то полю,
Кура подыма.., кура подымалася,

3. Ей, кура подымалася,
Ай, будто, не звери... не звериная,
Вот бы эта стадица,
Стада собира... стада собиралася,

4. Ай, стада собиралася.
Ай, вот бы, впередѐ, впередѐ его,
Вот бы, того стадечка,
Ну бежит звери... ну, бежит зверинушка,

5. Ай, ну, бежит зверинушка.
Ай, вот бы, ну, бежит впередѐ бежит
Вот этот зверинушка,
Под ним всё земля, под ним всё земля дрожит,

6. Ай, под ним всё земля дрожит.
Ай, будто, на нём шо... на нём шорсточка,
На этом на Индричку,
Будто, не звери... будто, не звериная,

7. Ай, будто, не звериная,
Ах, вот бы на нём ро... на нём рожечки,
На этом на Индричку,
Рожечки да сере... рожечки серебряные,

8. Ай, рожечки серебряные.
Ах, ой да, ну, отро... ну, отросточки,
На этих на рожечках,
Будто позлачё... они позлачёные,

9. Ай, они позлачёные.
Ай, вот бы, из ушей, из ушей в него,
Во этого Индричка,
Только дым столбо... только дым столбом валит,

10. Ай, только дым столбом валит.
Ай, вот бы, из ноздрей ну-ка, изо рта
У того зверинушки
Будто пышет по... вот жаркая по̀ламья,

11. Ай, вот жаркая по̀ламья.
Ай ой да, ну, бежит, толичка бежит,
Бежит этот Индричек,
Бежит извива... бежит извивается,

12. Ай, бежит, извивается.
Ай, будто в него грива с хвостом
По чистом по полюшку,
Она развива... грива развивается,

13. Грива развивается.
Ах, ой да, за ним толичка гони́т,
За этим за Индричком,
Го̀нит млад донской, го̀нит млад донской казак,

14. Ай, го̀нит млад донской казак.
А эх, да вышиною-то казачёк,
То-то млад охотничек,
Только выше трёх, только выше трёх сажней,

15. Ай, только выше трёх сажней.
Ай да, у плечах, у плечах в него,
Этого охотничка,
Будто больше трёх, будто больше трёх аршин,

16. Ай, будто больше трёх аршин.
Ах, ну-ка, между глаз толичка в него,
В этого охотничка,
Будто больше трёх, будто больше трёх пядей,

17. Ай, будто больше трёх пядей.
Ах, ой да, прибега... прибегает он,
Вот бы этот зверинушка
Будто, к Сыр-Дарье, будто, к Сыр-Дарье-реке,

18. Ай, будто к Сыр-Дарье-реке,—
Ай, вот и, Сыр-Дарья-то река,
Она под зверинушкой,
Река взволнова... она взволновалася.

Станица Бело-Калитвенская, 1903

55. ОЙ ДА, ВВЕЧЕРУ, БРАТЦЫ

Туры златорогие

Умеренно скоро ♩ = 116 (𝅗𝅥 = 58)

Женские голоса

Мужские

Запев 1-й

Запев 2-й и после-дующие

1. А - ой да, ввече - ру, брат - цы, о - чень бы - ли пья... бы - ли пья - ны - е, как за - - ра... ду - ра, до - бры мо - лод - цы, чем жа мы по - хме... чем по - хме - лим - ся?

2. Чем, брат - цы, по - хме - лим - ся? За - бо - - ле... ли у нас, мо - лод - цев, буй - ны - е го - ло... ну, го - ло - ву - шки.

Все

1. Ой да, ввечеру, братцы,
Очень были пья... были пьяные,
Как заутра добры молодцы,
Чем жа мы похме... чем похмелимся,

2. Чем, братцы, похме... чем похмелимся?
Заболели у нас, молодцев,
Буйные голо... ну, головушки,

3. Буйные голо... вот, головушки,
Защемили у казàчушков,
Рятивы серде... вот, сердечушки,

4. Рятивы серде... вот, сердечушки.
Мы пойдёмтя в чисто полюшка,
Пойдём, разгуля... разгуляемся,

5. Пойдем, разгуля... разгуляемся,
Уж и выйдем мы, ребятушки,
Выйдем на висо... на висок курган,

6. Выйдем на висо... на висок курган.
Уж и глянем мы, поглянем-то,
Братцы, на все сто... на все стороны,

7. Глянем на все сто... на все стороны.
То не пыль, братцы, не кура летит,
В поле подыма... подымается,

8. В поле подыма... подымается,
Не туманушки, будто, во поле,
В поле расстила... расстилаются,

9. В поле расстила... расстилаются.
Там бегут, вот и, пробегают
Туры златоро... златорогие,

10. Туры златоро... златорогие.
Подбегают гнеды турушки,
Они кы синю, кы синю морю,

11. Туры кы синю, кы синю морю.
Во синём-то бы они морюшке
Воды напива... напивалися,

12. Воды напива... напивалися,
В зеленых-то во лужочках
Травы наеда... наедалися.

13. Они наеда... наедалися.
Приплывали гнеды турушки
Кы крутому бе... ну, кы бережку,

14. Кы крутому бе... они к бережку.
На сустрèчу турам мамушка
Тура златогри... златогривая,

15. Тура златогри... златогривая.
Ну, и стала-то гнедых турушков,
Стала она спра... стала спрашивать,

16. Стала она спра... стала спрашивать:
«Ну, и где жа вы, мои детушки,
Где были гуляли, где гуляли вы,

17. Где жа, мои турушки, погуливали?»
«Уж и были мы, были в Шахове [1],
Были мы у Ля... были в Ляхове [2],

18. Были мы у Ля... были в Ляхове.
Белорусскую мы земелюшку,
Всю её наскрось, всю наскрось прошли,

19. Всю её наскрось, всю наскрось прошли.
На белой-то бы да на зореньке
Были в стольном Ки... в стольном Киеве,

20. Были в стольном Ки... в стольном Киеве,
Ну, нигде жа такой диковины,
Братцы, мы не ви...мы не видели,

21. Нигде мы не ви... мы не видели:
На широкой бы светлой площади
Стояла там де... будто, девица,

22. Стояла там де... красна девица.
Во руках-то держит девица
Книгу незнако... незнакомую,

23. Книгу незнако... незнакомую.
Сама плачет, красна девица,
Плачет, как река, как река льётся,

24. Плачет, как река, как река льётся:
Вот придёт-то на нас победушка,
Да на наш славный Киев, славный Киев град!»

Станица Филипповская, 1904.

---

[1] В «Шахове» — в земле шаха персидского.
[2] В «Ляхове» — у ляхов (в Польше).

56. ДА ВО ПО́ЛЕ, ВО ПО́ЛЕ

Спор сокола с конём

1. Да во поле, во поле, во чистóм поле[1],
   Да там рос, вырастал сыр зелёный дуб.
   Да у дуба корешики булатные,
   Да у дубика шкорочка жестяная,
5. Да у дуба отросточки хрустальные,
   Да у дубика листушки бумажные,
   А жолудики у дуба позлачёные,
   А и маковка с верхушкою земчужная,
   Да на дубику гнездо соколиная,
10. Да под дубиком стойлица кониная.
    Позаспорил соколик сы добрым конём,
    Не об сто-то рублей, да не об тысячу,—
    Да об буйных своих-то об головушках:
    Как бежать до того места й-урочного,

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется в начале следующей строфы. (Примечание редактора.)

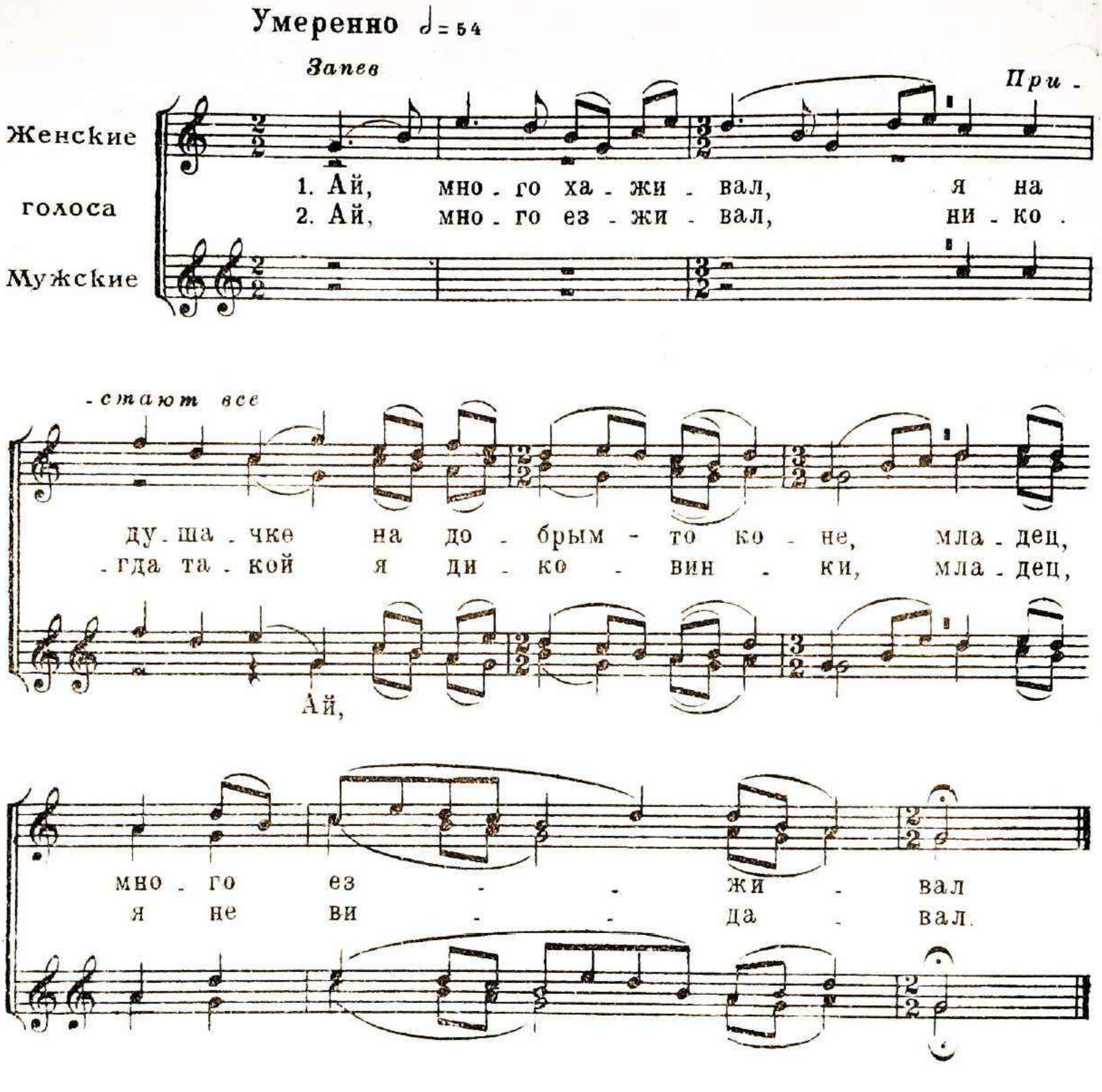
До того бы лужочка до зелёного,
До того ли колодезя холодного.
«Ну, тебе, добрый коник, по земле бежать,
А мне соколу, летать по-над небезью!»
Вот и конь-то бежит, вот, аж земля дрожит,
А соколик летит, вот, колокол звенит.
Прибегает конёчек до того места,
До того ли до места до й-урочного,
До того было луга до зелёного,
До того ли колодца до холодного.
Шелковой травы коник наедается,
Ключевой-то водицы напивается.
Как и час-то стоит, и другой стоит,
Как у третьим часу да сокол летит:
«Ну, иде же ты, соколик, позамешкался?»
«Как летел я, соколик, по-над небезью,
А навстречу мне стадо гусей-лебедей.
Да разбил, разогнал я эту стадушку,
Я убил, ушиб, сокол, бела лебедя.
Сы того-то я, сокол, позамешкался,—
Ты прости, мне, прости жа, душа, добрый конь».
«Я прощаю, соколик, все вины твои
За твою молодецкую ухватушку!»

Станица Усть-Быстрянская, 1902, 1904.

57. АЙ, МНОГО ХАЖИВАЛ

Спор сокола с конём

Вариант Мариинский



1. Ай, много хаживал,
   Я на душечке на добры́м-то коне,
   Младец, много езживал.

2. Много езживал.
   Никогда такой я диковинки,
   Младец я не видывал.

3. Я не видывал.
   Как наехал-то я на чудочку,
   На славный на сы́рый дуб,

4. Да на сы́рый дуб.
   Как у сыра-то, у дубочика
   Корешки булатные,

5. Ну, булатные,
Как у сыра-то у дубочика
Шкорочка железная,

6. Вот железная,
Как у сыра-то у дубочика
Веточки хрустальные,

7. Ну, хрустальные,
Как у сыра-то у дубочика
Листушки бумажные,

8. Вот, бумажные,
Как маковочка у дубочика
Была позлачёная,

9. Позлачёная.
Как под дубиком, под сырым дубом
Лежит бел-горюч камень,

10. Бел-горюч камень.
Бел-горючий-то лежит камушек
Лежит камень проклятый,

11. Камень проклятый,—
Прокляла его мать-сыра земля,
Прокляла сыра земля,

12. Мать-сыра земля.
Как на том-то бы на дубочику
Гнездо соколиная,

13. Соколиная,
Под сырым-то ведь под дубочиком
Стойлица кониная,

14. Ну, кониная.
Как соколик-то сы добрым конём
Чтось-то поразмолали,

15. Поразмюлали,
Поразмоламши сы соколиком
Они позаспорали

16. Позаспорали,
Не об сто рублей да заспорали,
Они не об тысячу,

17. Не об тысячу,
Как заспорали сокол с коником
Об своих головушках,

18. Об головушках:
Как конёчику, коню доброму,
Бежать по сырой-то земле,

19. По сырой земле,
А соколику, ясну соколу,
Лететь по-над нёбезью,

20. По-над нёбезью.
Прилетала-то кы соколику
Его сестра родная.

21. Сестра родная,
Как сестрица-то да соколику
Она речь возговорит,

22. Речь возговорит:
«Не табе-то ли, млад ясмён сокол,
Всё с конём заспоровать,

23. Всё заспоровать:
Душа добрый конь, он бежать будет,
Бежать по сырой земле,

24. По сырой земле;
Горы крутые душа добрый конь
Будет перепрыгивать,

25. Перепрыгивать,
Леса тёмные душа добрый конь
Будет между ног пущать,

26. Между ног пущать!»
Как конечек-то, душа добрый конь,
Бежит, аж земля дрожит,

27. Аж земля дрожит,
А соколик-то, млад ясмён сокол,
Летит,— увесь лес шумит,

28. Увесь лес шумит.
Добегает-то душа добрый конь
До места урочного

29. До урочного,
До того-то ли до лужочика
Славного зелёного

30. До зелёного,
До того-то бы до колодезя,
До того холодного,

31. До холодного.
Как напился-то да наелся конь,
Наелся, на стойле стал,

32. Да на стойле стал.
Прилетает-то млад ясмён сокол
До места урочного,

33. До урочного.
Вот и падает млад ясмён сокол
Коню во резвы ноги,

34. Во резвы ноги:
«Ты прости мене, ясна сокола,
Прости, душа добрый конь,

35. Душа добрый конь!»
Как конёчек-то всё соколика
Начал его спрашивать,

36. Начал спрашивать:
«Ну, иде жа ты, млад ясмён сокол,
Игде ты замешкался,

37. Ты замешкался?»
«Как летал-то я, млад ясмён сокол,
Летал на синём море,

38. На синём море,—
Да убил-то я, млад ясмён сокол,
Убил бела лебедя,

39. Бела лебедя,
Оборвал таперь, обшшипал его
Да и сел позавтракал,

40. Сел позавтракал,—
Сы того-то бы, душа добрый конь,
Сы того замешкался,

41. Вот замешкался:
Ты прости мене, ясна сокола,
Раздушечка, добрый конь,

42. Душа добрый конь!
Не руби жа ты, душа добрый конь,
Мою буйну голову,

43. Буйну голову,—
Ты возьми себе, душа добрый конь,
Мою сестру родную,

44. Сестру родную:
Я таперича, млад ясмён сокол
Буду я твой меньший брат!»

Станица Мариинская, хутор Большой, 1902 1911.

58. ОЙ, ДА НА РОВНОЙ НА ПЛОЩАДИ

Спор сокола с конём

Вариант Ильичевский

Очень медленно ♩ = 56

[Запев 1-й]

Женские голоса

Мужские

1. Ой, да на ров - ной да на пло...
1. Ай,

[Все]

да на пло - ща - ди, ей,
(2.) да на ду - би - ку, ей,

да сто - ял сыр да зе - лё... (ё,)
да ве - то - чки да хру - ста... (ё,)

(ё,) да сто - ял сыр да зе -
(ё,) да ве - то - чки все хру -

1. Ой да, на ровной да на пло... да на площади,
   Да стоял сыр да зелё...,
   Да стоял сыр да зелё... сыр зелёный дуб,
2. Ай, ну, зелёный дуб.
   Как на этим на ду... да на дубику,
   Да веточки да хруста...
   Да веточки всё хруста... ну, хрустальные,
3. Ай, ну, хрустальные.
   Как на этих да на ве... ну, на веточках,
   Да листочки да бума...
   Да листочки да бума... ну, бумажные,
4. Ай, ну, бумажные.
   Как у этого у ду... ну, у дубика
   Да макушечка золочё...
   Да макушечка золочё... золочёная,
5. Ай, золочёная.
   Да у этого у ду... ну, у дубика
   Да корешики була...
   Да корешики була... ну булатные,
6. Ай, ну, булатные.
   Как под этим да под ду... ну, под дубиком
   Да стоит стойлица кони...
   Да стоит стойлица кони... ну, кониная,
7. Ай, ну, кониная.
   Как на той-то на маку... на макушечке
   Да гнездо она соколи...
   Да гнездо она соколиная,

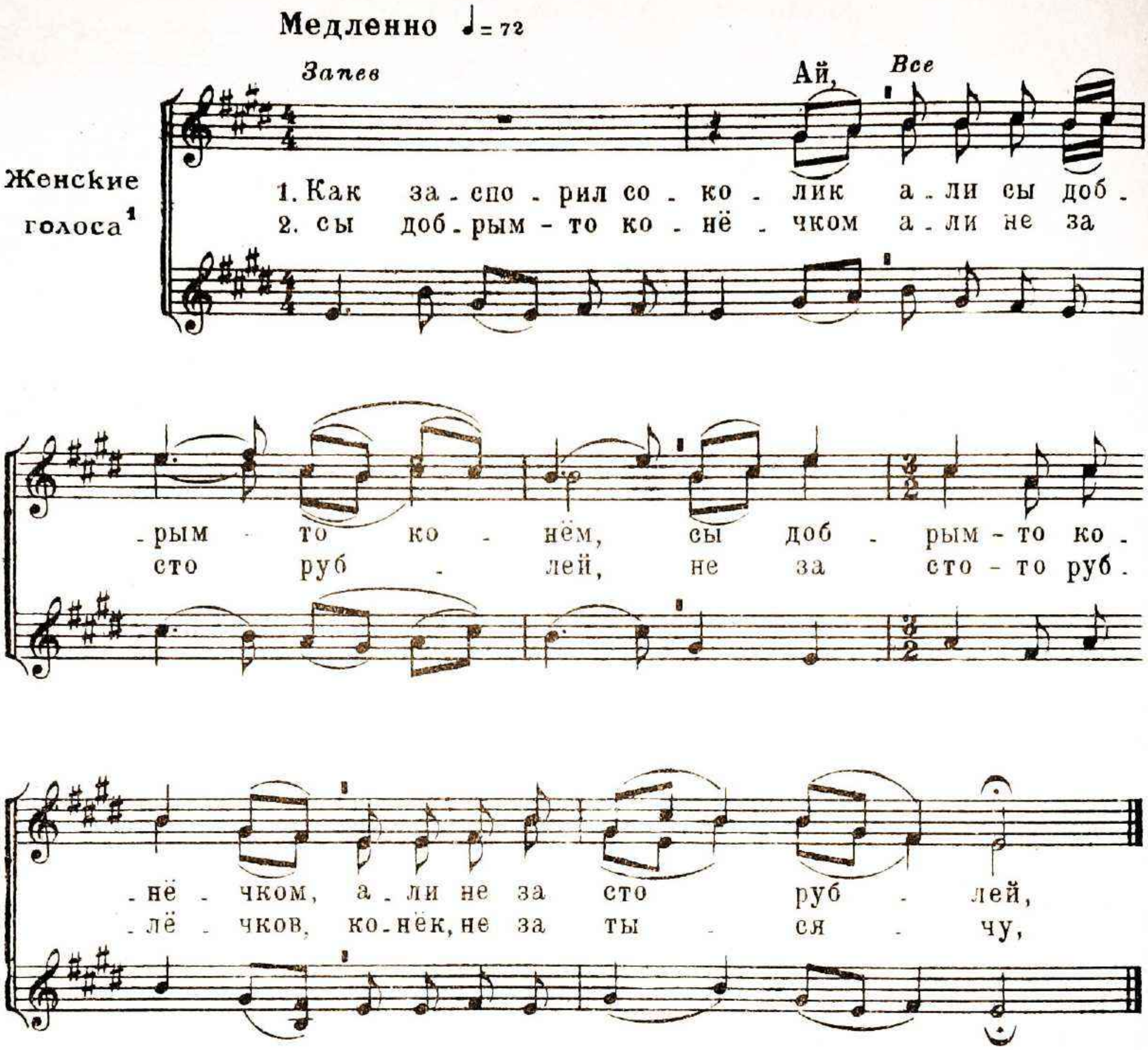
8. Ай, соколиная.
Вот и млад толичка ясмён, млад ясмён сокол,
Да с конём они позаспо...
Да с конёчком позаспорили, позаспорили,
9. Ай, позаспорили,
Не об ста рублей, не об ты... не об тысячу,—
Об своих об буйных голо...
Об своих-то буйных голо.. об головушках,
10. Ай, об головушках:
Как бежать до места уро... до урочного,
До колодезя до холо...
До колодезя до холо... до холодного,
11. Ай, до холодного;
Ка̀к коню бежать зелены́... зеленым лужком,
А соколику по-над не...
А соколику по-над не... по-над небезью,
12. Ай, по-над небезью.
Как конёк бежит, что земля, что земля дрожит,
А сокол летит — колоко...
А сокол летит — колоко̀л, колоко̀л звенит,
13. Ай, колоко̀л звенит.
Ну, конёк речки переплы... переплы́вает,
Круты ерики перепры...
Круты ерики перепры... перепрыгает,
14. Ай, перепрыгает.
Прибежал коник до месте... до местечика,
До местечика до уро...
До того ли до уро... до урочного,
15. Ай, до урочного:
Шелково̀й травы наеда... наедается,
Студеной воды напива...
Студеной воды напива.. напивается,
16. Ай, напивается.
Вот и час стоит, и другой... и другой стоит,
А на третьем часу соко̀...
А на третьем часу соко̀... ну, соко̀л летит,
17. Ай, ну, соко̀л летит.
Как летит соколик проща... ну, прощается:
«Ты прости меня, коник ла...
Ты прости меня, коник ла... коник ласковый,
18. Ай, коник ласковый!
Не казни меня, не руби, не руби меня,
Да на белый же свет пусти,
Да на белый же свет пусти, ты пусти меня,
19. Ай, ты пусти меня.
Налетел я на гусей ле... гусей лебедей:
Оттого-то я призаме...
Отого-то я призаме... призамешкался».

Станица Екатерининская, ныне Красно-Донецкая,
1898—1902; 1904—1905.

59. КАК ЗАСПОРИЛ СОКОЛИК

Спор сокола с конём

Вариант Косовский



1. Как заспорил соколик
   Али сы добрым-то конём [2],

2. Сы добрым-то конёчком
   Али не за сто рублей,

3. Не за сто-то рублёчков,
   Конёк, не за тысячу,

---

[1] Может исполняться и мужскими голосами.
[2] Все двустишия, кроме первого и последнего, повторяются.

4. Да заспорил соколик
Об буйных головушках:

5. До того бы местечка
Бежать до урочного,

6. До того ли дубочка,
Дубочка зелёного.

7. Побежал-то конёчек,
Аж земля затряслась,

8. Полетел-то соколик,
Аж крылушки загули.

9. Побежал-то конёчек
Али до того-то места,

10. До того бы местечка
Али до урочного,

11. До того-то колодезя
Али до стюдёного.

12. Прибегая конёчек,
Конёк кы колодезю:

13. Вот и час-то стоит
Конёк, и другой-то стоит,

14. Как на третий часочек
Соколик подлётывает.

15. Прилетал-то соколик
Али до того бы места,

16. Вот и падал конёчку
У резвые ноженьки:

17. «Ну, и я-то, конёчек,
Али я проспорился!

18. Не руби, ты, конёчек,
Буйную головушку,

19. Отруби же, конёчек,
Летучие крылушки,—

20. Уж и буду, соколик,
Ходить по сырой по земле».

Станица Екатерининская, хутор Косов, 1900—1901, 1904

60. ОЙ ДА, НУ, КАК ПО́ МОРЮ-ТО БЫЛО

Орёл и стадо лебединое

1. Ой да, ну, как по морю-то было,
   Ей, по морюшку синему,
   Вот и, там плыла эта стадушка,
   Ей, стада лебединая.

2. Ой да, ну, не трохнется стадушка,
   Ей, она не шелохнется,
   Вот и, ну, не трохнется белая,
   Ей, она не шелохнется.

3. Ай да, ну, окунется стадушка,
   Ей, она поцелуется,
   Вот и, ну, окунется белая,
   Ей, она поцелуется.

4. Ой да, ну, откель взялся на стадушку,
Ей, взялся млад сизой орёл,
Ай да, откель взялся на белую,
Ей, вот и млад сизой орёл.

5. Ой да, он разбил, разбил, разогнал,
Ей, стаду лебединую,
Вот и, он разбил, орёл, разогнал
Ей, стаду лебединую.

6. Ой да, он убил во той стадушке,
Ей, вот белого лебедя,
Вот и, он убил, убил в стадушке,
Ей, вот белого лебедя.

7. Ой да, завдовил млад сизой орёл,
Ей, белую лебёдушку,
Вот и, посиро́тел малых деточек,
Ей, вот бы лебедяточек.

8. Ой да, ну и кровь, ну и кровь пустил,
Ей, пустил по синю морю,
Ой да, он и пух, он и пух пустил,
Ей, пустил по-над небезью.

9. Ой да, ну, и пёрушки он пустил
Ей, пустил по-над бережком,
Вот и, ну, белые пёрушки,
Ей, пустил по-над крутеньким.

Станица Трех-Островянская, 1903, 1921.

61. АЙ, ДА ЛЕТАЛ-ТО ЛЕТАЛ

Орёл и орлинушка

1 До-чуть повышенное.

1. Ай, да летал-то, летал
   Млад сизой-то орёл,
   Он да по кра... он по край моря.

2. Ай да, он, летаючи,
   Млад сизой-то орёл,
   Сам да сыста... сам сыстарился [1].

3. Ай да, пробивала его
   Да сединушка
   Между си... между сизых крыл.

4. Ай да, побелела его
   Да головушка,
   Ровно бе... ровно белый снег.

---

[1] Каждое трёхстишие, кроме первого и последнего, повторяется. (Примечание редактора).

5. Ай да, потусмели в него,
Да сизого орла,
Ясны о... ясны оченьки.

6. Ай да, обломались в него,
Востры ко̀готки
Вплоть до па... вплоть до пальчиков.

7. Ай да, примахались в него,
Вот сизо̀го орла,
Резвы кры... резвы крылушки.

8. Ай да, ну летал-то бы он,
Вот сизой да орёл,
По круты... по крутым горам.

9. Ай да, залетел-то орёл
В горы крутые
Вот Каспи... вот Каспицкие.

10. Ай да, он искал-то искал
Млад сизой да орёл,
Себе ме... себе мѐстечка:

11. «Ай да, ну и где-то бы мне,
Вот сизому орлу,
Да свить гне...да свить гнѐздушка?

12. Ай да, где гнездо̀-то бы свить
Вот сизому орлу,—
Детей вы... детей вывести?»

13. Ай да, ну и свил-то гнездо
Млад сизой-то орёл
Вот на трё... вот на трёх дубах.

14. Ай да, прилетала к нему,
Вот, к сизо̀му орлу,
Дай орли... дай орлинушка.

15. Ай да, ну, садилась к нему
Вот орлинушка
Да под кры... да под крылушка.

Станица Ермаковская, хутор Крылов, 1902.

62. ЕЙ, ДА ТУМАН-ТО, ТУМАН СЫ МОРЯ

Сокол „гонит" за орлом

Медленно ♩=88

Запев

Мужские голоса

1. А - ей,
2. А - ей,

Все

да ту - ман - то, ту - ман
по - ды - ма - ли - ся, о - ни

сы мо - ря,
сы мо - ря,

ту - ман с мо - ря по - ды -
по - ды - ма - лись гу - си -

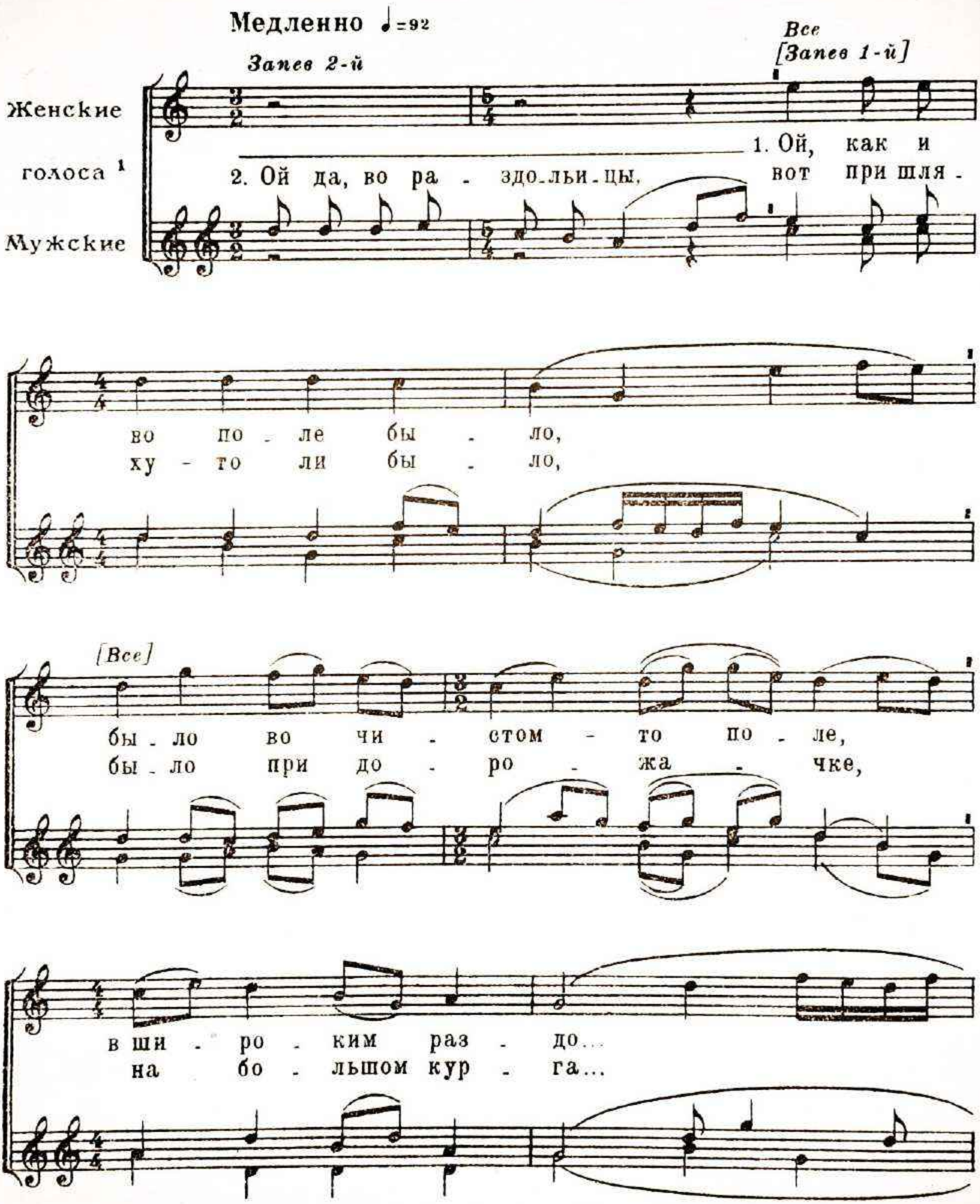
1 Подголосок без слов.

1. Ей, да туман-то, туман сы́ моря,
Туман с моря подыма... подымается,
2. Ей, подымалися они сы моря,
Подымались гуси-ле... гуси-лебеди,
3. Ей, подымалися гуси-лебеди,
Подымались утки се... утки се́рые;
4. Ей, ну не сами-то, не сами собой,
Не сами-то подыма... подымалися, —
5. Ей, млад сизого-то гуси-лебеди,
Они орла испужа... испужалися.
6. Ей, ну и млад сизо́й, толичка, орёл,
Орёл будто на пролё... на пролёт летит,
7. Ей, а за ним гони́т, за орёликом,
За ним го̀нит млад ясмён, млад ясмён соко̀л,—
8. Ей, он шумит, кричит вот ясмён соко̀л,
Шумит, кричит громким го... громким голосом:
9. «Ей, да и стой ты, стой, постой, обожди,
Обожди ты, млад сизо... млад сизой орёл, —
10. Ей, я не бить лечу, да не бить хочу,
Я, соколик, успроси... успросить хочу:
11. Ей, ну и где жа ты, где летал орёл,
Где летал ты, млад сизо... млад сизой орёл?»
12. «Ай, ну и я летал, млад сизой орёл,
Летал жа я по круты... по крутым горам,
13. Ай, по крутым горам вот летал орёл,
Летал жа я по дики... по дики́м степям,
14. Ай, ну видал орёл во дико̀й степи
У ключика у теку... у текучего,
15. Ай, да ещё видал у колодезя,
У колодезя стюде... у стюдёного,
16. Ай, ну видал я там, млад сизой орёл,
Видал белую лебё... ну, лебёдушку.
17. Ай, сы малыми сы детятами,
Сы белыми лебедя... лебедятами, —
18. Ай, ты ляти туда, млад ясмён соко̀л,
Ляти жа ты, не гони, не гони за мной!»

Станица Тишанская, 1903.

63. ОЙ, КАК И ВО́ ПОЛЕ БЫЛО

Сокол и соко́линка



1 Женские-высокие, мужские-высокие и низкие.

1. Ой, как и во́ поле было,
   Было во чистòм-то поле,
   В широки́м раздо... во раздо́льицы,
2. Ой да, во раздольицы,
   Вот при шляху-то ли было,
   Было при дорожечке,
   На большом курга... на кургашике,
3. Ой да, на кургашике,
   Ой, там лежал-то, лежал
   Во этой раздольицы
   Лежал бел-горю... бел-горюч камень,
4. Ой да, бел-горюч камень.
   Ой, как на этим-то было,
   На этим на камушке
   Сидел млад ясмё... млад ясмён сокол,
5. Ой да, млад ясмён сокол.
   Ой, прилетала бы к нему,
   Кы ясному соколу,
   Ясная соко... вот соко́линка,
6. Ой да, вот соко́линка,
   Вот и садилася ему,
   Ясному да соколику,
   На левую сто... ему сторону,
7. На левую сторону.
   Ой, под то́ю-то ли было.
   Только соколиную
   Да под сизую кры... вот под крылушку,
8. Под сизую крылушку.
   Ой, как и си́дучи она,
   Ясная да соко́линка,
   Ему речь возго... возго́ворит,
9. Вот и речь возго́ворит:
   «Ой, да на полно бы тебе,
   Полно, млад ясмён соко́л,
   Сидеть да на ка... да на камушке,
10. Ой, да на камушке, —
    Ой, ну и этот камушек,
    Этот бел горюч камень,
    Камушек закля... он заклят лежит,

11. Ой, ну заклят лежит:
Вот заклинала бы его,
Этот бел горюч камень,
Матушка сыра... мать сыра земля,
12. Ой да, мать сыра земля,
Ай, не надòлго-то она
Будто заклинала его,
Вот-бы, на пятна... на пятнадцать лет,
13. Ой да, на пятнадцать лет.
Ой, ну подымемся с тобой,
Млад ясмён соколик мой,
Вот подымемся да и полетим,
14. Ой да, полетим с тобой:
Ой, да и выше полетим,
Млад ясмён соколик мой,
Выше леса тё... леса тёмного,
15. Ой да, леса тёмного,
Ой, да и сядем жа с тобой,
Вот бы, млад ясмён сокол,
Да на сыр кудря... на кудрявый дуб.
16. Ой да, на кудрявый дуб:
Ой, как у сырого было
Дубочка кудрявого,
Присадушка соколи... соколиная,
17. Вот и, соколиная;
Ой, изукрашеный жа был
Вот этот зелёный дуб
Разными да мони... всё монистами [1],
18. Ой да, всё монистами.
Ой, как и листушки в него,
У сырого дубика,
Листушки бума... всё бумажные,
19. Листушки бумажные.
Ой, да и шкорочка на нём,
На сыром на дубику,
Шкорочка да жестя... всё жестяная,
20. Шкорочка жестяная.
Ой, как и веточки в него,
У сырого дубика,
Веточки да хруста... всё хрустальные [2].
21. Веточки хрустальные.
Ой, ну корешики в него,
У сырого дубика,
Корешики була... всё булатные».

Станица Нижне-Курмоярская, 1902, 1904.

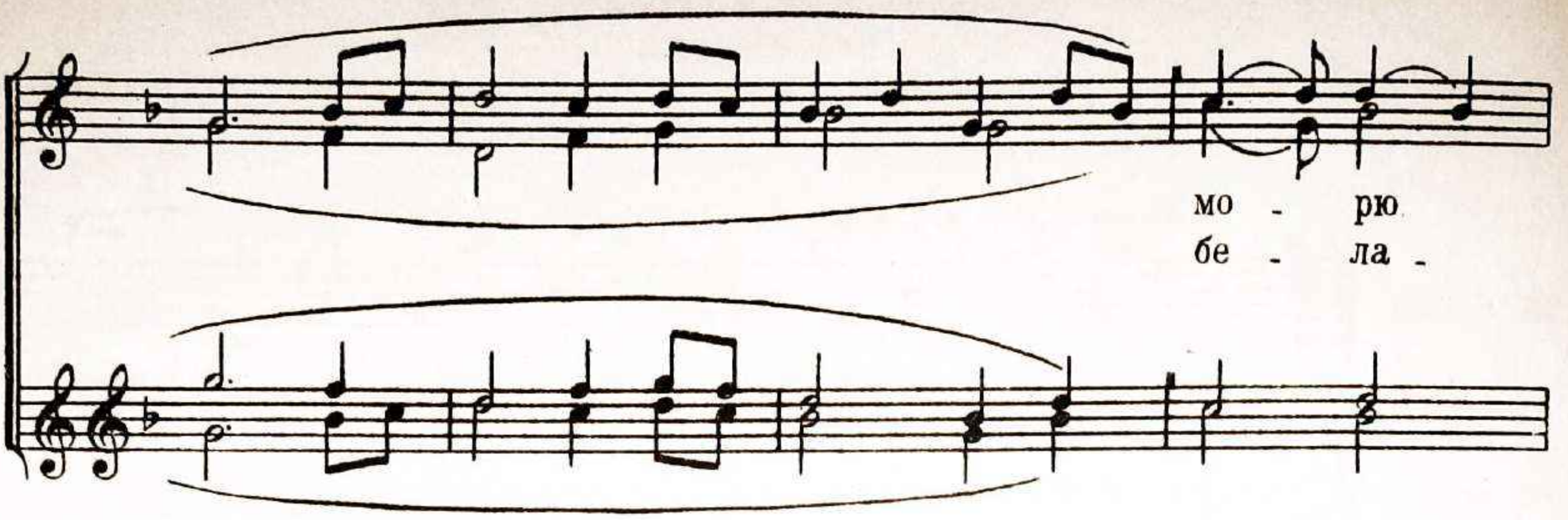
---

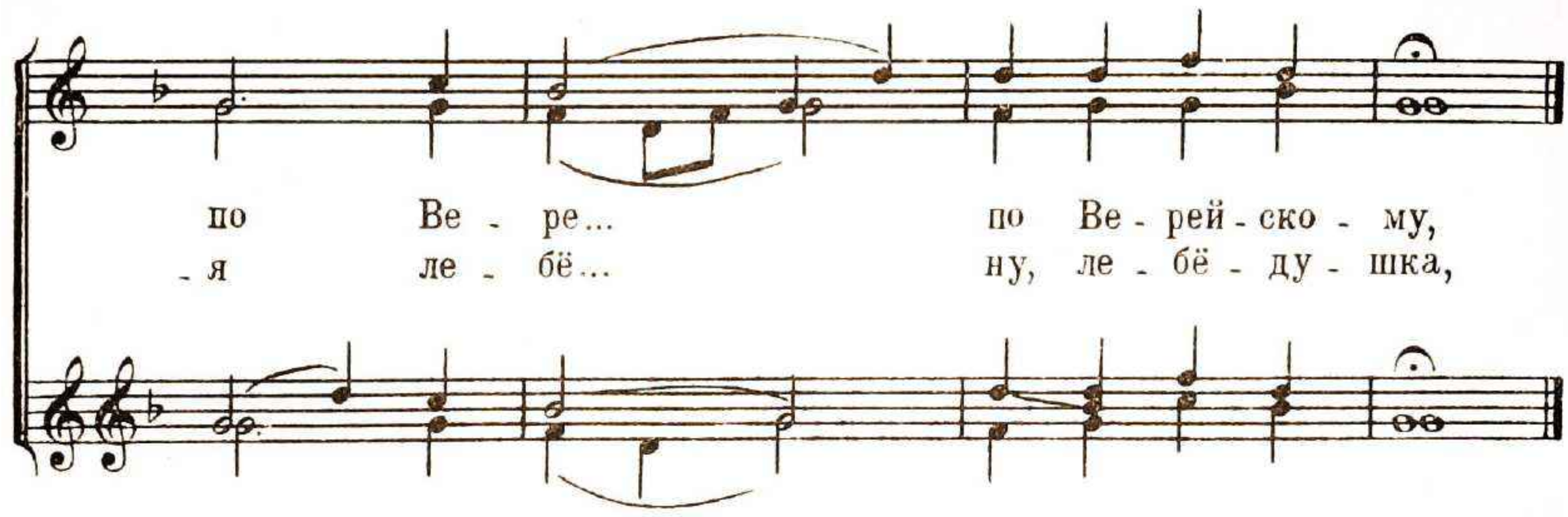
1 «Монистами»— вар. «украсами» — украшениями.
2 «Хрустальные» — вар. «сафòрные», «сахóрные» — сахарные.

64. ДА ПО МОРЮШКУ БЫЛО ПО ВЕРЕЙСКОМУ.

Лебёдушка и сокол

1 Заводит один из женских или мужских голосов (по своей партии)





1. Да по морюшку, да было морю по Вере...
   Морю по Вере... по Верейскому[1],
2. По Верейскому,
   Да там плавала, да плавала белая лебё...
   Белая лебё... ну, лебёдушка,
3. Ну, лебёдушка.
   Да она плавала, да не так-то сама слёзно пла...
   Сама слёзно пла... слёзно плакала,
4. Слёзно плакала.
   Жалобу творит да она жа на ясного со...
   На ясного со... ясна сокола,
5. Ясна сокола:
   «Да ты, глупенький, да сокол глупый, неразу...
   Глупый, неразу... неразумненький,
6. Неразумненький.
   Да за что ты, почто ты разбил стада лебеди...
   Стада лебеди... лебединая,

[1] Вар. «По яврейскому».

7. Лебединая?
Да и убил ты, убил да мово белого ле...
Вот белого ле... мово лебедя,
8. Мово лебедя,
Разорил, разгромил да мою же вот теплую гнё...
Вот теплую гнё... мою гнёздушка,
9. Мою гнёздушка.
Посирòтил ты да моих жа, моих малых де...
Моих малых де... малых детушек,
10. Малых детушек,
Малых детушек да моих жа малых лебедя...
Малых лебедя... лебедяточек,
11. Лебедяточек!»
«Да не плачь, не горюй, не горюй, белая лебё...
Белая лебё... ну, лебёдушка,
12. Ну, лебёдушка.
Узовьюся я, узовьюся вот бы выше о...
Вот бы выше о... выше облака,
13. Выше облака.
Полятю жа я да пущусь, вот бы млад ясмё...
Пущусь млад ясмё... млад ясмён сокол,
14. Млад ясмён сокол,
Полятю жа я, пущусь вот бы за'кия...
Вот я за'кия... окиян-мор
15. Окиян-моря.
Собяру, пригоню, пригоню жа стада гусей-ле...
Стада гусей-ле... гусей-лебедей,
16. Гусей-лебедей,
Да поставлю их, да поставлю, вот бы, в одну ли...
Вот бы, в одну ли... в одну линию;
17. В одну линию:
Выбирай жа ты, выбирай жа, белая лебё...
Белая лебё... ну, лебёдушка,
18. Ну, лебёдушка,
Выбирай себе, да по совести себе ле...
По совести ле... себе лебедя,
19. Себе лебедя!»
«Не найтить жа мне да по совести себе ле...
По совести ле... себе лебедя,
20. Себе лебедя,
Не найтить, не найтить да своим деткам отца ро...
Деткам отца ро... отца рòдного,
21. Отца рòдного.
Да как мой лебедь, да ведь он то-то был приме...
Лебедь был приме... был приметливый,
22. Был приметливый,
Да и мой-то лебедь через пёрушку позоло...
Ведь он позолоченый!»

Станица Бело-Калитвенская, 1900, 1905, 1911.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

(Цифрами обозначены №№ песен)

2. Эта песня была напечатана в сборнике «Песни донских казаков», выпущенном в 1911 г. Отсутствующие в ней строфы — 8, 9 и 14 — теперь восстановлены по черновику первоначальной записи 1903 года, в котором они несколько раз перечеркнуты. Видно, что песенники всё время сбивались и не могли дойти до конца. Строфы 10 и 11 записаны уже в 1936 году, в том же пункте, от М. М. Кубанцева, уже шестидесятилетнего старика, единственного оставшегося в живых из группы песенников 1903 года.

Напев и текст былинной песни о Кузютушке сближают ее с былиной об Илье Муромце (№ 1), записанной в станице Клетской. Между прочим, песенники одной из донской станиц говорили, что «песня эта про Добрыню». Однако, пятиизбянец М. М. Кубанцев, исполнявший былину вместе с другими в 1903 году, твердо помнит имя Кузютушки и последнюю строфу в 1936 году кончал так:

«Вот Кузьма-то казак, што ясьмён сокол,
На коне лятит»,

относя содержание песни к «старому казаку Кузьме Муровцу».

19. В настоящем варианте Калитвенской станицы не сохранилось имени пригожего молодца, но оно подсказывается предыдущим голубинским вариантом, близким к нему по содержанию. Настоящий вариант, несомненно, относится к циклу песен о любимом богатыре донских казаков — Дончаке — Добрыне Никитиче.

25. Это, повидимому, начало одного из многих вариантов былины об Алёше и Змее, который назван здесь Василием Тугарынем; в варианте, записанном в Пятиизбянской станице,— Василиском Угарычем.

35. Под именем Старого Старика, согласно комментарию автора «Былин Севера» А. М. Астаховой, здесь разумеется Ставр Годинович.

Упомянутая в песне Василиса Перекрасовна, жена старого старика Ставра Годиновича, — это, вероятно, переименованная донцами женщина-богатырка, по русской былине — «Поляница удалая» — Настасья Королевична — Настасеюшка, жена богатыря Дуная (Ю. М. Соколов, «Русский фольклор», 1938, стр. 252), Оче-

видно, к ней же относится и имеющаяся ниже под № 50 былина о богатырь-девице, поборовшей молодца.

36. В сборнике Истомина и Дютша, издания 1886 года, в былинном отделе под № 13 напечатана былина «Два любовника», содержанием и именами — Салфеюшка и Васильюшка — отдаленно напоминающая настоящую. Содержание ее следующее.

— Жило-то было девять дочерей. Все ходили во божью церькву, молились по лестовоцьке. Все сказали, что «Господи свет!» Васильюшка берет Салфеюшку за белы руки, ведет во божью церькву. Венчаются. Пьют чару. У Василья голову́шка болит, у Салфеюшки сердечушко щемит. У утру преставились. Их хоронят. На Василье вырастает ракитов куст, на Салфеюшке — купарис-дерево. Деревья совивалися, сплеталися.

41. Эта песня донских казаков-некрасовцев составлена из двух былин — о Севрюке (первые 29 стихов) и о Садко (остальные).

43. «Севрюк» донской былины — по русским былинам: Темрюк (Темрюкович), Кастрюк (Кастрюкович — Кастрюков сын), Кастрюк Темрюкович, Кастрюк-Мистрюк Севрюкович и т. д. (См. записи былин Гильфердинга, Рыбникова, Пальчикова и др.).

50. О борьбе девочки с молодцем есть ещё две вешние казачьи песни, записанные в станицах Каменской и Перекопской, но совсем иного содержания и иного склада, не говоря уже о напевах. Не есть ли эта богатырь-девица (без имени) Василиса Перекрасовна (см. выше № 35)?

52—64. Эпические песни о зверях и птицах.

К былинным песням о богатырях примыкают эпические песни о зверях и птицах, со времени первых собирателей на Севере — Гильфердинга и Рыбникова — обычно включаемые в число былин.

Песни эти — о Турах златорогих, об Индрик-звере, о Лебедушке, об Орле и Орлинушке, о Соколе и о споре Сокола с конем (№№ 52—64) у донских казаков-песенников в большом почете и во мнении их стоят так же высоко, как и песни о донских героях — Ермаке Тимофеевиче, Степане Разине, Иване Матвеевиче Краснощекове и других, или как былинные песни о старо́м казаке Илье Муромце, о Дончаке-Добрынюшке.

Ценность песен о зверях и птицах — в их большой законченности и стройности их фактуры — музыкальной и словесно-текстовой, в их поэтичности и возвышенности. Так же, как и донские былины и исторические песни донских казаков, эти песни о птицах и зверях казаками-песенниками с почтением именуются «старо-давними», «прадедовскими», «старинками» и подобными эпитетами.

Песенники Екатерининской, ныне Красно-Донецкой станицы, одни из лучших на Дону в прошлом, говоря о песнях соседней Усть-Белокалитве́нской станицы, после одного из ярмарочных состязаний песенников этих станиц в 1901 году, с уважением отмечали калитовскую песню о «Лебедушке и Соколе» (№ 64): «Калитва-то! Лебедушку как зачнет играть, день и ночь слухал бы да слухал! Любо, дюжа хорошо!»

Интересно о птицах и зверях в песнях замечание современника Пушкина — Н. И. Гнедича, поэта и переводчика «Илиады» Гомера.

«Нужно ли приводить доказательства,— пишет Гнедич,— что ни один из народов, которых словесность нам известна, не упоминал

с такой любовью в своих песнях о птицах, как русские и вообще, должно думать, племена славянские (доказательство — песни чехов и сербов). Соловьи, гуси, утки, ласточки составляют действующие лица наших песен, любимейшие сравнения древнейших произведений поэзии, начиная с «Слова о полку Игореве»[1].

Заметим с своей стороны, что в донском казачьем фольклоре птицы и звери: орлы, соколы, черный ворон, гуси-лебеди, лебедушки с лебедятами, а за ними «ла́ньи серые сы ланятами», туры златорогие, мифические Индрик-звери, соловьюшка рябокрыленький, кукушечка и т. д.— все они занимают особенное место. Наиболее же близким казаку и почетным в казачьих песнях лицом является добрый «служивский» конь, верный его товарищ и в горе и в радости. Он и в могилу провожает своего хозяина, он и поклон последний несет на Тихий Дон отцу-матери, роду-племени.

55. Онежская былина о Василье Игнатьевиче и Батыге, записанная в 1871 г. Гильфердингом, в первых 35 стихах рассказывает о турах златорогих, которые с турицей-мамушкою выходили во чисто́ поле. Случилось итти им мимо Киев-града и видят — чудо чудное, диво дивное: по киевской стене ходит красна девица, во руках носит книгу Леванидову и горько плачет. Возвратившись, туры рассказывают о чуде. Турица объясняет, что девица «ведает невзгодушку над Киевом».

Дальше по варианту Гильфердинга идет история нападения на Киев Батыги Сергиевича. Никого из богатырей нет в Киеве. Случилось быть там «голи кабацкой — Василею Игнатьевичу, горькому пьянице, пропившему всё житье-бытье своё. С похмелья у Василья головка болит, с перепою у Василья ретиво сердца̀ щемит, и нечем Василью опохмелиться».— Василий разбивает «Силу Батыги».

Донская былина о Турах начинается похмельем:

«Ввечеру мы, братцы, очень были пьяные,
Как заутра чем, братцы, похмелимся!
Заболели у нас буйные головушки,
Защемили у каза̀чушков ретивы сердечушки!».

«Знаменитый запев этой былины («О турах и турице»),— говорит проф. Андреев, комментируя былину, — «поется иногда и отдельно». Донская былина о «Турах златорогих» и является таким «отдельным», самостоятельным вариантом.

64. «Лебедушка» — одна из любимых и распространенных на Дону песен. Записана она в станице Бело-Калитвенской (на Донце в 1898 году), славившейся особенно проникновенным исполнением «Лебедушки».

А. М. Астахова, автор «Былин Севера» (изд. 1938 г.), комментируя настоящую былинную песню, говорит, что принадлежит она к циклу песен, изображающих взаимоотнсшения зверей и птиц. Как и большинство из них, отличается большой поэтичностью и лиризмом.

---

[1] Азадовский М. К., проф., «Литература и фольклор». Л., 1935 «Очерки и этюды».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН [1]

Александр Миркидонский (Македонский) 44.
Аленушка, жена Добрыни 11.
Алеша Попович, Алешунька 9, 10, 12, 13, 14, 15, 17, 23, 24.
Анельфа Тимофеевна, мать Добрыни 20, 23.
Аннушка, дочь княжелецкая 45, 46.
Батыга Сергиевич (Батый) 55.
Богатырь-девица 50.
Василий Игнатьевич, голь кабацкая 55.
Василий Тугарынь, Тугаринов 25.
Василиск Угарыч 25.
Василиса Перекрасовна-богатырь, жена Старого Старика (Ставра Годиновича) 35.
Василисушка Перекрасовна, свашка у Ивана Гардиновича 31, 32.
Васильюшка Буслаевич 42.
Володимер (Владимир) князь 18, 19, 20, 24, 25, 30, 31, 34, 35, 36, 40, 44.
Вольга (Ольга) Тимофеевна, свашка у Ивана Гардиновича 33.
Гречин Удалой 47, 48, 49.
Добрыня Никитич, Дончак, Добрынюшка 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 17а, 18, 19, 20, 21, 22, 31.
Долгоруков Васильюшко 36.
Дончак-Добрыня (см. Добрыня).
Дюк Степанович 27, 28, 29, 31, 32, 33.
Змей, Змей-Гориныч, Горинович 20, 21, 22, 23, 24.
Иван Гардинович, Иванушка 30, 31, 32, 33, 34.
Илья Муровец, Кузьма Муравиц, Мурович 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 17, 17 а, 20, 31.
Индрик-зверь 52, 53, 54.
Кастрюк Кастрюкович (см. Севрюк).
Кузютушка, Кузьма Муравиц (см. Илья Муровец).
Макарьевна 41.
Марина, Маринка 14, 20, 21.
Марфа Тимофеевна, мать Добрыни 13.

---

[1] Цифрами обозначены №№ песен

Марьян Марьянович, купец Марьянушка 51.
Микита, Микитушка, отец Добрыни 20, 21.
Настасеюшка, Настюшка Васильевна, невеста Ивана Гардиновича 31, 32, 33.
Настасьюшка, жена Добрыни 17а.
Садко-Садков 37, 38, 39, 40, 41.
Севрюк 41, 43.
Соломон-царь 36.
Софеюшка Премудрая (Салфеюшка) 36.
Старóй Старик (Ставр Годинович) 35.
Темрюк Темрюкович (см. Севрюк).
Тугарин (Змей Тугаринович) 22, 24, 26.
Угарович — богатырский сын 22.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[1]

Астрахань, город 21.
Белорусская земля 55.
Бессарабская область 49.
Вавилон, город 26.
Верейское («Еврейское») море 64.
Греческая земля 47, 48.
Дарья (Тарья) — река 52, 53, 54.
Дон, Тихий Дон 29.
Еруслав, город 36.
Индей-земля 52.
Казань, город 21.
Карачарово (Карачаево), село 3, 27.
Каспийские горы 61.
Киев, Киев-град, Киев Стольный 3, 4, 6, 18, 30, 31, 34, 35, 43, 45, 46, 55.
Крымская земля 48.
Куликовское поле 9, 10.
Москва 38, 41.
Новград 41.
Перекоп, город 48.
Русь 30, 38, 42.
Рязань, город 21.
Самародинка, речка 3, 4.
Туречина 15.
Царь-град 18, 30, 36, 37, 38, 40, 41.
Чернигов (Чарнигов), город 33.

[1] Цифрами обозначены №№ песен

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ БЫЛИН

№№ песен

52 А и где-то бы слышно.
26 Ай, в Вавилоне было.
1 Ай во городе что не стук стучит.
18 Ай во Царе-граде, стольном Киеве.
22 Ай, вот и, да не стук-то стучит.
8 Ай, вот и не светило солнышко.
12 Ай, вот и, ну, просился Добрынюшка.
33 Ай, все холостые поженилися.
36 Ай да, во славном-то было во Царе-граде.
49 Ай да, и был там, служил.
17 Ай да, не буйные ветерочики.
2 Ай да, не горы-то сы горами сыходилися.
4 Ай да, как во славном было во городе.
61 Ай, да, летал-то, летал.
45 Ай да, что по балочкам, по вершиночкам.
28 Ай, зародилась на многая множество.
42 Ай, как народился на святой Руси.
16 Ай, как служил-то Дончак.
43 Ай, кто бы, кто бы то дознал.
57 Ай, много хаживал.
44 Ай, согрешила нонеча.
51 Ай, уж вы, гусли мои, гусли звонкие.
54 Ай, что воздо́леко было.
56 Да во по́ле, во по́ле.
31 Да во славном бы́ло да во городе.
35 Да во славном было да во городе во Киеве.
64 Да по морюшку было по Верейскому.
17а Да поехал наш Добрынюшка.
24 Да у князя было, князя Володимера.
62 Ей, да туман-то, туман сы моря.
59 Как заспорил соколик.
20 Как и жил-то был Микита.
37 Как и пьет-то вот, пьет Садко.
23 Как у нас ноне солнце.
25 Как у славного у князя Володимера.
5 Ой, воздале́че было, воздалеченько.
55 Ой да, ввечеру́, братцы.

47 Ой да, вдоль по улице.
7 Ой да, воздале́че было.
34 Ой да, во славном было городе во Киеве.
3 Ой да, из славного было из города.
39 Ой да как во полюшке.
38 Ой да, как во славном, во стольном городе.
29 Ой да, как у нас-то было.
58 Ой да, на ровной на площади.
48 Ой да, ну, во Крымской было.
60 Ой да, ну, как по́ морю-то было.
30 Ой да, ну летал-то бы летал сизой орел.
19 Ой да, ну не белые снежочки.
46 Ой да, перезяб, передрог.
6 Ой да, пролегала было шлях-дороженька.
40 Ой да, у славного было у князюшки.
13 Ой да, ходил-то Добрыня.
50 Ой да, что не кукушка.
53 Ой да, что не пылочка.
27 Ой, из-за гор-то было.
63 Ой, как и во́ поле было.
21 Ой, как и жил-то был да Микита.
32 Ой, как у князя было у богатого.
15 Ой, как ходил-то Дончак.
41 Ой, у молодца голова болит.
10 По полюшку было Куликовскому.
14 Поизволила мене маменька.
9 Схотелось повольничать.
11 Что это за стук, за гром.

Указатель исполнителей и песен по месту записи и указатель вокальных составов помещены во второй части первого тома

ТЕМАТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

№№ песен *Стр.*

Илья Муромец

1 Ай, во городе что не стук стучит.
(Илья Муромец выезжает в поле). 50
2 Ай, да не горы-то сы горами сыходилися.
(Илья Муромец-Кузютушка собирается во дики степя) . 53
3 Ой, да из славного было из города.
(Илья Муромец у речки Смородинки) 56
4 Ай да, как во славном было во городе.
(Илья Муромец на речке Смородинке) 59
5 Ой, воздалече было, воздалеченько.
(На Илью Муромца нападают разбойники). 62
6 Ой, да пролегала было шлях-дороженька.
(Илья Муромец у ворот Киева). 65
7 Ой, да воздалéче было.
(Илья Муромец и целовальнички). 67

Добрыня Никитыч (Дончак)

8 Ай, вот и не светило солнышко.
(Добрыня выезжает на охоту богатырскую). 70
9 Схотелось повольничать.
(Добрыня гуляет по полю Куликовскому). 73
10 По полюшку было Куликовскому.
(Добрыня загулялся). 75
11 Что это за стук, за гром.
(Добрыня в поле и добрые молодцы). 78
12 Ай, вот и, ну, просился Добрынюшка.
(Добрыня возвращается с казáкованья) 80
13 Ой, да ходил-то Добрыня.
(Добрыня возвращается с полеванья). 83
14 Поизволила мене маменька.
(Возвращение Добрыни) 86
15 Ой, как ходил-то Дончак.
(Возвращение Дончака-Добрыни из Туречины). 89
16 Ай, как служил-то Дончак.
(Дончак-Добрыня прогулял молодую жену). 91

17 **Ай, да не буйные ветерочики.**
(Встреча Добрыни с Ильей Муромцем и возвращение ко двору) 93
17а. Да поехал наш Добрынюшка.
(Добрыня и Илюшенька). 97
18 Ай, во Царе-граде стольном Киеве.
(Дончак-Добрыня на пиру у князя Володимира). 99
19 Ой да, ну, не белые снежочки.
(Пригожий молодец Добрынюшка у князя Владимира). . 102
20 Как и жил-то был Микита.
(Добрыня и Маринка). 105
21 Ой, как и жил-то был да Микита.
(Добрыня и Маринка). 108
22 Ай, вот и, да не стук-то стучит.
(Бой Добрыни с Угаровичем). 112

Алеша Попович

23 Как у нас ноне солнце.
(Алёша и Змей Гориныч). 115
24 Да у князя было, князя Володимера.
(Бой Алеши Поповича с Змеем). 118

---

25 Как у славного у князя Володимера.
(Василий Тугарынь на пиру у князя Владимира). 121
26 Ай, в Вавилоне было.
(Змей Тугаринов). 123

Дюк Степанович

27 Ой, из-за гор-то было.
(Богатырь Дюк Степанович). 125
28 Ай, зародилась на многая множество.
(Дюк Степанович и красная девочка). 128
29 Ой да, как у нас-то было.
(Дюк Степанович и три разбойничка). . . . . .

Иван Гардинович

30 Ой, да, ну летал-то бы летал сизой орел.
(За Ивана Гардиновича едут свататься). 134
31 Да, во славном было да во городе.
(Иван Гардинович едет свататься). 138
32 Ой, как у князя было у богатого.
(Богатырь Иван Гардинович едет свататься). 140
33 Ай, все холостые поженилися.
(Сватовство Ивана Гардиновича). 142
34 Ой, да во славном было городе во Киеве.
(Спор Ивана Гардиновича с князем Владимиром). . . . 145
35 Да во славном было да во городе во Киеве.
(Старой Старик похваляется Василисой Перекрасовной). . 147
36 Ай, да во славном-то было во Царе-граде.
(Сватовство Долгорукого Васильюшки за Софеюшку Премудрую). 150

Садко

37 Как и пьёт-то вот, пьёт Садко.
(Садко выходит на кораблях во сине море). 153
38 Ой да, как во славном, во стольном городе.
(Садко на океан-море). 155
39 Ой, да как во полюшке.
(Садко на море кается). 159
40 Ой, да у славного было у князюшки.
(Сон Садко). 162
41 Ой, у молодца голова болит.
(Садко на море). 166

---

42 Ай, как народился на святой Руси.
(Васильюшка Буслаевич). 168
43 Ай, кто бы, кто бы то дознал.
(Былина о Севрюке). 171
44 Ай, согрешила нонеча.
(Былина про Александра Македонского). 175
45 Ай да, что по балочкам по вершиночкам.
(Молодой наездник и Аннушка, дочь княжелецкая). . . . 178
46 Ой да, перезяб, передрог.
(Аннушка, дочь княжелецкая и добрый молодец). 181

Гречин

47 Ой да, вдоль по улице.
(Удалой гречи́н) 183
48 Ой да, ну, во Крымской было.
(Про гречина) 186
49 Ай да и был там, служил.
(Гречин). 190

---

50 Ой да, что не кунушка.
(Богатырь де́вица поборола молодца). 192
51 Ай, уж вы, гусли мои, гусли звонкие.
(Братья разбойники и сестра). 195

Эпические песни о зверях и птицах

52 А и где-то бы, слышно.
(Индей-земля и Индрик-зверь) 198
53 Ой да, что не пылочка.
(Индрик-зверь и богатырь-охотник) 200
54 Ай, что воздо̀леко было.
(Индрик-зверь на Сыр-Дарье реке). 203
55 Ой да, ввечеру, братцы.
(Туры златорогие). 207
56 Да во по̀ле, во по́ле.
(Спор Сокола с конем) 210
57 Ай, много хаживал.
(Спор Сокола с конем). 212

58 Ой, да на ровной на площади.
(Спор сокола с конем) . . . . . .
59 Как заспорил соколик.
(Спор сокола с конем) . . . . . .
60 Ой да, ну, как по морю-то было.
(Орел и стадо лебединое) . . . . . .
61 Ай, да летал-то, летал.
(Орел и орлинушка). . . . . .
62 Ей, да туман-то, туман сы́ моря.
(Сокол «гонит» за орлом) . . . . . .
63 Ой, как и во́ поле было.
(Сокол и соколинка). . . . . .
64 Да по морюшку было по Верейскому.
(Лебедушка и Сокол) . . . . . .

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора 5

ВВЕДЕНИЕ

Собирание народных песен на Дону и моя работа. 9
Замечания собирателя. 27

БЫЛИННЫЕ ПЕСНИ

О складе былин северных и донских 33
Былины. Тексты и напевы 50

ПРИЛОЖЕНИЯ

Примечания автора 234
Алфавитный указатель имен 237
Алфавитный указатель географических названий 239
Алфавитный указатель былин 240
Тематическое содержание: 242

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница			*Напечатано*	*Следует читать*
50	такт 3-й			
81	строфа	5	чудушка	чадушка
92	сноска	2	отличающийся	отличающейся
106	»	3	войма	войми
114	строфа	25	Угарович	Угаровича
119	»	2	князья-богóтыри	князья-бóяры
120	»	46	покачивается	покачается
141	»	1	собирался	собиралася
143	»	22	лучлóся	лучилóся
152	»	9	негда	негде
154	»	2	мне	мене
160	»	6	до	да
163	»	8	ту	то
179	сноска	2	Альняненькой	Альяненькой
205	строфа	12	развивается	развевается
206	»	13	»	»
217	»	19	отого	оттого
222	»	7	посиротел	посиротил
233	»	14	окиян-мор	окиян-моря,
241	строка	17 сверху	кукушка	кунушка

Редактор С. Кондратьев
Техн. редактор Е. Уварова
Художник Б. Шварц

Подписано в печать 19/XI 1948 г.
Л124219 Печ. л. 31. Уч.-изд. л. 27,6.
Формат бумаги 82×110/16 Тир. 1 000.

Типо-литография Музгиза.
Москва, Щипок, 18. Зак. 1405.

№ 18071

Цена 30 р.